

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Таврическая академия
Кафедра уголовного процесса и криминалистики
Следственное управление МВД по Республике Крым

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(посвящённая 10-летию кафедры уголовного процесса и криминалистики)

(24-25 апреля 2015 года)
г. Симферополь-Алушта

Симферополь
2015

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4 (4Укр)
У26

Редакционная коллегия:

Михайлов М. А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Омельченко Т. В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

Составитель – Т. В. Омельченко

У26 **Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика:** материалы III международной научно-практической конференции, 24-25 апреля 2015 года, г. Симферополь-Алушта / отв. ред. М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко ; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – Симферополь : 2015. – 90 с.

Сборник содержит материалы III международной научно-практической конференции. Анализируются актуальные проблемы процессуального и криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по вопросам уголовного судопроизводства.

УДК 343.1.001.76
ББК 67.629.4 (4Укр)

***Материалы представлены в авторской редакции.
Ответственность за содержание докладов и тезисов несут авторы.***

ПРИМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

В последние десятилетия в нашей стране происходят процессы возрастания угрозы терроризма. Основной задачей правоохранительных органов является разработка наиболее эффективных инструментов противодействия этому социально опасному явлению. Однако на сегодняшний день полноценная реализация методики противодействия терроризма невозможна ввиду многообразия форм террористической деятельности и условий, в которых она проявляется.

Большинство исследований в области противодействия терроризму опирается на изучение характерных особенностей личности террористов, на их мотивацию и поведение в той или иной социополитической или экономической ситуации. Такой анализ представляется односторонним, поскольку направлен лишь на выявление предпосылок террористической деятельности без учёта более узкой формы отношений, которые возникают между террористами и их жертвами.

Таким образом, попытаемся рассмотреть основные вопросы противодействия терроризму с учётом положений криминалистической виктимологии, которая представляет собой научное направление, связанное с криминалистическим аспектом изучения жертвы преступления с целью оптимизации процесса раскрытия и профилактики преступлений. [5, с. 52]

Применительно к предмету нашего исследования, положения криминалистической виктимологии направлены на познание предрасположенности различных категорий граждан к тому, чтобы стать жертвой конкретного террористического акта, на исследование мотивов, целей и механизма его совершения. Ведь ни одно преступление не совершается беспричинно. Этому всегда сопутствуют определённые факторы, побуждающие злоумышленника совершить общественно-опасное деяние.

Как справедливо заметил В. И. Шиканов, данные, свидетельствующие о знании преступником условий жизни потерпевшего, должны быть тщательно проанализированы, поскольку такая осведомлённость могла обусловить способ совершения преступления...[5, с. 53]

Положения криминалистической виктимологии, на наш взгляд, должны обязательно учитываться при разработке системы мер по виктимологической профилактике терроризма.

По нашему мнению, криминалистический аспект виктимологической профилактики терроризма заключается в следующем:

1) практическая реализация положений криминалистической виктимологии способствует уяснению сущности конкретного преступного события и оптимизации процесса его расследования.

Так, получив сведения о признаках жертвы терактов, можно установить:

- является ли объектом преступления жизнь человека или террористический акт изначально был направлен иными объектами и не предполагал наличие людских жертв;

- обладает ли жертва признаками, наличие которых свидетельствует о преступлении с отягчающими обстоятельствами (например, террористический акт, проведённый в отношении сотрудников правоохранительных органов, либо представителей органов государственной или муниципальной власти);

- имеется ли взаимосвязь между особенностями жертвы террористического акта, механизмом и средствами его совершения;

- каково содержание умысла, мотив и цель преступления и т.д.

Подчёркивая значимость понятия "криминалистическая виктимология", В. С. Бурданова и В. М. Быков вводят понятие "виктимологического анализа" как планомерную и целенаправленную деятельность следователя по собиранию, исследованию и оценке данных о личности потерпевшего, его связях, особенностях поведения, отношениях с преступником, роли в совершении преступления в целях использования полученных результатов для определения наиболее эффективных тактических приёмов следственных и розыскных действий, а также выполнение иных задач расследования [1, с. 4].

Таким образом, определяющим фактором при расследовании преступления чаще всего становится именно поведение жертвы. Оно может быть вызывающим или легкомысленно-неосторожным, что может отразиться в следовой картине происшедшего, а также повлиять на правовую оценку содеянного [2, с. 588].

2) криминалистический аспект виктимологической профилактики терроризма способствует разработке и реализации мер по недопущению совершения новых террористических актов либо уменьшению масштабов его вредоносных последствий и количества жертв.

В целях реализации мер по профилактике терроризма следует определить, какие действия она в себя включает, а также какие цели и задачи преследует.

Согласно п. 4 ст. 3 Федерального Закона "О противодействии терроризму", профилактика терроризма включает в себя выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов.

При этом не следует смешивать понятия "профилактика терроризма" и "борьба с терроризмом", под которой понимается выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование террористического акта.

"Профилактика терроризма" - понятие более широкое, являющееся многоплановым, всеобъемлющим и непосредственно не связанным с готовящимся или уже свершившимся террористическим актом.[3, с. 29]

Однако данное понятие определяет основные направления разработки криминалистических механизмов профилактики терроризма с учётом всех условий (политических, экономических, социальных и т.д.), в которых возможно проявление террористической активности, а также особенностей поведения потенциальных жертв терроризма.

Согласно принятой Концепции противодействия терроризму, в Российской Федерации к основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма относятся:

- политические (нормализация общественно-политической ситуации, разрешение социальных конфликтов, снижение уровня социально-политической напряжённости, осуществление международного сотрудничества в области противодействия терроризму);

- социально-экономические (оздоровление экономики регионов Российской Федерации и выравнивание уровня их развития, сокращение масштабов маргинализации общества, его социального и имущественного расслоения и дифференциации, обеспечение социальной защиты населения);

- правовые (реализация принципа неотвратимости наказания за преступления террористического характера, незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, радиоактивных материалов, опасных биологических веществ и химических реагентов, финансирование терроризма, а также регулирование миграционных процессов и порядка использования информационно-коммуникационных систем);

- информационные (разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму);

- культурно-образовательные (пропаганда социально значимых ценностей и создание условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога);

- организационно-технические (разработка и реализация целевых программ и мероприятий по обеспечению критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей техническими средствами защиты, совершенствование механизма ответственности за несоблюдение требований обеспечения антитеррористической защищённости объектов террористической деятельности и улучшение технической оснащённости субъектов противодействия терроризму) [4].

Что же касается понятия "борьба с терроризмом", то согласно Концепции противодействия терроризму, в Российской Федерации она осуществляется на основе комплексного подхода к анализу причин возникновения и распространения терроризма, к выявлению субъектов террористической деятельности, чёткого разграничения функций и зоны ответственности субъектов противодействия терроризму, своевременного определения приоритетов в решении поставленных задач, совершенствования организации и взаимодействия оперативных, оперативно-боевых, войсковых и следственных подразделений путём внедрения штабного принципа организации управления контртеррористическими операциями и обеспечения указанных субъектов информационными ресурсами, включающими современные аппаратно-программные комплексы.

Таким образом, борьба с терроризмом – это комплекс специальных мер, способствующих созданию условий для разработки наиболее эффективных криминалистических рекомендаций и конкретных алгоритмов действий против осуществления террористической дея-

тельности. При этом в данном аспекте можно выделить следующие элементы:

- информационное обеспечение борьбы с терроризмом, позволяющее своевременно подготовить основные силы и средства, направленные на реализацию мер по недопущению совершения террористических актов, своевременное информирование потенциальных жертв терактов о готовящемся или совершенном преступлении;

- организационно-техническое обеспечение, позволяющее использовать все возможные средства, направленные на создание условий, по обеспечению безопасности потенциальных жертв террористических актов;

- организационно-тактическое обеспечение, позволяющее упорядочить работу по информационному и организационно-техническому обеспечению борьбы с терроризмом.

Основные элементы борьбы с терроризмом, так или иначе, отражаются на реализации мер по виктимологической профилактике терроризма. Они позволяют вести планомерную работу в конкретной ситуации, характеризующейся возможностью совершения террористических актов, либо не допустить увеличения количества их жертв.

Криминалистический аспект виктимологической профилактики терроризма призван создать оптимальные условия для обеспечения безопасности потенциальных жертв терроризма и разработать конкретные программы и алгоритмы воздействия на них. При этом должны учитываться и общие меры противодействия терроризму, изложенные в действующем законодательстве, а также в Концепции противодействия терроризму, в Российской Федерации, которая служит своеобразным ориентиром для поиска наиболее рациональных способов оптимизации деятельности, направленной на обеспечения безопасности и защиты потенциальных жертв терроризма. Кроме того, следует учитывать и конкретные способы оптимизации деятельности по виктимологической профилактике терроризма в опоре на разработанные частные криминалистические методики, позволяющие выявить характерные особенности совершения террористических актов и недопущения их совершения в будущем.

Литература: 1. Бурданова В.С. Виктимологические аспекты криминалистики [Текст] / В.С. Бурданова, В.М. Быков. – Ташкент. Изд-во. Ташк. ВШ МВД СССР. 1981. – 79 с.; 2. Корнаухова Т.В. От борьбы к профилактике терроризма / Т.В. Корнаухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 4 (24). – С. 27-30; 3. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – 781 с.; 4. Российская Газета. 20.10.2009. № 5022.; 5. Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений [Текст] / В.И. Шиканов. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 200 с.

Банников А. М.

*Инновационно-технический центр РТИ, Московский
государственный технический университет имени
Н. Э. Баумана
(Москва)*

Бочарова О. С.

*Российский государственный социальный университет,
филиал в г. Минске,*

Мазур О. В.

*Экспертно-криминалистический центр МВД России
(Москва)*

Ревинский В. В.

*ГУ "НПЦ Государственного комитета судебных
экспертиз Республики Беларусь"
(Минск, Беларусь)*

СТАТИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД ДЛЯ ОБРАБОТКИ МАССИВОВ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ С ЦЕЛЮ ПОЛУЧЕНИЯ СЛОВЕСНОГО ПОРТРЕТА В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ

В настоящее время большое внимание уделяется проблемам совершенствования регистрационно-поисковых систем, направленных на установление личности человека по признакам внешности. Постепенно начинается внедрение современных биометрических идентификационных технологий для распознавания по изображению лица с возможностью поиска по заданным антропометрическим точкам.

Типичным примером являются информационно-поисковые системы, обрабатывающие большие массивы данных, в том числе судебно-экспертные, осуществляющие формирование заключения по предъявленным изображениям лиц с учётом некоторого комплекса особенностей и отличительных признаков внешности человека, характерных для той или иной группы людей.

Поскольку в настоящий момент времени существуют системы, хранящие и обрабатывающие большие массивы данных, в том числе и с использованием алгоритмов обработки антропометрической информации, появилась возможность применения статистических методов для формирования функции, позволяющей использовать методику словесного портрета в автоматизированных системах поиска.

Данные системы, использующие функцию обработки словесного портрета, могут быть использованы и в судебно-экспертной практике для уменьшения субъективизма при проведении идентификационных исследований.

В процессе создания функции автоматизированной обработки словесного портрета используется математическое обеспечение, основанное на следующих базовых положениях:

- используемые дескрипторы антропометрических элементов лица квалифицируются как случайные величины;

- конкретные значения параметров, описывающих данные элементы лица, на практике определяются с некоторой погрешностью;

- нивелирование негативного влияния флуктуаций базовых дескрипторов может быть достигнуто с помощью разработанной статистической модели оценок требуемых параметров;

- анализ эффективности функции автоматизированной обработки словесного портрета наиболее точно может быть проведён по методикам, основанным на вероятностных характеристиках.

В случае если предъявляемые исходные материалы имеют неудовлетворительное качество, то погрешности измеренных значений дескрипторов антропометрических элементов лица могут оказаться слишком большими и даже неприемлемыми. Тогда принятие решения при автоматизированной обработке массивов антропометрических точек для получения словесного портрета должно целиком базироваться на статистических данных.

При составлении словесного портрета изображений лиц с выделением требуемого набора классификационных признаков роль статистической составляющей возрастает, что требует использования расширенной базы статистических данных (оценок измеряемых антропометрических параметров).

Следует особо подчеркнуть, что при большом объёме и высоком качестве базы лиц, с помощью которой формируется необходимый набор статистик для обозначенного вероятностного подхода, его практическое применение обеспечивает весьма высокую продуктивность.

Параметрическую базу для подобных систем должны составлять антропометрические характеристики лиц. Ключевым требованием, предъявляемым к используемым параметрам, является их надёжность, рассматриваемая с позиций достоверности и точности определения в автоматическом режиме.

Статистический метод позволяет учесть данные практического опыта, которые отражает комплекс тех или иных статистик – оценок требуемых вероятностных характеристик антропометрических параметров. В качестве базовых статистик могут использоваться выборочные математические ожидания (средние значения) и дисперсии исследуемых антропометрических параметров.

Для статистической оценки были выбраны антропометрические параметры, характеризующиеся набором константных антропометрических точек, используемых в большинстве созданных автоматизированных информационно-поисковых систем криминалистического назначения по установлению личности человека.

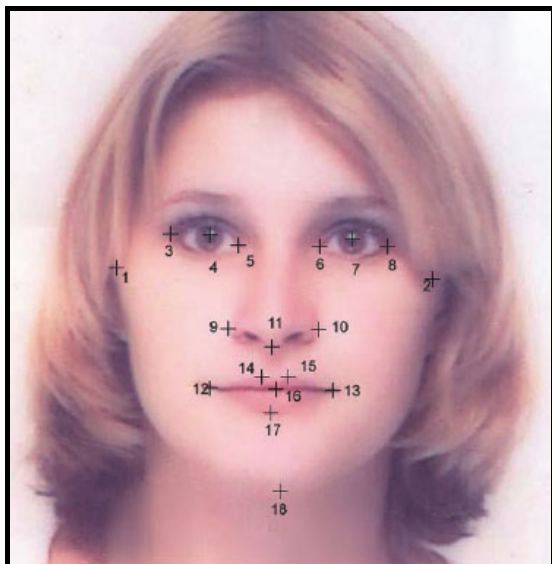
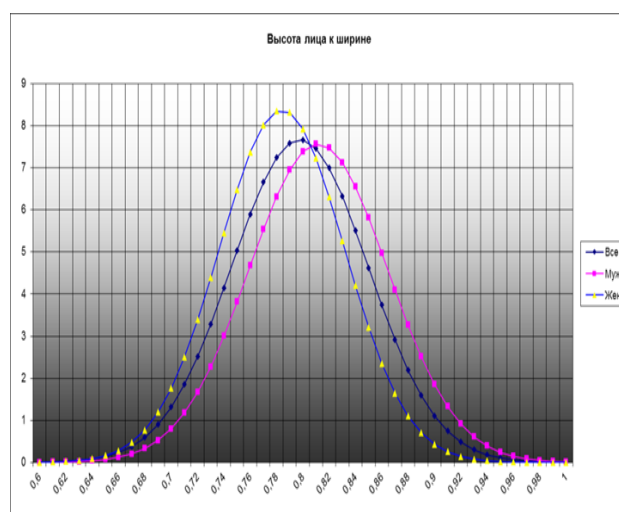
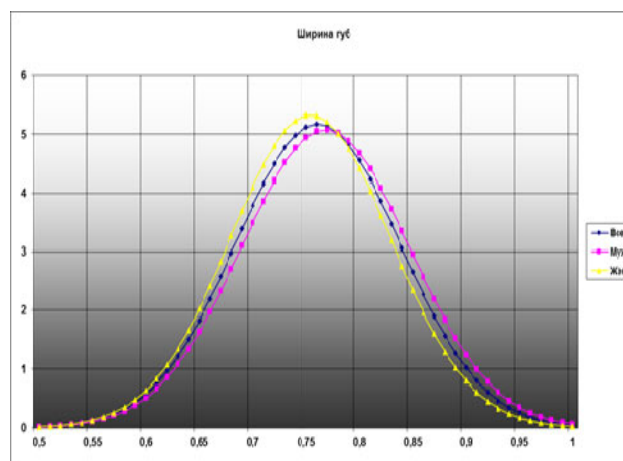
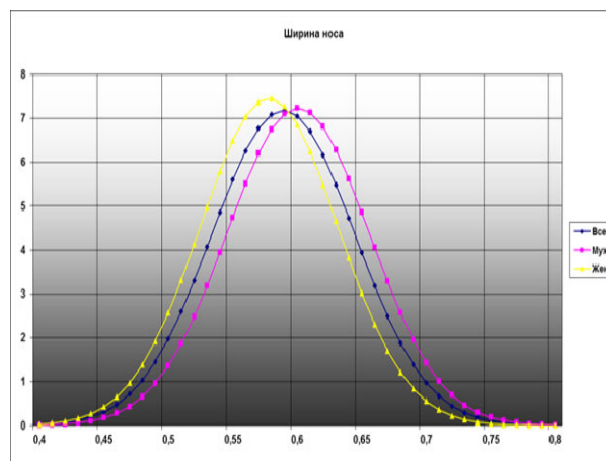

Рис. 1

Наименование точек	Место размещения точек на изображении
1 – 2 надкозельковые	точки, находящиеся на границе козелка и начального завитка
5 – 6 внутренние глазные (углы глаз)	точки слияния внутреннего края верхнего и нижнего века в области переносья
4 – 7 зрачки глаз	центральные точки зрачков глаз
3 – 8 наружные глазные (углы глаз)	точки слияния внутренних краёв верхнего и нижнего века в области висков
9 – 10 нижненокосовые	крайние точки крыльев носа, находящиеся на пересечении касательных вертикалей к крыльям носа с линией, соединяющей нижние точки слияния крыльев носа с верхней губой
11 – нижненокосовая вспомогательная	точка пересечения срединной вертикали с линией, соединяющей точки 9 и 10
14 – 15 верхнегубные	наиболее выступающие точки верхней линии каймы верхней губы
16 – ротовая	точка на срединной вертикали, разделяющая каймы верхней и нижней губ
17 – нижнегубная	наиболее опущенная вниз точка линии каймы нижней губы
12 – 13 крайнегубные (углы рта)	крайние точки видимой части каемок губ
18 – подбородочная	наиболее низко расположенная (под костной частью) точка на контуре подбородка

Выбранные антропометрические точки, являются в большинстве случаев константными, поскольку связаны со строением черепа и могут быть однозначно определены на объекте, что позволяет строить устойчивые алгоритмы автоматизированного поиска.

В качестве примера приведём результаты, полученные на массиве лиц порядка 1 000 000, которые позволили оценить ширину носа, ширину губ, отношение высоты лица к его ширине.

На рисунках приведены плотности вероятностей нормированных антропометрических параметров в процентах. Нормирование производилось следующим образом. Горизонталь проводилась по центральным точкам зрачков глаз с нормированием расстояния между зрачками (точки 4,7 на рис. 1). Вертикаль строилась посредством деления надвое нормированного расстояния горизонтали (между точками 4,7 рис. 1) и проведением перпендикуляра до точки 18 (рис. 1) – наиболее низко расположенной точки на контуре подбородка (под костной частью) с нормированием данного расстояния.

Анализ приведённых на рисунках зависимостей можно использовать для автоматического составления

словесного описания лица. Например, для оценки ширины носа можно применить следующие соотношения:

-если нормированная величина (данные по горизонтали) меньше 0,15, то словесное описание "ширина носа" принимается как "узкая";

-если нормированная величина (данные по горизонтали) больше 0,85, то словесное описание "ширина носа" принимается как "широкая".

Подобные словесные описания изображения лица можно использовать для всех измеряемых антропометрических параметров и их сочетания. Данный подход также может быть применён при анализе изменений характеристик лица в зависимости от пола, национальной принадлежности, возраста.

Статистический подход, связанный с обработкой больших массивов антропометрических данных с целью получения словесного портрета в автоматическом режиме позволяет сформулировать нижеследующие основные выводы:

1) Антропометрическая параметризация лиц в автоматическом режиме должна проводиться с использованием точек, отличающихся стабильностью и надёжностью.

2) Выделение словесных описаний признаков лица позволит уменьшить субъективизм при проведении судебных экспертиз, особенно на некачественных изображениях.

3) Получение словесного портрета позволит создать более скоростные алгоритмы автоматизированной обработки портретной биометрической информации путём уменьшения необходимых массивов данных при поиске.

Багов А. Т.

*Исполнительный директор ООО "Ростовец"
(Ростов-на-Дону)*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПЕРЕДАЧИ ЛИЦА, ОСУЖДЁННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ, ГРАЖДАНИНОМ КОТОРОГО ОНО ЯВЛЯЕТСЯ

Распространение преступности за рамки отдельно взятых государств, образование транснациональных преступных организаций обусловили возрастание роли международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее УПК РФ) международному сотрудничеству посвящена Часть пятая, в которой содержатся основные положения о порядке взаимодействия органов, участвующих в уголовном судопроизводстве с соответствующими органами и должностными лицами зарубежных государств, порядке выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора. Одной из важных мер предупреждения преступности является возвращение отбывающих наказание лиц к нормальной жизни. Для достижения этого, часто бывает необходимо, чтобы лицам, лишённым свободы, была предоставлена возможность отбывать наказание в стране их гражданства. Так, ст. 17 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. рекомендует государствам заключать соглашение о пере-

даче лиц, осуждённых к тюремному заключению или другим видам лишения свободы за преступления, охватываемые Конвенцией, с тем, чтобы они могли отбывать срок наказания на их территории.

Основанием для передачи лица, осуждённого к лишению свободы, служит вступивший в законную силу приговор при наличии международного договора. Впрочем, отсутствие договора не может повлиять на законность передачи, если она осуществляется на основе принципа взаимности. В соответствии со ст. 469 УПК РФ основанием для передачи является международный договор РФ с соответствующим иностранным государством или письменное соглашение на условиях взаимности Генерального прокурора РФ с компетентными органами и должностными лицами иностранного государства. Не разделяем позицию законодателя, который в качестве альтернативы международному договору указывает письменное соглашение Генерального прокурора РФ, которое в данном случае является индивидуальным актом. Так, согласно ч. 2 ст. 63 Конституции РФ передача осуждённых для отбывания наказания осуществляется "на основе федерального закона или международного договора Российской Федерации". Кроме того, ст. 6 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" устанавливает обязательность постановлений иностранных судов (а передача, прежде всего, означает признание иностранного приговора) лишь в случаях, предусмотренных международными договорами. Отсутствие договора с соответствующим государством означает, что требование о передаче может быть не выполнено РФ. В свою очередь, иностранным государством может быть отказано в передаче осуждённого лица в РФ. В этом заключено явное противоречие ст. 469 УПК РФ Конституции РФ и ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации".

Проведённый юридический анализ Конвенции о передаче лиц, осуждённых к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г. (в дальнейшем Конвенция 1998 г.), принятой в рамках СНГ, Конвенции Совета Европы о передаче осуждённых лиц от 21.03.1983 г., Конвенции о передаче лиц, осуждённых к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются от 19 мая 1978 г. (в дальнейшем Конвенция 1978 г.), ряда международных и двухсторонних договоров РФ, позволяет говорить о том, что вопрос о лицах, которые могут быть переданы для отбывания наказания, решён неоднозначно. Так передаваться могут: а) только граждане государств-участников договора (ст. 1 Конвенции 1978 г., ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осуждённых для отбывания наказания от 4 марта 1993 г., ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Грузией о передаче для отбывания наказания лиц, осуждённых к лишению свободы от 15 марта 1996 г. и др.); б) граждане и иные лица, имеющие постоянное место жительства на территории этого государства (ст. 1 Договора между СССР и Финляндской Республикой о взаимной передаче для отбывания наказания лиц, осуждённых к лишению свободы от 08.11.1990 г., ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о передаче осуждённых для отбывания наказания от 26 мая 1994 г., ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Туркменистаном о передаче для отбывания наказания

лиц, осуждённых к лишению свободы от 18 мая 1995 г., ст. 2 Конвенции 1998 г.).

Так, ст. 470 УПК РФ не включает в перечень лиц, могущих быть переданными, лиц, не являющихся гражданами, но имеющими постоянное место жительства в запрашиваемом государстве, что вряд ли обоснованно, учитывая международные обязательства РФ.

В практике РФ можно отметить два подхода к определению оснований отказа в передаче: а) Договор между СССР и Финляндской Республикой о взаимной передаче для отбывания наказания лиц, осуждённых к лишению свободы от 08.11.1990 г. и Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о передаче осуждённых для отбывания наказания от 14.03.1993 г. не фиксируют оснований отказа, предусматривая лишь случаи возможной передачи (используется метод "от противного"); б) согласно ст. 4 Конвенции 1978 г. передача осуждённого не производится, если: по законодательству государства, гражданином которого является осуждённый, деяние, за которое он осуждён, не является преступлением; в государстве, гражданином которого является осуждённый, за совершенное деяние он понёс наказание или был оправдан, либо дело было прекращено, а равно, если лицо освобождено от наказания компетентным органом этого государства; наказание не может быть исполнено в государстве, гражданином которого является осуждённый, вследствие истечения сроков давности или по иному основанию, предусмотренному законодательством этого государства; осуждённый имеет постоянное место жительства на территории государства, судом которого вынесен приговор; не достигнуто согласие о передаче осуждённого на условиях, предусмотренных Конвенцией.

Так, в соответствии со ст. 6 Конвенции 1998 г. в передаче осуждённого может быть отказано также, если им не возмещён ущерб, нанесённый преступлением.

В ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Туркменистаном от 18.05.1995 г. и ст. 3 Договора между Российской Федерацией и Грузией о передаче для отбывания лиц, осуждённых к лишению свободы от 15.03.1996 г. к названным обстоятельствам добавлены ещё два. Передача не осуществляется, если: нет согласия осуждённого, а в случае неспособности его свободно изъявить свою волю из-за возраста, физического или умственного состояния - согласия его законного представителя; на момент получения запроса о передаче срок лишения свободы, который осуждённому ещё предстоит отбыть, составляет менее шести месяцев. Правда, в исключительных случаях стороны могут договориться о передаче, даже если срок отбывания наказания составляет менее шести месяцев.

Кроме того, необходимо отметить, что государство, выносящее приговор, обязуется разъяснить осуждённому его право на обращение с ходатайством о передаче. Такая обязанность зафиксирована всеми международными договорами, в которых участвует РФ. Конвенция 1998 г. в ст. 6 даёт более детальное разъяснение этого правила: "о возможности передачи и её юридических последствиях осуждённому либо его законному представителю должно быть письменно разъяснено должностными лицами центральных или территориальных органов управления уголовно-исполнительной системы государства вынесения приговора".

Однако пожалуй, наибольшие гарантии защиты прав выдаваемых лиц содержит ст. 65 Договора между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам 2000 г.: государство вынесения приговора информирует осуждённого о его праве на передачу и о правовых последствиях передачи, одновременно с оглашением приговора. Данный вариант представляется наиболее удачным, так как осуждённый получает возможность выбора соответствующего способа защиты своих прав с момента оглашения приговора.

Не решённым остаётся вопрос относительно субъекта права на обращение с ходатайством. Договорная практика РФ на этот счёт весьма разнообразна. Обращаться с ходатайством о передаче могут: а) осуждённый (ст. 2 Договора с Финляндией); б) осуждённый и его родственники (ст. 5 Конвенции 1978 г., ст. 3 Договора с Латвией, ст. 2 Договора с Туркменистаном); в) осуждённый, его родственники и законные представители осуждённого (ст. 2 Договора с Азербайджаном, ст. 2 Договора с Грузией); г) осуждённый, его близкие родственники, законный представитель и адвокат (ст. 5 Конвенции 1998 г.).

В свою очередь, УПК РФ (ч. 1 ст. 470) относится к числу субъектов права на обращение с ходатайством: осуждённого, его представителя, а также компетентный орган иностранного государства.

В соответствии с международными договорами РФ ходатайство о передаче для отбывания наказания может быть обращено как к государству вынесения приговора, так и к государству, его исполняющему. В действующем УПК РФ этот вопрос не решён.

Срок рассмотрения запроса о передаче в ряде соглашений не определён. Так, в соответствии со ст. 8 Конвенции 1978 г. уведомление компетентного органа о согласии либо об отказе принять осуждённого должно производиться в "возможно короткий срок", в свою очередь Конвенция 1998 г. предусматривает предельный срок рассмотрения запроса – 40 суток, но РФ ратифицировала данную Конвенцию с оговоркой в ст. 3, увеличив срок рассмотрения сообщения о принятом решении о передаче осуждённого до 120 суток.

Государство исполнения приговора обеспечивает продолжение отбывания наказания в соответствии со своим законодательством, не ухудшая положение осуждённого. Назначенное осуждённому наказание отбывается на основании, приговора суда страны вынесения приговора. В срок наказания в виде лишения свободы засчитывается отбытый срок в государстве вынесения приговора. Суд государства исполнения приговора, исходя из вынесенного приговора, принимает решение о его исполнении, определяя по закону своего государства такой же срок лишения свободы, как и назначенный по приговору. В том случае, когда по законодательству государства исполнения приговора за данное деяние предельный срок лишения свободы меньше, чем назначенный по приговору, суд определяет максимальный срок лишения свободы, предусматриваемый законодательством этого государства. Если приговор относится к двум или нескольким деяниям, не все из которых признаются преступлениями в РФ, судья определяет какая часть наказания, назначенного по приговору иностранного государства, применяется к дея-

нию, являющемуся преступлением по национальному законодательству РФ.

Таким образом, проведённый анализ норм международного права и национального законодательства РФ выявил основные недостатки в сфере международного сотрудничества по вопросам передачи лиц, осуждённых к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются. Глава 55 УПК РФ не в полной мере учитывает международные обязательства РФ и нуждается в законодательной доработке и совершенствовании. Рассмотренные выше положения и чёткий порядок их реализации обеспечит эффективное международное сотрудничество РФ в сфере уголовного судопроизводства.

Бекетов А. О.

Омская академия МВД России (Омск)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРА

Масштабные изменения, внесённые Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации", направленные на разграничение функций надзора за предварительным расследованием и функции уголовного преследования, а также на повышение независимости органов предварительного расследования и процессуальной самостоятельности следователей, повлекли за собой появление нового участника уголовного процесса – руководителя следственного органа, который стал обладать значительными процессуальными полномочиями. Одной из целей данных изменений, по мнению Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству, рассматривавшего проект указанного Федерального закона также являлось освобождение прокурора от осуществления руководства деятельностью следователей и в связи с этим получение возможности более эффективно осуществлять надзор за соблюдением закона при производстве дознания, предварительного следствия и при рассмотрении уголовных дел в судах.

Несмотря на то, что основной целью изменений все же являлось повышение процессуальной самостоятельности следователя, разработчики федерального закона по каким-то причинам наоборот устранили из УПК РФ нормы о его процессуальной самостоятельности. Так, ч. 3 ст. 38 УПК РФ, в которой закреплялся перечень указаний и решений, исполнение которых приостанавливалось в случае их обжалования, а также ч. 4 ст. 38 УПК РФ, которая регламентировала возможные решения вышестоящего должностного лица, разрешавшего возражения следователя – были исключены. Взамен следователю "разрешили" обжаловать возвращение прокурором уголовного дела на дополнительное расследование (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), не согласиться с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия (ч. 3 ст. 38 УПК РФ), а также обжаловать указания руководителя следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Более того, решения

прокурора следователь может обжаловать теперь только с разрешения руководителя следственного органа.

Нормативное регулирование, действовавшее до принятия Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, регламентировало право следователя самостоятельно обжаловать неограниченный круг действий и решений прокурора, а также его бездействие (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Исполнение широкого круга решений и указаний в случае их обжалования приостанавливалось. Также законодателем был установлен единый порядок и сроки рассмотрения возражений следователя, который регламентировался ст. 124 УПК РФ.

В настоящее время данный правовой механизм утрачен. В соответствии с ч. 4 ст. 124 УПК РФ следователь вправе обжаловать действия (бездействие) и решения прокурора в случаях, предусмотренных УПК. В УПК РФ же прямо предусмотрена возможность обжалования лишь трёх решений прокурора:

- об отмене постановления о возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объёма обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения (п. 5 ч. 2 ст. 38, ч. 4 ст. 221 УПК РФ);
- об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ).

При этом говорить о каком-то едином порядке рассмотрения жалоб следователя вышестоящим прокурором уже не приходится – закон устанавливает различные сроки и правовые последствия обращений применительно к конкретным ситуациям обжалования.

Помимо рассмотренных выше случаев, УПК РФ прямо не закрепляет право органов предварительного следствия оспаривать действия и решения прокурора вышестоящему прокурору. Тем не менее, практика показывает, что во многих случаях решения прокурора встречают возражения следователей или руководителей следственных органов. В наибольшей степени это касается таких решений, как: отмена постановления об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела; изъятие уголовного дела у одного органа предварительного расследования и передача другому.

Вопрос о возможности обжалования следователем широкого круга решений прокурора на страницах юридической печати решается по-разному. Одни учёные, анализируя закон, утверждают о возможности обжалования любых решений прокурора, другие – предлагают признавать обращения следователя к вышестоящему прокурору с возражениями на действия, обжалование которых прямо не закреплено, – не легитимными.

Практика обжалования решений прокурора должностными лицами следственных подразделений ОВД в различных регионах Российской Федерации также существенно различается, вплоть до принятия диаметрально противоположных решений.

В некоторых субъектах Федерации вышестоящие прокуроры "позволяют" следователям обжаловать решения прокуроров, право на обжалование которых не закреплено в УПК РФ. В других прокуроры не принимают подобные обращения следователей к рассмотрению, мотивируя это тем, что право на обжалование того или иного решения прокурора не закреплено в дейст-

вующем уголовно-процессуальном законе. Однако такие значительные различия в правоприменительной практике недопустимы, так как в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" целью деятельности прокуратуры является в том числе обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности. Таким образом, именно прокуратура должна обеспечивать единообразное толкование и применение действующих законов на всей территории Российской Федерации. Но исходя из приведённых примеров, на практике данное положение в полной мере не реализуется.

Руководители следственных органов соответствующих федеральных органов исполнительной власти не регламентируют действия следователей своих ведомств при несогласии с решениями прокурора.

Однако руководителям следственных подразделений Следственного комитета РФ предписывается принимать меры к обжалованию при несогласии с решением прокурора об отмене постановления об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела в установленном законом порядке в соответствии с п. 1.6 Приказа Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 "Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации" и п. 1.26 Приказа Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 "Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации".

Системный анализ действующего нормативного регулирования позволяет сделать вывод о том, что возможность обращения следователя или руководителя следственного органа к вышестоящему прокурору по вопросу отмены им решений нижестоящего прокурора все же не ограничивается кругом только тех решений, обжалование которых прямо предусмотрено УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" органы прокуратуры строятся на основании принципа подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим. Согласно ст. 7 УПК РФ постановления прокурора должны быть законными, обоснованными и мотивированными, а пункт 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уполномочивает прокурора отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора. Статья 10 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" закрепляет, что в органах прокуратуры в соответствии с их полномочиями разрешаются заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов.

Из совокупности приведённых норм вытекает, что прокурор, надзирающий за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия не только вправе, но и обязан проверять законность и обоснованность принятых нижестоящим прокурором решений. Поводом для такой проверки могут послужить и обращения должностных лиц органов предварительного следствия.

Следует иметь в виду, что прокурор все же не всегда принимает обоснованные и законные решения. В таких случаях для исправления возможных ошибок у следователя и руководителя следственного органа должна быть возможность обращения к вышестоящему прокурору.

И хотя действующий закон не обязывает прокурора разрешать обращение следователя в строгом соответствии с нормами УПК, установление по направленным следователем материалам нарушений закона со стороны прокурора должно повлечь принятие им соответствующих мер реагирования.

Считаем серьёзной ошибкой законодателя произошедшее устранение из закона права следователя на обжалование любых действий и решений прокурора и порядка его реализации. Соответствующие нормы должны быть восстановлены в УПК РФ.

Таким образом, действующее регулирование отношений обжалования следователем решений прокурора страдает существенной неполнотой. Кроме того, внесение изменений в УПК РФ, касающихся рассматриваемых правоотношений, демонстрирует, что у законодателя отсутствует определённая концепция взаимоотношений прокурора и следователя.

Белкин А. Р.

*Московский государственный университет
приборостроения и информатики (Москва)*

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ

Статьи 182–183 УПК РФ, регламентирующие производство обыска и выемки, достаточно подробны. В то же время приходится признать необходимость уточнения формулировок и структуризации соответствующих норм.

В частности, обыск и выемку может производить не только следователь, но и дознаватель. Далее, поскольку обнаружение разыскиваемых лиц и трупов тоже является одной из целей обыска, представляется разумным перенести содержание ч. 16 ст. 182 в ч. 1. В ч. 3 той же статьи следует упомянуть также помещения, используемые для адвокатской деятельности (ранее мы предлагали в этой связи дополнить ч. 2 ст. 29 УПК новым пунктом 61 [1, § 3.1]).

Формулировка ч. 5 ст. 182 несколько невнятна. Если следователь принял решение не производить обыск, то в результате какого действия он произвёл изъятие выданных предметов, документов, ценностей? Правильнее было бы указать, что следователь вправе на этом закончить производство обыска (см. также [2, с. 261.]), тем более что это намного лучше согласуется с текстом ч. 13 той же статьи, прямо требующей указать, были ли эти предметы, документы или ценности выданы добровольно или изъяты принудительно. Добровольная выдача могла, кстати, произойти и не в начале обыска, а в его ходе.

В ч. 6 упомянута возможность вскрытия любых помещений, но УПК РСФСР в ч. 4 ст. 170 упоминал не только помещения, но и хранилища, что гораздо точнее. Кроме того, требование открыть помещение (хранилище) может быть адресовано не только его владельцу, но и хранителю.

Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ в ст. 182 УПК введена часть 91, регламентирующая изъятие электронных носителей информации при производстве обыска, а в ст. 183 – практически идентичная ей часть 31, касающаяся такого же действия в ходе выемки. Учитывая неоспоримую важность подобного изъятия,

нам представляется методически более правильным оговорить правила его производства в отдельной новой статье 1642 УПК РФ, приведя в ст. 182–183 соответствующие отсылки.

Отличие ч. 11 ст. 182 от соответствующей нормы ч. 2 ст. 169 УПК РСФСР заслуживает отдельного упоминания. Нынешняя норма излишне императивна: При производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. Однако вполне вероятна ситуация, когда к моменту производства обыска в жилище текущее местонахождение этих лиц неизвестно, либо их участие по каким-либо другим причинам исключено. Между тем ч. 2 ст. 169 УПК РСФСР на этот случай предусматривала участие представителя жилищно-эксплуатационной организации или местных органов исполнительной власти. Как справедливо отмечает С.Ф. Шумилин, "многолетняя практика применения положения, закреплённого в части 2 ст. 169 УПК РСФСР, не выявила его ущербности, которая могла бы стать причиной, по которой ему не нашлось места в ст. 182 УПК РФ. Представляется, что указанный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть устранён путём дополнения <...> части 11 ст. 182 УПК РФ словами "а в случае невозможности участия этих лиц – представитель жилищно-эксплуатационной организации или местного органа самоуправления" [3, с. 266]. Сходную позицию занимают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский [4, с. 536].

Немало вопросов возникает и в связи с правом присутствия при обыске защитника, а также адвоката того лица, в помещении которого производится обыск (ч. 11 ст. 182 УПК). В обеспечение этого права следователь обязан уведомить защитника об обыске и приступить к его производству после появления защитника в указанном месте. Однако: а) заранее предупреждать защитника бессмысленно; б) обыск может производиться в безотлагательном порядке; в) к моменту начала обыска следователь может не иметь сведений о местонахождении защитника и не может сообщить ему о предстоящем обыске. В итоге следователю придётся отложить производство обыска до прибытия защитника либо произвести обыск без его участия. Первое чревато заметным снижением результативности обыска, во втором случае произведённый обыск рискует быть признанным незаконным, а его плоды недопустимыми доказательствами.

Одним из путей разрешения данной дилеммы могло бы быть дополнение ч. 11 ст. 182 указанием на то, что в случаях, не терпящих отлагательства, и при невозможности обеспечить присутствие защитника подозреваемого или обвиняемого, следователь вправе произвести обыск без его участия [3, с. 267]; одна-ко более логичным в таких ситуациях нам кажется назначение защитника. Что же до адвоката лица, у которого производится обыск, то его неявка в течение некоторого времени – вполне достаточное основание для того, чтобы произвести (или хотя бы начать) обыск и без него.

Формулировка ч. 1 ст. 183 УПК излишне подробна, поскольку степень точности может быть понята по-разному. Вместо этого следует оговорить запрет на производство поисковых действий при выемке.

Необходимость судебной санкции на производство выемки в жилище, а также выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охра-

няемую федеральным законом тайну, информацию о вкладах и счетах граждан в банках и кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, явно предусмотрена п.п. 5, 51 и 7 ч. 2 ст. 29 УПК, и снова повторять это в ч. 3 ст. 183 (да ещё и не полностью – выемка в жилище почему-то не упомянута) особой необходимостью нет. Во всяком случае, уместнее просто дать отсылку к ст. 29 УПК.

С учётом всего сказанного выше, предложим ряд поправок к ст. 182–183 УПК РФ и формулировку новой ст. 1642 УПК.

Статья 182. Основания и порядок производства обыска

1. Основанием производства обыска является наличие достаточных данных предполагать, что в каком-либо месте (у какого-либо лица) могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, имеющие значение для уголовного дела. Обыск может производиться также в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

2. Обыск производится на основании постановления следователя (дознателя) с участием понятых.

3. Обыск в жилище и в помещениях, используемых для адвокатской деятельности, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьёй 165 настоящего Кодекса.

4. До начала обыска следователь (дознатель) предъявляет постановление о его производстве, а в случаях, предусмотренных частью третьей настоящей статьи, – судебное разрешение на его производство.

5. До начала обыска следователь (дознатель) предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь (дознатель) вправе дальнейших поисковых действий не производить.

6. При производстве обыска следователь (дознатель) вправе вскрывать любые помещения и хранилища, если владелец (хранитель) отказывается добровольно их открыть. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества.

7. Следователь (дознатель) принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведён обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц.

8. Следователь (дознатель) вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска.

<...>

91. Исключена.

10. При производстве обыска может быть произведено изъятие предметов, образцов, документов, ценностей, трупов, а также задержание разыскиваемых лиц. Всё изъятое предъявляется понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковывается и опечатывается на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц. Изъятие электронных носителей информации производится в порядке статьи 1642 настоящего Кодекса.

11. При производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи, а в случае невозможности участия этих лиц – представитель жилищно-эксплуатационной организации или местного органа самоуправления. При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск.

111. При неявке защитника в течение 2 часов после предъявления постановления о производстве обыска следователь (дознатель) вправе приступить к обыску в присутствии защитника по назначению либо в отсутствие защитника (за исключением случаев, предусмотренных в порядке пунктов 2–9 части первой статьи 51 настоящего Кодекса. При неявке в течение 2 часов после предъявления постановления о производстве обыска адвоката лица, в помещении которого производится обыск, следователь (дознатель) вправе приступить к обыску в его отсутствие.

<...>

16. Исключена.

Статья 183. Основания и порядок производства выемки

1. При необходимости изъятия определённых предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, относительно которых известно, где и у кого они находятся, производится их выемка.

2. Выемка производится в порядке, установленном статьёй 182 настоящего Кодекса, с изъятиями, предусмотренными настоящей статьёй. Производство поисковых действий при выемке исключается.

3. В случаях, предусмотренных пунктами 5, 51 и 7 части второй статьи 29 настоящего Кодекса выемка производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке статьи 165 настоящего Кодекса.

31. При производстве выемки изъятие электронных носителей информации производится в порядке статьи 1642 настоящего Кодекса.

<...>

5. До начала выемки следователь (дознатель) предлагает выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, а при отказе производит выемку принудительно.

<...>

Статья 1642. Изъятие электронных носителей информации при выемке и обыске

1. Изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста и понятых.

2. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в выемке, осуществляется копирование информации с изымаемых носителей информации на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых носителей информации или обладателем содержащейся на них информации.

3. При производстве выемки не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации.

4. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых носителей информации или об-

ладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе делается запись.

Основные споры вокруг такого следственного действия, как личный обыск, связаны с возможностью его производства не только без соответствующей судебной санкции (и даже без последующего получения судебного разрешения в порядке части 5 ст. 165 УПК), но и без вынесения постановления. В то же время нельзя не отметить, что соответствующие нормы Закона изложены недостаточно чётко и внятно.

УПК выделяет два специальных случая производства личного обыска.

Во-первых, это личный обыск при задержании лица или его заключении под стражу. Статья 93 УПК допускает производство личного обыска при задержании без вынесения постановления, причём п. 6 ч. 2 ст. 29 особо уточняет, что судебной санкции (видимо, в том числе и апостериорной) для этого не требуется. Часть 2 ст. 184 УПК не требует постановления и для личного обыска при заключении под стражу; что же до судебной санкции на личный обыск, то рискнём предположить, что законодатель полагает достаточной уже полученную гораздо более серьёзную санкцию на заключение под стражу.

Во-вторых, это личный обыск лица, находящегося в месте производства обыска и предположительно скрывающего при себе важные предметы или документы. Часть 2 ст. 184 УПК и в этом случае не требует отдельного постановления, а как насчёт судебной санкции? Очевидно, что решение о производстве личного обыска в такой ситуации принимается оперативно, так что заранее получить судебную санкцию невозможно. Обратившись к ч. 5 ст. 165 УПК в её текущей редакции, можно видеть, что личный обыск в ней упомянут в числе действий, которые могут быть санкционированы судом апостериорно; однако суд должен принимать решение на основании представленного постановления следователя. Коль скоро постановления нет в принципе – значит, и судебная санкция не предусмотрена?

На наш взгляд, это совершенно недопустимо. Если при обыске в жилище хоть каким-то обоснованием нарушения принципа неприкосновенности личности может служить наличие "объемлющей" санкции на обыск всего помещения, где закономерно или случайно оказалось данное лицо, – своего рода *lex loci*; то при обыске вне жилого помещения даже такого слабенького оправдания нарушению важнейшего принципа мы не видим.

Нам представляется, что правильным было бы требовать вынесения постановления о производстве личного обыска с последующим получением апостериорной судебной санкции.

Отметим ещё, что по месту производства обыска можно произвести личный обыск не только подозреваемого, обвиняемого, но и любого оказавшегося там лица, предположительно скрывающего на себе что-то важное, хотя это формально противоречит ч. 1 ст. 184 УПК.

С учётом сказанного, предложим поправки к ст. 184 УПК, учитывающие также и ранее внесённые коррективы в ч. 5 ст. 165 и ст. 182 УПК:

Статья 184. Личный обыск

1. Личный обыск подозреваемого, обвиняемого производится в целях обнаружения и изъятия предметов и документов, могущих иметь значение для уголовного дела, при наличии оснований и в порядке, которые предусмотрены ст. 182 настоящего Кодекса.

2. При задержании лица или заключении его под стражу личный обыск может быть произведён без соответствующего постановления и не требует получения судебного разрешения.

21. При наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела, следователь (дознатель) вправе вынести постановление и произвести личный обыск данного лица в порядке части пятой статьи 165 настоящего Кодекса.

3. Личный обыск лица производится только следователем (дознателем) одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

Литература: 1. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? М.: Норма, 2013. 2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к УПК РФ: (постатейный). 13-е изд., пере-раб. и доп. М.: Проспект, 2015. 3. Шумилин С.Ф. Теоретические основы и прикладные проблемы механизма реализации полномочий следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юр. наук. Воронеж, 2010. 4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к УПК РФ. 5-е изд., перераб. и доп. / Смирнов А.В., ред. М.: Проспект, 2009.

Боровских Р. Н.

*Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского национального исследовательского
государственного университета (Новосибирск)*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Криминалистическая характеристика мошенничества в сфере страхования отличается от таковой при описании мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ, прежде всего способом совершения преступления, а точнее содержанием используемых преступником обмана или злоупотребления доверием. Мошеннический обман в данном случае осуществляется относительно самого факта наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю и иному лицу [1, с. 228.].

К числу наиболее распространённых способов совершения мошенничества в сфере страхования относятся: использование похищенных бланков полисов страхования, намеренная порча бланков полисов страхования, инсценировка кражи или угона автомобиля, инсценировка ДТП, уничтожение автомобиля, фальсификация экспертного заключения относительно размера причинённого ущерба и другие [2, с. 82-83].

Несложно заметить, что каждый из вышеперечисленных способов

совершения мошенничества имеет преступный характер (ст.ст. 325, 326, 327, 306, 285, 290-292, 307 УК РФ, соответственно). Налицо органичное единство

«страхового» мошенничества и сопутствующих преступлений.

Сопутствующими мошенничеству в сфере страхования могут выступать самые различные преступления: должностные и коррупционные, преступления против порядка управления, преступления против правосудия и др. Так, например, мошенничество в сфере страхования путём инсценировки угона, поджога либо ДТП и фальсификации соответствующих материалов предполагает, что мошенничеству неизменно будут сопутствовать: заведомо ложный донос о факте угона (поджога), взяточничество за оформление подложных документов о ДТП, злоупотребление полномочиями и служебный подлог при составлении таких документов, дача заведомо ложных свидетельских показаний и заведомо ложного заключения эксперта относительно обстоятельств ДТП и размера подлежащего возмещению ущерба, коммерческий подкуп эксперта, подстрекательство к вышеперечисленным преступлениям и т.п.).

Из приведённого видна многоплановость сопутствующих преступлений: здесь и преступления-способы вовлечения, и преступления-способы приготовления к мошенничеству, и преступления-способы совершения мошенничества, и преступления-способы сокрытия мошенничества, и преступления-способы противодействия расследованию мошенничества.

Очевидной также является высокая степень «охвата» участием в мошеннической схеме широкого круга лиц, как знакомых и (или) близких виновному, так и ранее незнакомых ему.

Следует безусловно согласиться с мнением криминалистов о том, что именно способ преступления является тем признаком, который в первую очередь обуславливает тактико-методические особенности расследования преступлений в сфере страхования [3, с. 300]. Это, в частности, означает, что рассмотренная выше отличительная особенность мошенничества в сфере страхования должна определять специфику проведения всего комплекса следственных действий при расследовании данных уголовных дел и, в частности, допроса подозреваемого в совершении преступления.

В рамках данной статьи невозможно раскрыть содержание всех особенностей расследования мошенничества в сфере страхования. Охарактеризуем одну из тех, которой, как следует из изученной практики, уделяется крайне недостаточное внимание.

Речь о том, что при расследовании мошенничества в сфере страхования следователи зачастую не придают должного значения проверке и разработке версий о причастности подозреваемого либо иных лиц к совершению сопутствующих преступлений. Между тем многие авторы подчёркивают, что ориентация субъектов уголовного преследования на выявление совокупностей и неоднократности в рамках своей деятельности по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений является одним из ключевых принципов расследования [4, с. 71].

Например, при расследовании мошенничества, реализуемого «по схеме» страхования повреждённого автомобиля путём предъявления для предстрахового осмотра «целого» аналогичного авто, принадлежащего другому лицу, далеко не всегда устанавливаются сведения о таком лице и его возможной причастности к мошенничеству в качестве пособника[5]. Другим по-

добным примером может служить ситуация, когда оказываются неустановленными следствием лица, реализовавшие подозреваемому в мошенничестве фиктивный страховой полис, иные подложные документы, а также участвовавшие в фальсификации факта ДТП и его обстоятельств, принимавшие посредническое участие во взяточничестве и т.п. Соответственно, в отношении указанных преступных деяний должно уголовно-правовое реагирование не осуществляется.

На основании вышеизложенного, можно сформулировать ряд тактико-методических рекомендаций по организации расследования мошенничества в сфере страхования.

Первое. Одно из важнейших рекомендаций состоит в необходимости выдвижения и проверки версий о совокупности преступлений – мошенничества в сфере страхования и сопутствующих ему преступлений.

Второе. Следует устанавливать обстоятельства, при которых лицу (лицам), виновным в совершении мошенничества в сфере страхования, удалось приобрести (добыть) средства совершения преступления: поддельный страховой полис, сфальсифицированные документы о ДТП, подложное экспертное заключение и т.п. При установлении данных обстоятельств требуется проверить версии о возможной причастности к мошенничеству родственников и знакомых виновного, работников страховых организаций (в том числе, из числа руководящего состава), сотрудников ГИБДД и иных правоохранительных органов, должностных лиц экспертных организаций, нотариусов. Перспективным в данном отношении видится механизм выявления коррупционных преступлений.

Третье. В ходе расследования фактов мошенничества в сфере страхования целесообразно принимать во внимание возможность того, что виновные лица могут совершить данное преступление, будучи вовлечёнными иными лицами, действующими в составе организованной группы или преступного сообщества. Практика свидетельствует, что такие примеры являются весьма распространёнными. Здесь кроются значительные возможности противодействия организованной преступной деятельности в сфере страхования.

Четвёртое. Весьма важным моментом является проверка фактов «отсутствия реагирования» со стороны руководства страховых организаций в случаях выявления ими признаков мошенничества. Нередко данные факты остаются без должного внимания, а руководство страховой организации при выявлении мошенничества не обращается в правоохранительные органы, ограничиваясь отказом в выплате страхового возмещения. Лишь при обращении «страхователей»-мошенников в суд с требованием о взыскании со страховой организации страхового возмещения, руководство страховщика инициирует уголовное преследования. Налицо факты попустительства мошенническим посягательства в сфере страхования, что потворствует распространению в массовом сознании «мифа» о ненаказуемости, невыявляемости данного вида преступлений. Борьба с такими заблуждениями видится одной из ключевых составляющих противодействия мошенничеству в сфере страхования.

Литература: 1. Наумова Ю.Н. Особенности криминалистической характеристики специальных видов мошенничества / Теория и практика выявления и расследования экономических и иных преступлений: материалы Международной интернет-конференции (Н. Новгород, 20 мая 2013 г.). / Под ред. д.ю.н., проф. А.Ф. Лубина. – Н.

Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. – С. 224-229; 2. Махова И.В. Методика расследования мошенничества в сфере страхования / Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие / Под. Ред. проф. А.Г. Филиппова, доц. Л.Е. Чистовой. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 80-94; 3. Лубин С.А. Расследование преступлений в сфере страхования / Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией: Учебно-практическое пособие / Под ред. А. Ф. Лубина и С. Ю. Журавлева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. С. 296-309; 4. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества: учебно-практическое пособие. – М., Изд-во «Норма» - 2009. – 304 с.; 5. Приговор Московского районного суда г. Н.Новгорода от 24.09.2012г. в отношении К. и Ш. // Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sudact.ru.

Бородин В. С.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья имеет полемический характер высказывания отдельных определений, но, в целом нами разделяется мнение учёных криминалистов, на которые мы ссылались при формировании наших позиций.

В связи со сложностью следственной ситуации первоначального этапа усложняется и сам процесс расследования уголовного дела. Сложность обуславливается: дефицитом исходной информации; поисковым характером следственной деятельности; преодолением противодействия заинтересованных лиц; повышением психической напряжённости следователя, вызванная эмоциональными нагрузками, а также умственными затруднениями в ходе принятия решения, иногда в предельно короткие сроки.

По завершению первоначальных неотложных следственных и иных действий следователь приступает к прогнозированию будущего расследования. Организация расследования конкретного преступления – есть процесс (духовная и практическая деятельность) формирования целей, определения предмета доказывания, сил, средств, необходимых для его установления и плана их использования [1. с.68]. Само расследование будет характеризовано количеством, объёмом, содержанием следственных и иных действий (организационно-подготовительных, оперативно-розыскных, процессуальных, проверочных), т.е. сложностью расследования [2. с.15]. Понятие "криминалистическая сложность расследования" разрабатывалось В.Д. Зеленским в статьях и научных работах с 1982 года [3.], поддерживали и развили данное понятие в своих исследованиях М. В. Головин, В. К. Спружевников и др.

Сложность уголовного дела и криминалистическая его составляющая, как характеристика содержательной стороны расследования, определяется комплексом факторов. Отметим, они действуют в различных ситуациях, на различных этапах расследования и полностью раскрываются лишь после его окончания. Среди них: во-первых, обстоятельства, совершения и сокрытия преступления, которые характеризуют механизм совершения преступного деяния, т. е. приготовление, совершение и сокрытие преступления; способ совершения преступления; характер очевидных следов и иных фактических данных, сохранившихся к моменту расследо-

вания их количество с точки зрения пригодности к экспертным исследованиям; время, прошедшее с момента совершения преступления до начала расследования, Весомое значение имеет "характер показаний свидетелей и очевидцев, воспринимающих событие преступления, их правдивые и своевременные в полном объеме показания, способствующие правильному установлению направления расследования. Имеет значение и момент установления подозреваемого, а также социально-психологическая характеристика его личности" [2. с.15].

Во-вторых, обстоятельства расследования: характер следственной ситуаций первоначального и последующего этапов расследования; особенности процесса установления обстоятельств различных видов преступлений; многоэпизодность преступной деятельности; личность преступника и его противодействие; количество соучастников, их социально-психологическая характеристика; характеристика противодействия расследованию; используемые следователем технические средства и дополнительные силы, профессиональное мастерство следователя, количество всех проводимых им следственных и иных действий.

Криминалистическую сложность можно представить как характеристику процесса расследования, отражающую "реально необходимые силы, средства, способы, объёмы и интенсивность их применения. Показателем, отражающим эти элементы сложности, является фактическое время расследования " [4. с.16] преступного деяния. Таким образом, в зависимости от перечисленных ранее факторов для установления обстоятельств того или иного преступления требуются различные условия и фактическое время: от нескольких часов до месяцев и лет. На основании подсчёта такого времени расследования В. Д. Зеленский выделил четыре категории (вида, типа) криминалистической сложности:

1. Простые, одномоментные, совершенные в условиях очевидности преступления, расследуются просто. Продолжительность следственных действий, по установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания – до 10 часов, организационно-подготовительные действия - около 30 часов [2. с.16] . По мнению Спружевникова полное время простых составляет до 15 рабочих дней. [5. с.12]

2. Усложнённые. Усложняет расследования установление многочисленных деталей (например, очевидное убийство или простое преступление, совершенное неизвестным в начале расследования преступником). Полное время рас-следования до 30 рабочих дней.

3. Сложные. Сложно расследуются многоэпизодные или одноэпизодные, но совершенные в условиях неочевидности или организованные преступления, которые характеризуются противодействием со стороны как преступника, так и заинтересованных лиц. Время расследования до 60 рабочих дней.

4. Особо сложные. Особую сложность представляют расследования неочевидных, многоэпизодных организованных группой лиц, длящиеся преступлений (убийства, бандитизм, терроризм). Полное расследование осуществляется от нескольких месяцев до нескольких лет.

В рассмотренных типах криминалистической сложности расследуемого события время выступает как показатель вышеуказанных критериев, прежде всего ко-

личества следственных и иных действий. Здесь же выделим, что отнесение расследования конкретного преступления к той или иной степени криминалистической сложности может быть несколько ориентировочно [5. с.11] , но, перечисленные ранее криминалисты, используют их в своих исследованиях. Так, например, В.К. Спружевников полагает, что параметры первоначального этапа расследования преступления зависят от степени криминалистической сложности. Простые и усложнённые расследования делятся на два этапа: первоначальный и последующий. Первоначальный этап завершается установлением подозреваемого и проверкой его причастности к совершению преступления, предъявлением обвинения. Сложные и особо сложные расследования проводятся, в основном, в три этапа: первоначальный, последующий, заключительный. Так как данные расследования, значительно больше по объёму, по поиску, обнаружению подозреваемого, процессуальному закреплению следов преступления. Первоначальный этап в таких расследованиях заканчивается выявлением подозреваемого и его допросом, либо образованием системы целей по делу и составлением развёрнутого плана расследования [5. с.11-12]. М. В. Головин, исследуя проблемы целеопределения в расследовании, отмечает, что криминалистическая сложность прямо влияет на процесс целеопределения. Чем сложнее расследование, тем сложнее и процесс определения целей [2. с.15].

В. Д. Зеленский полагает, что учёт криминалистической сложности необходим для оптимизации процесса становления и профессионализма следователя, организации работы следственного подразделения, соблюдения оптимальной нагрузки следователей [4. с.16]. Все эти мнения сходятся в одном: во избежание ошибок в расследовании следует, поручать сложные и особо сложные расследования квалифицированным следователям, руководителям группы следователей или следственно-оперативной группы.

Резюмируя, отметим, что криминалистическая сложность процесса расследования представляет собой характеристику, которая отражает совокупность сил, средств, необходимых для достижения истины по делу, а также весь комплекс приёмов, способов, времени, интенсивность, эффективность их применения.

Литература: 1.Зеленский В.Д. О понятии научной организации и управления расследованием. //Правоведение 1982, № 34. - с. 67—71; 2. Головин М.В. Проблемы целеопределения в расследовании: автореферат дис. кандидат юридических наук: 2003, - Краснодар, 2003. - 30с.; 3. О понятии научной организации и управления расследованием. // Правоведение 1982, № 34. - с. 66—71; Классификация расследования преступлений по степени их криминалистической сложности // Региональные особенности преступлений и проблемы эффективности борьбы с нею. Тезисы докладов и сообщений на научно-практической конференции (30-31 мая 1985г.) – Махачкала: 1985. 124-126с.; Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты /Зеленский В.Д.; отв. ред. Лукин Ю.Н. – Ростов на Дону; Изд-во Ростовского университета, 1989. – 152с: Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: автореферат дис. доктор юридических наук.: 1991. – Краснодар, 1991. - 42с.; 4. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: автореферат дис. доктор юридических наук.: 1991. – Краснодар, 1991. - 42с.; 5. Спружевников В.К. Организация первоначального этапа расследования преступлений: автореферат дис. кандидат юридических наук 2011. – Краснодар: 2011. – 30с.

ЗАЩИТА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

Примирение сторон в уголовном деле - один из способов разрешения уголовно-правового спора на основе мирного соглашения конфликтующих сторон, который имеет глубокие исторические корни и большое социальное значение. Мирный исход любого социального конфликта, устраняющий столкновение разнополярных интересов, всегда привлекателен и более предпочтителен, чем принудительное разрешение спорной ситуации, поскольку более естественным путём устраняет источник антагонизма и снимает угрозу дальнейшей конфронтации в обществе, восстанавливает мир и спокойствие между людьми.

Уголовно-правовые конфликты - наиболее острые и опасные для общества по своим последствиям конфронтационные ситуации, вызванные нарушением уголовно-правового запрета и наносящие ущерб охраняемым уголовным законом ценностям. В результате преступных посягательств в различном сочетании могут нарушаться конкретные права и свободы личности, права и законные интересы организаций, государственные интересы, но в любом случае наносится ущерб урегулированных правом общественным отношениям, а значит и общественным интересам.

Разрешение уголовно-правовых конфликтов происходит строго в уголовно-процессуальных формах, что обуславливает столкновение в ходе производства по уголовному делу публичных и частных интересов, а также частных интересов различных лиц и предопределяет конфликтность самого уголовного судопроизводства. Но и в данной области общественных отношений, несмотря на нормативно определённый жёсткий, репрессивный характер реагирования государства на преступные посягательства, предусмотрены возможности для мирного и взаимоприемлемого урегулирования социального конфликта.

Уголовное законодательство России допускает примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим и предусматривает данное обстоятельство в качестве основания для освобождения виновного от уголовной ответственности (ст.76 УК РФ), которое означает отказ от уголовного преследования и публичного судебного порицания преступника и его наказания за содеянное, а также аннулирование иных уголовно-правовых последствий совершенного преступления [1, с. 414]. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон происходит в форме прекращения уголовного дела (ч.2 ст. 20, ст. 25 УПК РФ).

Законодатель вполне разумно поставил решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности и прекращении уголовного дела за примирением сторон в зависимости от степени общественной опасности совершенного преступления и ряда условий, тем самым учёл необходимость защиты не только частных интересов потерпевших и обвиняемых (подозреваемых), но и интереса публичного, который видится в ограждении

общества от иных преступных посягательств, а значит в достижении целей общей и частной превенции, а так же в утверждении социальной справедливости, которая не может быть обеспечена при и широкомасштабном освобождении от уголовной ответственности или её произвольном применении без учёта характера и степени общественной опасности преступного деяния и личности преступника.

Освобождение от уголовной ответственности за примирением сторон возможно только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. УПК РФ дифференцирует примирение, состоявшееся: 1) по делам, основанным на частном обвинении; и 2) по делам, по которым обвинение осуществляется в публичном и частно-публичном порядках. В первом случае речь идёт о делах частного обвинения (статьи 115, 116 и 128.1 УК РФ), возбуждённым по жалобе потерпевшего или его законного представителя. В таком уголовно-правовом конфликте, возникающем исключительно в сфере частной жизни и имеющем незначительную степень общественной опасности породившего его преступления, публичный интерес настолько мал, что обвинение по делу осуществляется частным порядком, и государство в лице органов обвинительной власти не участвует в уголовном преследовании виновного, за исключением случаев, предусмотренных ч.4 ст.20 УПК РФ либо когда данное деяние совершено лицом, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст.447 УПК РФ). Поскольку публичный интерес в данной категории дел не задействован и не защищается органами уголовного преследования, примирение сторон - их частное дело, не ограниченное никакими условиями и рамками и влечёт обязательное прекращение уголовного дела мировым судьёй в соответствии с интересами сторон (ч.5 ст.319 УПК РФ).

По делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, по которым осуществляется публичное уголовное преследование, а также по делам частного обвинения, возбуждённым и расследованным органами предварительного расследования в случаях, предусмотренных ч.4 ст.20 УПК РФ, примирение сторон может послужить основанием для прекращения уголовного дела по ст.25 УПК РФ только при наличии дополнительных условий: а) преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, совершено им впервые; б) обвиняемый (подозреваемый) загладил причинённый потерпевшему вред; в) о примирении заявил потерпевший.

По данным Академии управления МВД России, в 2013 г. органами предварительного расследования РФ за примирением сторон прекращено 1743 уголовных дела, в 2014 г. без учёта Крымского федерального округа - 1578 дел или. В тоже время, согласно статистическим отчётам Судебного департамента при Верховном Суде РФ [2], судами первой инстанции РФ только за 2013 г. за примирением сторон прекращено 184 763 уголовных дела, из них по ст.25 УПК РФ - 158 340 дел, по которым осуществлялось досудебное производство и публичное уголовное преследование.

Приведённые данные свидетельствуют о различных подходах правоприменителей - органов уголовного преследования и судов - в учёте публичных и частных интересов при решении вопроса о прекращении уголовного дела за примирением сторон, что нашло отражение и в научной полемике.

Камнем преткновения стал вопрос о возможности примирения обвиняемого с потерпевшим и прекращения уголовного дела по делам о так называемых двух-объектных преступлениях, например, против общественной безопасности и общественного порядка, против государственной власти и правосудия и т.д. В. А. Давыдов полагает, что поскольку ст.76 УК РФ не предусматривает ограничений для освобождения лица от уголовной ответственности в зависимости от объекта преступления, положения данной статьи могут применяться и к лицу, совершившему двухобъектное преступление [3, с.273]. Аналогичную позицию занимают судебные органы, которые, исходя из буквального толкования ст.25 УПК РФ, по делам о любых преступлениях небольшой и средней тяжести (например, по ч.1 ст.213, ч.1 ст.285, ч.1 ст.286, ч.1 и 2 ст.306, ст. 307, ч.1 ст.318, ч.1 ст.296 УК РФ и др.) при наличии формально признанного потерпевшего прекращают уголовное преследование и (или) производство по делу в целом по его заявлению о примирении с обвиняемым. Так, Новодвинским городским судом Архангельской области прекращено уголовное дело в отношении Лебедева, обминавшегося в преступлении, предусмотренном ч.1.ст.318 УК РФ, и примирившегося с потерпевшим - инспектором службы отдельного взвода ППС ОВД по г. Новодвинску [4]. Данная практика судов общей юрисдикции поддержана Верховным Судом РФ. В ней за стремлением максимально обеспечить права потерпевшего - физического лица усматривается пренебрежение общественными и государственными интересами, на которые направлено преступное посягательство [5, с. 49].

Иную позицию занимают А. П. Анисимов, А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский, которые считают, что прекращение уголовного дела за примирением сторон недопустимо при совершении преступления, основной объект которого - государственные или общественные интересы [6].

Гарбатович Д. отмечает, что прокуроры, возражая против прекращения уголовных дел по заявлениям потерпевших о примирении, ссылаются на следующие обстоятельства: а) решение суда о прекращении дела приведёт к формированию твёрдого общественного мнения о возможности безнаказанно уйти от ответственности, что не отвечает целям восстановления социальной справедливости и не способствует исправлению лица, совершившего преступление, а это в конечном итоге может послужить поводом для совершения новых преступлений; б) совершено корыстное преступление; и) совершенное подсудимым деяние имеет высокую общественную опасность; г) причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего; д) совершение преступления в группе лиц по предварительному либо лицом, ранее неоднократно привлекавшимся к уголовной ответственности; е) прекращение дела в отношении подсудимого не послужит его исправлению; ж) лицо обвиняется не только в причинении смерти человеку, но и в нарушении федерального законодательства [7, с.33]. Как видим из перечисленного, большинство доводов прокуроров продиктовано заботой о соблюдении публичных интересов. Очевидно, аналогичными аргументами органы уголовного преследования руководствуются и при решении вопроса о прекращении дела на стадии предварительного расследования.

Представляется, что в равной степени порочными и не соответствующими задачам уголовного права и уголовного судопроизводства являются практики, которые создают искусственное препятствия для завершения уголовно-правового конфликта миром, когда это предусмотрено законом, чем нарушают индивидуальные права граждан и ущемляют частный интерес, так и, напротив, при наличии формального примирения «автоматически» влекут прекращение дела без учёта общественных (публичных) интересов по делам, по которым в силу характера совершенного преступления и объекта преступного посягательства, такой интерес очевиден.

Думается, что существующую коллизию правоприменительной традиции возможно устранить законодательным путём, предусмотрев в процедуре прекращения дела по ст.25 УПК РФ обязательное согласие на прекращение уголовного дела со стороны прокурора (государственного обвинителя), призванного защищать не только права личности, но и публичный интерес.

Дискуссионным в теории и практике остаётся и вопрос о дискреционности полномочий органов, осуществляющих производство по делу, по прекращению дела в связи с примирением сторон. Обязательно ли такое примирение для органов расследования и суда? По мнению профессора Б.Т. Безлепкина прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, даже при соблюдении всех требуемых законом условий, не является обязательным исходом данного дела. Суд, прокурор, следователь и дознаватель вправе принять решение о таком прекращении, но и вправе направить его для судебного рассмотрения в обычном порядке, и такое решение, по мнению Б. Т. Безлепкина, может быть мотивировано любым соображением публичного свойства [8, с. 42]. Аналогичную позицию занимает Дуюнов В.К. [9, с.198]. Однако судебная практика по данному вопросу весьма противоречива.

Так, суды Архангельской области длительное время исходили из обязательности прекращения уголовного дела при достигнутом между потерпевшим и обвиняемым примирении в силу требований ст.381 УПК РФ, согласно которой непрекращение уголовного дела при наличии к тому оснований, предусмотренных УПК РФ, является основанием для отмены приговора. И такая позиция была подкреплена практикой Верховного Суда РФ [10]. Другие судебные органы, например суды Республики Татарстан решения о прекращении уголовного дела принимают избирательно, не основываясь только на факте примирения [7].

Буквальное толкование ст.76 УК РФ, в которой говорится, что «лицо может быть освобождено от уголовной ответственности», приводит к выводу о том, что такой исход не является обязательным последствием примирения. О праве, а не обязанности органом расследования и суда прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон сказано и в ст.25 УПК РФ. Но возникает вопрос, чем руководствоваться органам публичной власти, какими критериями при решении вопроса, влечёт ли состоявшееся примирение обвиняемого с потерпевшим освобождение его от уголовной ответственности?

В одном из своих определений Конституционный Суд РФ высказал позицию, согласно которой указание в ст.25 УПК РФ на то, что суд вправе, а не обязан прекратить уголовное дела, не предполагает возможность произвольного решения судом этого вопроса исключи-

тельно на основе своего усмотрения. Рассматривая ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, орган или должностное лицо, осуществляющее производство по делу, не просто констатирует наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимает соответствующее решение с учётом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, включая степень общественной опасности совершенного деяния, личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность [11].

В последние годы и позиция Верховного Суда РФ стала более последовательной по рассматриваемому вопросу. В п.7 Постановлении от 9 декабря 2008 г. № 25 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил судам, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьёй 264 УК РФ, за примирением сторон является правом, а не обязанностью суда. При принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением лица, совершившего преступление, с потерпевшим, суду надлежит всесторонне исследовать характер и степень общественной опасности содеянного, данные о личности подсудимого, иные обстоятельства дела. Принимая решение, следует оценить, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства [12]. Аналогичного рода разъяснения содержатся и в более поздних постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [13]. Таким образом, судебная практика прекращения дела за примирением сторон нацеливается не только на соблюдение личных прав участников процесса, но и на защиту общественных (публичных) интересов.

Литература: 1. Российское уголовное право 2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2013 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>; 3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2012; 4. Постановление Новодвинского городского суда Архангельской по делу № 1-134/2011 от 23 ноября 2011 г. // URL: <https://rospravosudie.com/court-novodvinskij-gorodskoj-sud-arxangelskaya-oblast-s/act-101387347> (дата обращения: 3 марта 2015 г.); 5. Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2011. № 3; 6. Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10; 7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский / Под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс»; 8. Гарбатович Д. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. № 2; 9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2006. 10. Дуюнов В.К. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005; 11. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 57-Д05-9 от 24.05.2005 г. // СПС «КонсультантПлюс»; 12. Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 УПК РФ» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». 13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». 14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» и от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего порядок и основания освобождения от уголовной ответственности».

Быков В. М.

Тамбовский государственный технический университет (Тамбов)

ПРОБЛЕМЫ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

УПК РФ устанавливает, что исследуя доказательств, суд имеет право производить следующие судебные действия: допрос подсудимого (ст. 275), оглашать его показания (ст. 276), допрашивать потерпевшего и свидетелей (ст. 277, 278), оглашать их показания (ст. 281) и допрашивать эксперта (ст. 282).

В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 275 УПК РФ при согласии подсудимого дать показания первыми его допрашивают защитник и участники судебного разбирательства со стороны защиты, затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения.

На наш взгляд, судебное следствие должно начинаться с допроса потерпевшего, и первым его должен допрашивать государственный обвинитель, а затем участники судебного разбирательства со стороны защиты. Как известно, ст. 52 Конституции РФ предоставляет всем потерпевшим от преступления защиту, доступ к правосудию и компенсацию причинённого преступлением вреда. Кроме того, ч. 1 ст. 6 УПК РФ устанавливает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Руководствуясь указанными нормами, суд должен начинать судебное следствие с допроса потерпевшего, что позволит максимально обеспечить права и законные интересы потерпевшего при рассмотрении судом уголовного дела. По действующему ныне закону потерпевший в соответствии со ст. 277 УПК РФ допрашивается в суде как обычный свидетель по тем же правилам (ст. 278 УПК РФ). В связи с указанным предложением законодателю следует ввести в УПК РФ соответствующие изменения.

УПК РФ предоставляет право суду в ходе судебного следствия производить следующие судебные действия: назначать судебную экспертизу (ст. 283 УПК РФ), производить осмотр вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ), оглашать протоколы следственных действий (ст. 285 УПК РФ), приобщать к материалам уголовного дела документы, представленные суду (ст. 286 УПК РФ). В отношении указанных судебных действий не может быть никаких возражений – они расширяют возможности суда в исследовании доказательств.

Судебная экспертиза всегда играла важную роль в доказывании по уголовным делам. Поэтому можно только приветствовать обращение Пленума Верховного Суда РФ к этой важной в научном и практическом отношениях проблеме судебной деятельности, в котором Верховный Суд РФ обратил внимание и на обеспечение прав участников судебного разбирательства [1].

Так, например, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняются права потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы, предусмотренные п. 5, 9, 11 ч. 2 ст. 42, ст. 198 УПК РФ. Авторы постановления в целом правильно изложили требования закона относительно прав потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы,

однако и здесь остались вопросы, которые Пленум Верховного Суда РФ не разъяснил.

Как известно, законодатель не указывает срок, в течение которого участники уголовного процесса, как со стороны обвинения, так и со стороны защиты должны быть следователем ознакомлены с заключением эксперта. Это определённое упущение законодателя. Нам представляется, что этот срок должен быть не менее пяти суток, иначе заинтересованные участники процесса не смогут своевременно ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы или истребовать заключение специалиста для помощи в оценке проведённой экспертизы. В постановлении Пленума следовало, на наш взгляд, разъяснить этот вопрос и высказать по этому вопросу свою позицию [2, с. 10-14].

В ст. 287 УПК РФ указывается на право суда произвести осмотр местности и помещений. На наш взгляд, эта норма без критического осмысления перекочевала в УПК РФ из УПК РСФСР, в котором содержалась ст. 293, в которой указывалась, что суд может осмотреть какое-либо помещение или местность.

Комментируя эту норму, Т. Н. Добровольская в своё время правильно указывала: "С момента совершения преступления до момента производства судом осмотра помещения или местности, как правило, проходит значительный период. Поэтому судебный осмотр (в отличие от осмотра, проводимого на более ранних стадиях процесса) не может производиться с целью фиксации обстановки на месте происшествия сразу же или вслед за совершением преступления или вскоре после него. По тем же основаниям он не может иметь своей основной задачей и обнаружение следов преступления и иных вещественных доказательств" [3, с. 245-246].

Таким образом, Т. Н. Добровольская справедливо признает, что доказательственное значение судебного осмотра является ничтожным. Кроме того, сложно себе представить, как будет производиться осмотр местности или помещения составом суда вместе со сторонами – прокурором, потерпевшим, подсудимым или подсудимыми с их защитниками и другими участниками судебного процесса.

Следующее судебное действие, предусмотренное ст. 288 УПК РФ, это судебный эксперимент. Видимо, по недосмотру законодателя, судебный эксперимент в ст. 288 УПК РФ назван почему-то "следственным экспериментом". Как указывается в ч. 1 ст. 288 УПК РФ, следственный эксперимент производится судом с участием сторон, а при необходимости и с участием свидетелей, эксперта и специалиста. Следственный эксперимент производится на основании определения или постановления суда. Что касается порядка производства следственного эксперимента, то в соответствии с ч. 2 ст. 288 УПК РФ суд производит следственный эксперимент в соответствии с требованиями ст. 181 УПК РФ.

Заметим, что следственный эксперимент – это одно из сложных следственных действий, производство которого требует большой подготовки – подбор необходимых участников, приглашение специалистов и понятых, нередко на месте производства следственного эксперимента необходимо произвести так называемую реконструкцию обстановки, подготовки необходимых технических средств фиксации хода и результатов следственного эксперимента.

Очевидно, что суду сложно организовать и провести такое судебное действие как следственный эксперимент, поэтому и это следственное действие законодательно не следует возлагать на суд. Полагаем, что в связи с этим ст. 288 УПК РФ законодателем должна быть исключена из УПК РФ.

В связи с этим нам трудно согласиться с мнением А. И. Симака в том, что "судебный эксперимент должен проводиться во всех случаях, когда трудно с достоверностью установить место преступления, поверить причину противоречий в показаниях участников процесса, версии, выдвинутые в ходе судебного следствия его участниками" [4, с. 92-93].

Ещё одно судебное действие, производство которого законодатель необоснованно возложил на суд – это предъявление для опознания. Ст. 289 УПК РФ весьма кратко регламентирует производство этого судебного действия, указывая только, что в случае необходимости предъявления в суде для опознания лица или предмета опознание производится в соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ.

Между тем, предъявление для опознания – это одно из сложных следственных действий. При его производстве необходима определённая подготовка: допрос опознающего о приметах, по которым он может опознать предъявленное для опознания лицо, подбор участников предъявления для опознания, средств фиксации хода и результатов предъявления для опознания.

Если предъявление для опознания будет проводить суд с участием сторон и других участвующих в процессе лиц, то это обстоятельство может неблагоприятно отразиться на результатах опознания, на его результаты не могут иметь какое-либо доказательное значения.

В связи с этим нам трудно согласиться с мнением О. А. Смирновой о необходимости проведения предъявления для опознания в судебном следствии [5, с. 55-56]. На наш взгляд, суд вообще не должен проводить рассматриваемое судебное действие и ст. 289 УПК РФ должна быть законодателем исключена из УПК РФ.

И последнее судебное действие, производство которого законодатель также возлагает на суд – это освидетельствование лица. В ч. 2 ст. 290 УПК РФ указывается, что освидетельствование лица, сопровождающееся обнажением, производится в отдельном помещении врачом или иным специалистом, которым составляется и подписывается акт освидетельствования, после чего указанные лица в зад судебного заседания. В присутствии сторон и освидетельствованного лица врач или иной специалист сообщает суду о следах и приметах на теле освидетельствованного, если они обнаружены, отвечает на вопросы сторон и судей. Акт освидетельствования приобщается к материалам уголовного дела.

Как видим, сама процедура этого судебного действия не допускает участия в ней ни суда, ни сторон и других участников судебного процесса. Зачем тогда законодатель возлагает производство этого действия на суд?

Таким образом, производство всех четырёх рассмотренных нами судебных действия – осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания и освидетельствование не может быть возложено на суд. И совсем невозможно даже себе представить производство судом эксгумации в ходе судебного разбирательства, как предлагают некоторые авторы [6, с. 94-99].

Гаджихмедов Ф. В.

*Региональное управление Федеральной службы
Российской Федерации по контролю за оборотом
наркотиков по Республике Крым*

Макаров П. А.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В НОВЫХ ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ

Незаконный оборот наркотиков и злоупотребление ими в Российской Федерации на современном этапе приобретает все более значительные масштабы и представляет серьезную угрозу здоровью нации, экономике страны, правопорядку и безопасности нашего государства.

Сохраняющаяся нестабильность в обществе, снижение уровня жизни, рост безработицы, потеря частью граждан нравственных ориентиров создают условия для роста наркотизации населения и тесно связаны с преступностью в сфере наркобизнеса.

Эти процессы ведут к изменению тенденций потребления и их распространения, реструктуризации российского наркотического рынка в сторону увеличения в общей массе наркотиков доли героина и амфетаминов, стремительного омоложения контингента потребителей наркотических средств и дальнейшему обострению этой проблемы, решение которой требует полного соответствия целям и принципам, закреплённым в документах ООН, Совета Европы, Интерпола и других международных организаций.

Так, по оценке Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации, число лиц с разной степенью периодичности потребляющих наркотики, за последние годы составляет порядка 6% населения страны, или 8-8,5 млн человек, из которых около 1,5 млн являются активными наркотическими потребителями.

Только в 2014 году изъятия героина возросли на треть, достигнув 3,2 тонны. Наряду с глобальным трафиком афганского героина, существенную угрозу обществу представляет захлестнувший Россию поток новых синтетических психоактивных веществ. Общий вес изъятых правоохранительными органами в 2014 году синтетических наркотиков составил 4,2 тонны, превысив показатель 2013 года более чем в 2 раза [5].

Сокращение незаконного распространения и медицинского потребления наркотиков, масштабов последствий их незаконного оборота для безопасности и здоровья личности, общества и государства определено генеральной целью Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 09.06.2010 № 690 [3].

В связи с этим важнейшими направлениями деятельности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и других правоохранительных органов России, обеспечивающих эффективное противодействие незаконному распростра-

Однако как быть суду, когда острая необходимость в производстве по уголовному делу указанных судебных действий все же имеется? Задачам обеспечения прав участников уголовного судопроизводства служит также институт отложения судебного разбирательства.

В ч. 1 ст. 253 УПК РФ указывается, что при невозможности судебного разбирательства вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц или в связи с необходимостью истребования новых доказательств суд выносит определение или постановление о его отложении на определённый срок. Одновременно принимаются меры по вызову или приводу неявившихся лиц и истребованию новых доказательств.

Как видим, законодатель возлагает на суд обязанность истребования новых доказательств. На практике этих мер, принимаемых судом, бывает недостаточно. Получается, что кроме направления различных запросов о высылке документов и предметов сам суд никаких других новых доказательств истребовать не может.

Исследовав эту ситуацию, О. Я. Баев предлагает ввести в УПК РФ норму, которая позволяла бы суду давать органу, который расследовал рассматриваемое судом уголовное дело, судебное поручение о производстве необходимых следственных действий. По мнению О. Я. Баева, после производства необходимых следственных действий все полученные при этом протоколы и доказательства передаются в суд, который их исследует в судебном заседании с участием сторон и приобщает к уголовному делу [7. с. 32-36].

На наш взгляд, с предложением О. Я. Баева следует согласиться. Законодательно следует дополнить ст. 253 УПК РФ следующим положением: "При необходимости истребования новых доказательств суд вправе давать органу, расследовавшему уголовное дело, как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон, судебное поручение о производстве дополнительных следственных действий. Содержание этого судебного поручения предварительно должно быть обсуждено сторонами, которые могут подавать суду свои предложения. Результаты исполнения судебного поручения представляются в суд в установленный им срок, исследуются и обсуждаются в судебном заседании с участием сторон и затем приобщаются к материалам уголовного дела" [8. с. 46-50].

Литература: 1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28. "О судебной экспертизе по уголовным делам". //Российская газета. 2010. 30 декабря; 2. Быков В. М. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве. //Мировой судья. 2010. № 9. С. 10-14; 3. Добровольская Т. Н. Производство судебного осмотра, эксперимента и предъявление для опознания личности и вещей //В кн.: "Настольная книга судьи". М., "Юридическая литература", 1972. С. 245-246; 4. Симак А. И. Следственный эксперимент в суде //Закон и право. 2009. № 6. С. 92-93; 5. Смирнова О. А. Предъявление для опознания в судебном следствии //Российская юстиция. 2006. № 8. С. 55-56; 6. Арсентьев В., Китаева В. производство эксгумации в ходе судебного разбирательства //Уголовное право. 2011. № 6. С. 94-99; 7. Баев О. Я. О необходимости правового механизма реагирования на новые обстоятельства уголовного дела в суде первой инстанции //Российская юстиция. 2006. № 5. С. 32-36; 8. Быков В. М., Епихин А. Ю. Отложение судебного разбирательства и проблема истребования новых доказательств //Российская юстиция. 2007. № 4. С. 46-50.

нению наркотических средств являются выявление, пресечение и прекращение деятельности организованных преступных сообществ в сфере наркобизнеса, которые являются основным поставщиком наркотиков в России.

Согласно данным статистики состояния преступности в Российской Федерации за 2014 год правоохранительными органами выявлено 253,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 9,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов наркоконтроля выявлено 83,6 тыс. преступлений (+6,0%), а сотрудниками органов внутренних дел – 162,8 тыс. преступлений (+10,6%).

В сравнении с 2013 годом в прошлом году увеличилось число выявленных преступлений на 15,8 процентов, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. А их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков вырос за период 2013 года с 47,0% до 49,7% в истекшем году [6].

В связи с принятием в 2014 году в состав Российской Федерации Республики Крым и города Севастополя Федеральной службой Российской Федерации по контролю за незаконным оборотом наркотиков на территории новых субъектов была создана оптимальная структура органов наркополицей с возможностью пресечения каналов по доставке наркотиков в ключевых местах Крымского полуострова – крупных портовых комплексах и транспортных узлах, в приграничной зоне Российской Федерации.

С апреля 2014 года в Крыму организована полноценная работа всех подразделений в соответствии со структурой территориальных органов ФСКН России, а также сформирована республиканская система Государственного антинаркотического комитета.

Крымский федеральный округ является одним из многонациональных регионов Российской Федерации. На территории региона проживают граждане более 175 национальностей и народностей. По данным переписи 2014 года из числа проживающих в регионе доля русских составляет 68%, украинцев – 15,7%, крымских татар – 12,6%.

В связи с обострением социально-экономической и геополитической ситуации на Украине в 2013 году значительно увеличился уровень общей преступности, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотиков в Крыму.

Так, в 2013 году уровень преступности на территории Республики Крым составлял 1 804 преступлений на 100 тыс. населения и был самым высоким показателем по Украине.

Ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков в республике Крым отягощена была и тем, что в течение 23 лет жизни в составе Украины данный регион был наводнён метадон – синтетическим героином, который легально использовался в рамках заместительной поддерживающей терапии опийных наркоманов, запрещённой в России.

До мая 2014 года на территории Республики Крым осуществлялась заместительная терапия для лиц, состоящих на учёте с диагнозом «Наркомания», с использованием наркотического средства метадон. Всего в данной программе по состоянию на 1 апреля 2014 года участвовало порядка 806 жителей Республики Крым.

Средняя доза в сутки употребления наркотического средства метадон на одного человека составляла 96,8 мг.

И это не было лечением наркозависимых лиц, а лишь способом вовлечь их в легальный рынок государства за бюджетный счёт, за счёт средств налогоплательщиков, и в дальнейшем продавать им «безвредный» наркотик.

Основная же проблема состояла в том, что на всей Украине, в том числе и на территории республики Крым, весь метадон реализовывался не под контролем государства, а уходил на сторону и сбывался по ценам чёрного рынка, давая возможность зарабатывать должностным лицам здравоохранения. При этом в Крыму реализовывалось через чёрный рынок свыше 90% наркотического средства метадон [8].

В настоящее время в Крымском федеральном округе Российской Федерации организована работа по российским стандартам; шестьдесят человек, ранее принимавших участие в методической терапии проходят реабилитацию в клиниках Санкт-Петербурга и Ставропольского края; такое же количество проходят реабилитацию непосредственно в Крыму [7].

Другая проблема в состоит в том, что Крым является крупным транспортным узлом и находится недалеко от Балканского трафика поставок афганского героина в Европу. По территории Ирана и Турции, затем морским путём через Крым осуществлялись поставки наркотиков на Балканский полуостров. Кроме того, благоприятный крымский климат позволяет выращивать махихуану и мак, содержащие достаточное количество морфина [8].

По информации Регионального Управления ФСКН России по Республике Крым с апреля по декабрь 2014 год выявлено 132 преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, из них 35,6% относятся к категории тяжких и особо тяжких.

По материалам сотрудников Регионального Управления ФСКН по республике Крым выявлено 309 административных правонарушений, к ответственности привлечено 291 физическое лицо, из них – 146 граждане Украины. При этом сумма административных штрафов составила более 590 тысяч рублей.

Проводя анализ возрастной категории физических лиц, привлечённых к административной ответственности, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов (291 человек) наибольшую часть из них составили лица в возрасте 30-39 лет (60,5%), в возрасте 18-29 лет (23,4%) и оставшуюся часть – лица в возрасте старше 40 лет (16,1%).

Из незаконного оборота изъято более 44 кг наркотических средств, из них – 29,9 кг составляют наркотические средства каннабисной группы (67,4% от общего количества изъятых наркотических средств) и 14,5 кг наркотические средства опийной группы (32,6% от общего количества изъятых наркотических средств).

Система мер по сокращению спроса на наркотики, направленная на оздоровление населения Российской Федерации путём снижения потребления наркотических средств и психотропных веществ и уменьшения неблагоприятных социальных последствий их употребления, строится на основе приоритета профилактических мер общественного, административного и медицинского характера и включает в себя государственную

систему профилактики немедицинского потребления наркотиков, наркологическую медицинскую помощь и медико-социальную реабилитацию больных наркоманией [3].

При этом огромное значение приобретает более широкое внедрение принципиально нового для нашей правовой системы института альтернативной ответственности наркопотребителей через использование уголовного и административного законодательства для юридического закрепления процедур направления на комплексную реабилитацию.

По сути это должно стать нормативно-правовым обеспечением утверждённой Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 299 подпрограммы комплексной реабилитации государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков».

Принимая во внимание, что ежегодно порядка 200 тысяч наркопотребителей привлекаются к уголовной и административной ответственности, особую актуальность приобретает механизм их правового побуждения к лечению и реабилитации, который может и станет движущей силой вовлечения наркопотребителей в реабилитацию [9].

Так, в рамках уголовного законодательства успешно реализуются положения Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которыми в Уголовный кодекс Российской Федерации введена статья 82.1, позволяющая отсрочить наказания наркопотребителям, в случае их согласия пройти лечение, реабилитационные процедуры и ресоциализацию [1].

С 25 мая 2014 года действуют нормы Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», позволяющие судам возлагать в рамках административного судопроизводства на правонарушителей, потребляющих наркотики, обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение, медицинскую и социальную реабилитацию. На сегодняшний день суды вынесли решения о возложении обязанности прохождения соответствующих процедур в отношении более 10 тысяч наркопотребителей [2].

Согласно информации Министерства здравоохранения Республики Крым по состоянию на 01 января 2015 года на диспансерном учёте с синдромом зависимости от употребления наркотиков в лечебных учреждениях Крыма находится 4719 человек, на профилактическом учёте по поводу употребления наркотических средств с вредными последствиями – 5477 человек и психотропных веществ с вредными последствиями – 250 человек.

Программы реабилитации наркозависимых в Крымском федеральном округе начали постепенно осуществляться со второго полугодия 2014 года, и в настоящее время можно говорить только о лицах, направленных и проходящих курс реабилитационных мероприятий. Сама же система медицинской реабилитации только выстраивается и формируется как региональная система комплексной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц.

При реализации перспективной модели регионального сегмента наркопотребитель должен пройти простой и понятный маршрут: районная поликлиника,

центр здоровья или многопрофильный стационар, психиатрический стационар, научно-практический центр наркологии и в конечном этапе наркозависимый должен обратиться в организацию, которая оказывает услуги по социально- трудовой реабилитации.

Кроме того, необходимо в кратчайшие сроки принять государственную программу Республики Крым «Противодействие незаконному обороту наркотиков на 2015-2017 годы», проект которой разработан сотрудниками Регионального управления ФСКН России по Республике Крым.

Основными целями данного проекта являются: сокращение доступности наркотиков путём целенаправленного пресечения их нелегального производства и оборота на территории Республики Крым, сокращение спроса на наркотики путём совершенствования системы первичной профилактики, развитие региональной системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей.

Также очевидна необходимость совершенствования конфискационных механизмов. Конфискация имущества должна быть предусмотрена Уголовным Кодексом Российской Федерации в качестве, как основного, так и дополнительного наказания, что предоставит правоохранительным органам возможность изымать преступно нажитое имущество без предварительного наложения ареста.

Следует рассмотреть возможность введения в правовую систему Российской Федерации расширенной и гражданской конфискации без уголовного осуждения. Аналогичная тенденция является основным приоритетом в политике многих зарубежных государств и обусловлена эффективностью данного правового института [9].

Таким образом, для успешной борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков необходимо основные усилия направить на эффективность развития международного сотрудничества, прежде всего с подразделениями антинаркотических ведомств приграничных государств, обеспечить целенаправленную работу по выявлению и пресечению действующих на территории республики организованных преступных группировок.

Кроме того, необходимо активизировать работу по проведению профилактической и иной антинаркотической пропаганды, а также созданию надёжной системы координации и взаимодействия деятельности органов государственной власти всех уровней.

Литература: 1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/70103074/#ixzz3WMAEahXn> Система Гарант – Загл. с экрана. (дата обращения 04.04.2015); 2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/507447/> Система Гарант – Загл. с экрана. (дата обращения 04.04.2015); 3. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://base.garant.ru/12176340/#ixzz3WKtbZ5Jf> Система Гарант – Загл. с экрана. (дата обращения 03.04.2015); 4. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков». Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 299 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> Система Гарант – Загл. с экрана. (дата обращения 04.04.2015); 5. Аналитические материалы. Итоги деятельности Федеральной службы Российской Федерации по

контролю за оборотом наркотиков в 2014 году [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052> Сайт ФСКН – Загл. с экрана. (дата обращения 02.04.2015); 6. Состояние преступности в России. МВД Российской Федерации. ФКУ «Главный Информационный Центр» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/rxOrdPt4BF.pdf – Загл. с экрана. (дата обращения 10.02.2015); 7. Иванов В.П. ФСКН: Крым станет «витриной» борьбы с наркотиками 25 июня 2014 года [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/safety/1195686> Сайт Аргументы и факты – Загл. с экрана. (дата обращения 02.04.2015); 8. Иванов В.П. Отравленный метадонотом Крым освобождается от наркозависимости. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://riafan.ru/227136-otravlennyiy-metadonotom-kryim-osvobozhdaetsya-ot-narkoticheskoy-zavisimosti/> Сайт ФСКН – Загл. с экрана. (дата обращения 28.03.2015); 9. Иванов В.П. Новые подходы в борьбе с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков 30 марта 2015 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2015/0330/092136195/detail.shtml – Загл. с экрана. (дата обращения 02.04.2015).

Гармаев Ю. П.

Михайлов М. А.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КРЫМСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: АНТИКРИМИНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утверждённых Президентом РФ 4 мая 2011 г. (Далее – "Основы") обозначена актуальная для целого ряда научных направлений цель – формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства (пункт 3 Основ). Важнейшей задачей государства провозглашается пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, правил общежития, уважения прав и законных интересов других лиц независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений и других обстоятельств.

Эта задача особенно актуальна и абсолютно нова для населения вновь образованного Крымского федерального округа (КФО) как в текущей сложной политической и социально-экономической ситуации, так и на длительную перспективу развития региона. На полуострове проблема развития правовой грамотности и правосознания населения, обеспечения их осведомлённости о характере, способах и пределах осуществления и защиты их прав, охраняемых законом интересов в административном и судебном порядке, а также доступ граждан к квалифицированной юридической помощи будет решаться в рамках действующего законодательства Российской Федерации, то есть в совершенно новых для жителей полуострова правовых реалиях.

В марте 2014 года был создан научный коллектив в составе работников кафедры уголовного процесса и криминалистики, а также других кафедр права тогда ещё юридического факультета Таврического универси-

тета, а также учёных-юристов ряда крупных юридических вузов других регионов (Москва, Новосибирская, Саратовская, Иркутская области, Республика Бурятия, и др.). Данный коллектив подготовил ряд публикаций и подал несколько заявок на конкурсы российских научных грантов (РГНФ и др.) по тематике правового просвещения в КФО. Проведённые коллективом за истекший год исследования дали интересные результаты. Они, в частности, указывают на недостаточный уровень правовой культуры, правосознания и правовых знаний населения полуострова.

Вместе с тем, и в отношении граждан всей страны российский законодатель в упомянутых Основах впервые признал недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм граждан, указав на это как на серьёзную проблему обеспечения реализации принципов верховенства права (пункты 10-11 Основ).

Причём очевидно, что население КФО, органы государственной власти и гражданское общество региона с точки зрения сложности, трудоёмкости достижения целей государственной политики, изложенных в Основах (раздел IV) находятся в более затруднительном положении чем другие регионы страны, поскольку совсем недавно Крым находился под юрисдикцией другого государства и на момент воссоединения с Россией его жители мало что знают о его законодательстве и правоприменении.

Уникальность социально-политических и культурных условий Крымского полуострова требует специальных исследований специфики формирования правосознания населения в условиях мультикультурной, полиэтнической и поликонфессиональной среды.

Таким образом, эффективная реализация мер правового просвещения в КФО, равно как и во всей стране, является актуальной задачей для всего государства, всего российского общества, всех слоёв населения региона и каждого человека, проживающего в нем. Решение этой задачи должно строиться на основе прочного научного фундамента, включающего в себя результаты комплексных междисциплинарных теоретико-прикладных исследований различных аспектов правового просвещения.

Соответствующие научно-теоретические исследования и прикладные разработки целесообразно проводить и внедрять системно и согласованно, что с наибольшей эффективностью может быть реализовано силами единого творческого коллектива. С учётом того, что в Основах констатируется, что в реализации государственной политики, помимо государства, участвуют профессиональные юридические сообщества и общественные объединения юристов, а также другие организации во взаимодействии между собой (п. 5), указанный творческий коллектив целесообразно создать на базе Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (далее – федерального университета или "КФУ"), призванного обеспечить подготовку кадров для комплексного социально-экономического развития КФО во взаимодействии с ООО "Ассоциация юристов России" (АЮР), другими профессиональными юридическими сообществами, другими структурами гражданского общества.

Данный творческий коллектив должен объединять опытных и молодых учёных не только из Крыма. В силу специфики и уникальности поставленной задачи в

него обязательно должны войти представители других регионов России, специалисты различных юридических наук, а также смежных областей знаний, с привлечением молодёжи: аспирантов и студентов.

Собственно, как отмечалось выше, основной "костяк" такого коллектива и был создан в рамках подготовки заявок на конкурсы грантов. Одно из ключевых предложений научного коллектива было следующее. Представляется, что на базе федерального университета необходимо было бы создать новое подразделение: "Центр правового просвещения населения КФО", в структуре деятельности которого на начальном этапе можно было бы обозначить, к примеру, следующие основные направления:

1. "Антикоррупционное просвещение". Должно включать междисциплинарные исследования в области относительно новой науки: "Антикоррупционного права", а также ряда наук антикриминального цикла, административного права и других дисциплин, призванных обеспечивать комплексные меры по противодействию коррупции (коррупционным преступлениям и иным правонарушениям).

2. "Правовое просвещение в сфере противодействия преступности, терроризму и экстремизму" (для краткости – "уголовно-правовое направление"). Должно включать исследования, направленные на правовое просвещение населения в области уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии, а также в вопросах противодействия таким сложным негативным явлениям, как терроризм, экстремизм.

3. "Правовое просвещение в сфере гражданских и трудовых правоотношений". Должно включать исследования, направленные на правовое просвещение населения в области гражданского права, гражданского процесса, трудового права и других наук и учебных дисциплин гражданско-правового цикла (для краткости – "гражданско-правовое направление").

4. "Междисциплинарные и межотраслевые средства правового просвещения". Должно включать исследования, направленные на правовое просвещение населения в области конституционного, административного права, а также исследования с использованием потенциала ряда смежных в аспекте правового просвещения неюридических наук: философии, психологии, педагогики, информационных технологий (для краткости – "межотраслевое направление").

5. "Обеспечение доступности правовой информации и юридической помощи". Должно включать исследования и организационные мероприятия, направленные на реализацию мер названной государственной политики по обеспечению: доступности правовой информации; развития системы информационно-правовых ресурсов; эффективного функционирования информационно-справочных систем; доступности всем слоям населения юридических услуг и т.п., с учётом положений п. 16 Основ (для краткости – "направление обеспечения доступности").

В рамках реализации данных направлений необходимо было бы сформировать инновационную междисциплинарную, межотраслевую научную программу правового просвещения населения Крыма, применение которой в дальнейшем можно распространить по всей России. Программа, помимо создания Центра, должна включать разработку, с использованием инновационных методологических средств, специального инфор-

мационного, в том числе программного, обеспечения, направленного на правовое воспитание, правовое просвещение и правовое информирование в Крымском федеральном округе.

Далее, с использованием этого информационного обеспечения, силами вузов, во взаимодействии с государственными органами, органами местного самоуправления, АЮР и другими структурами гражданского общества следовало бы провести комплекс специальных мероприятий, направленных на формирование высокой правовой культуры самых широких слоёв населения полуострова.

Необходимо реализовать системную деятельность по оказанию правовой помощи населению, развитию и укреплению правовой культуры, комплексной разработке, широкому распространению и использованию доступных, понятных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения для широкого распространения в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, в том числе, с помощью СМИ.

Реализация данной программы обеспечит решение актуальной задачи общегосударственного масштаба, а также устойчивое развитие Крымского федерального университета, существенным образом укрепит кадровый потенциал не только юридических, но и других общественных наук и учебных дисциплин крупнейшего в округе вуза, а также информационных технологий, даст необходимый импульс в проведении научных исследований и разработок мирового уровня на полуострове, в создании наукоемкой продукции – комплексных средств правового просвещения населения.

Проведение исследований и реализация мер правового просвещения населения КФО является актуальной задачей для всех перечисленных научных направлений. Необходимо отметить, что проблемы правового просвещения, во взаимосвязи с проблематикой правовой культуры и правового воспитания рассматривались в трудах многих российских и зарубежных учёных-юристов, среди которых не только видные представители науки теории государства и права, но и целого ряда других юридических наук.

Анализ различных источников показывает, что к данной тематике проявляли интерес не только юристы, но и учёные целого ряда других наук: психологии, педагогики, социологии, этики, культурологии и т.д. Например, в исследованиях по психологии и педагогике накоплены значительные результаты по теме правового воспитания учащихся.

Однако в предпринятых ранее исследованиях, ни в одном из предложенных выше направлений ("уголовно-правовом", "антикоррупционном", "гражданско-правовом", "межотраслевом" и "обеспечения доступности"), ни в одной из входящих в эти направления наук, ранее не предпринимались комплексные исследования по правовому просвещению населения применительно к жителям КФО и с учётом вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации. Кроме того, в рамках научных исследований в области правового просвещения ранее не использовались инновационные средства, предусматривающие использование новейших информационных технологий. Ни в Украине (до марта 2014 года), ни в Российской Федерации пока не была создана и реализована межотраслевая научная программа правового просвещения населения.

Если предметно говорить о двух вышеназванных "антикриминальных" направлениях правового просвещения: "Антикоррупционное просвещение" и "Правовое просвещение в сфере противодействия преступности, терроризму и экстремизму", то следует исходить из того, что во вновь образованном федеральном округе научная и прикладная проблема противодействия преступности, экстремизму и терроризму стоит наиболее остро по сравнению со всеми другими регионами страны.

Население Крымского федерального округа (КФО) имеет различную степень правовой осведомлённости: от качественного юридического образования и опыта правоприменения в Украине, до примитивного набора знаний о законодательстве на бытовом уровне. Однако независимо от образования и опыта все жители региона оказались в условиях дефицита правовых знаний и правовой информации о российском праве в связи с известными событиями начала 2014 года.

При этом наиболее серьёзными и вредными для каждого жителя КФО, для общества региона и всего государства представляются те возможные последствия, которые проистекают из недостатка правовых знаний в уголовно-правовой сфере, в сфере противодействия терроризму и экстремизму.

Так, важной проблемой является низкий уровень правовой, и психологической подготовленности населения в части противодействия актам экстремизма и терроризма. Во вновь образованном КФО одним из первых указов, подписанных главой Крыма, стал Указ "О создании антитеррористической комиссии в Республике Крым" от 15.04.2014. Комиссия создана в рамках существующей общегосударственной системы предупреждения и пресечения террористических угроз на территории России. В условиях, когда в Украине в непосредственной близости от КФО имеется реальная угроза продолжения боевых действий, отмечается неконтролируемый оборот огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, и все это на фоне националистических настроений отдельных - узких групп населения, в условиях так называемой "информационной войны", актуальность этой проблемы не вызывает сомнений.

Противодействие терроризму и экстремизму путём правового просвещения населения, безусловно, должно формироваться на основе научных рекомендаций, отличаться гибкостью, адаптивностью и как следствие - высокой эффективностью. Не принижая значимости так называемых "силовых мер" борьбы с терроризмом, важной задачей антитеррористических мероприятий является их предупреждение, что вряд ли возможно без системной правовой просветительской работы государства, общества, научных коллективов и образовательных организаций.

Системная работа по правовому просвещению населения КФО в сфере противодействия преступности, экстремизму и терроризму позволит снизить риск совершения преступлений вследствие незнания законодательства, станет сдерживающим фактором для противоправных граждан, склонных к совершению правонарушений, снизит риск стать потерпевшими от преступлений для жителей региона. Конкретные советы и обучение населения поведению при угрозе экстремистских и террористических действий помогут предотвратить или существенно снизить ущерб, даже в тех

отдельных, надеемся, крайне редких случаях, когда, например, не удалось предотвратить соответствующие преступные проявления. Очевидно, что специальные, научно обоснованные средства правового просвещения необходимо распространять и для особого типа адресата - потенциальных потерпевших от преступлений, от проявлений терроризма и экстремизма. А это абсолютно каждый житель региона.

Следует помнить, что крымский полуостров, быть может, как никакой иной регион, на протяжении многих лет привлекает преступников различных "уголовных специальностей", в том числе, наиболее опасных для добропорядочных граждан: мошенников, воров, грабителей, насильников. Совершенствуются способы и механизмы преступной деятельности. Растут реальные (а не только статистические) показатели организованной, профессиональной, трансграничной преступности. Своевременное и упреждающее правовое информирование населения о потенциальных угрозах, средствах их предотвращения и пресечения с помощью правоохранительных органов, технико-криминалистических средств, внедрение системы мер виктимологического просвещения может резко снизить вероятность для каждого стать потерпевшим, сведёт до минимума шансы преступников, террористов и экстремистов.

Как показали исследования прошлых лет, предыдущие годы характеризовались недостаточной эффективностью работы милиции, высоким уровнем коррупционности её рядов, далеко не всегда высоким профессионализмом, зачастую равнодушным отношением к обратившимся за помощью гражданам. Преодоление этих проблем в ныне действующих российских правоохранительных органах, с одной стороны, и обращение к гражданам через систему правового просвещения, с другой, способны вернуть кредит доверия населения подразделениям полиции и других правоохранительных, а также судебных органов.

В то же время правовое просвещение даст возможность адресатам правовой помощи противостоять все ещё встречающимся противоправным действиям со стороны отдельных недобросовестных сотрудников правоохранительных органов, снизит уровень таких злоупотреблений, позволит правоохранительной системе активнее избавляться от "оборотней в погонах".

Предварительные исследования в рамках подготовки заявок на гранты, проведённые упомянутым выше научным коллективом, показали, что деятельность по правовому просвещению населения КФО в сфере противодействия преступности, экстремизму и терроризму, если её осуществлять без применения инноваций, традиционными средствами, вряд ли будет эффективной. Привычные ныне пути получения правовой информации индивидуумами разнообразны, но далеко не всегда удобны и доступны для широких слоёв населения. Препятствием для её распространения и усвоения является ряд взаимодействующих факторов: платный характер значительной части юридической помощи, использование профессиональными юристами специальной терминологии, сложность формулировок. Реальность такова, что традиционные текстовые и прочие формы передачи правовой информации уже не достаточно эффективны, зачастую плохо воспринимаются, ненадолго задерживают внимание и не остаются в памяти её адресата.

Между тем, доступно сформулированные, в меру лаконичные, конкретные знания: об уголовно-правовой квалификации тех или иных распространённых общественно опасных деяний, разъяснение ответственности за их совершение, информация криминологического, виктимологического характера, рекомендации в рамках уголовно-процессуальных, криминалистических средств профилактики преступлений и многие другие, могут стать эффективными средствами противодействия преступности, иным угрозам государственной и общественной безопасности, безопасности каждого жителя полуострова.

Таким образом, внедрение эффективной инновационной, междисциплинарной системы мер правового просвещения в уголовно-правовой сфере, в сфере противодействия терроризму и экстремизму в КФО обладает высокими характеристиками актуальности и масштабности:

- для ряда юридических и иных наук, прежде всего, наук антикриминального цикла: уголовного права, криминологии, криминалистики и других, заинтересованных в разработке междисциплинарных, межотраслевых средств профилактики перечисленных угроз, в том числе, на региональном уровне, с учётом уникальной ситуации, сложившейся в связи с присоединения Крыма к России. Поскольку в адрес юридических наук часто раздаются критические замечания, связанные с их отставанием от потребностей практики, предлагаемая концепция формирования кратких, доступных в процессе изучения рекомендаций, причём преимущественно в интерактивной, мультимедийной (стационарной, плюс мобильной) форме, с междисциплинарным содержанием, может и должна стать приоритетным направлением развития прикладных разработок наук антикриминального цикла;

- проблема актуальна и масштабна для населения КФО, поскольку, как показывают проведённые исследования, оно в основной своей массе слабо знакомо с положениями виктимологической профилактики, с уголовным, уголовно-процессуальным и иным законодательством России в сфере противодействия преступности, терроризму и экстремизму, практикой его применения и теми весьма строгими видами юридической ответственности, которые могут быть применены к каждому человеку, вольно или невольно ставшему субъектом преступной деятельности;

- для государства и общества, поскольку уже в момент создания КФО на всех уровнях пришло осознание того факта, что терроризм, экстремизм, организованная преступность в регионе относится к числу основных источников угроз общественной безопасности, безопасности каждого жителя Крыма. При этом неприменение надлежащих мер предупреждения терроризма, экстремизма, преступности в КФО в текущих сложных социально-экономических и политических условиях грозит свести на "нет" все усилия государства и общества по адаптации и гармонизации региона в составе Российской Федерации;

- для экономики КФО, где названные угрозы являются ключевыми препятствиями к устойчивому развитию;

- не менее актуальна проблема и для правового воспитания молодёжи (учащихся школ, колледжей, вузов) как наиболее уязвимой, в силу возрастных особенностей, категории населения полуострова.

Задачи, поставленные перед властями Крымского федерального округа, по скорейшей адаптации к функционированию в новых условиях, уникальны, и ещё ни в одном субъекте России не планировались к реализации в столь короткие сроки и в таких непростых условиях. Решению этих задач и будет способствовать широкомасштабная и эффективная работа по правовому просвещению крымчан, вернувшихся в правовое поле Российской Федерации.

Губанова Е. В.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В наибольшей степени в защите своих прав и интересов нуждаются несовершеннолетние, что связано с их как физической, так и психической, и социальной незрелостью. К нормативно-правовым актам государства, защищающих права детей в возрасте до 18 лет, необходимо отнести Уголовный и Уголовно-процессуальный Кодексы Российской Федерации. Как Уголовный, так и Уголовно-процессуальный кодексы содержат нормы, защищающие несовершеннолетних, ставших участниками уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений, имеющих процессуальный статус потерпевшего, обвиняемого, подсудимого либо свидетеля. Необходимо отметить, что после принятия Федерального закона "Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации" в анализируемые законодательные акты вносятся изменения, направленные на усиление как правового, так и психологического компонентов защищённости детей.

В первую очередь необходимо отметить, что Уголовный Кодекс закрепляет в качестве родового объекта преступного посягательства семью и несовершеннолетнего, а Уголовно-процессуальный Кодекс выделяет особый порядок производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Законодатель устанавливает нормы, предусматривающие повышенную уголовную ответственность для лиц, совершивших преступления против детей: устанавливается особый порядок (более жёсткий) условно-досрочного освобождения от наказания лица и замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания. Условно-досрочное освобождение и замена не отбытой части наказания более мягким видом наказания возможны после отбытия не менее трёх четвертей срока наказания, назначенного за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что вполне оправдана дифференциация уголовного наказания в зависимости от возраста потерпевшего лица. Так, в качестве особо квалифицированного состава при совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего выступают деяния, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцати, а при половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста – двенадцати лет. В силу примечания к этой

норме уголовного закона лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой статьи 143 УК РФ, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим. Данное положение, на наш взгляд, является достаточно спорным. Однако законодатель РФ, по-видимому, ввёл его с учётом культуры и традиций многонационального государства.

В УК РФ в 2012 г. внесены дополнения в ст. 63 и в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность закреплено совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней). На наш взгляд, исходя из распространённости преступлений в отношении несовершеннолетних, совершаемых членами их семей, родителями, опекунами, попечителями и иными лицами, которые обязаны в соответствии с законом заботиться о несовершеннолетнем, последствий, причиняемых психике несовершеннолетнего такими деяниями, данное обстоятельство должно выступать в качестве квалифицирующего признака.

Усилено наказание за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних (ст. 156 УК РФ). В новой редакции изложены нормы, устанавливающие уголовную ответственность, за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Введены такие составы как использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов; получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

С 1 января 2015 г. внесены изменения в ст. 137 УК РФ, установлена уголовная ответственность за незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу, не достигшего 16 лет. К такой информации относятся также сведения, содержащие описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий. Для признания данного деяния оконченным законодатель определил наступление последствий в виде причинения вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия в результате распространения перечисленной выше информации.

Уголовный закон, учитывает несовершеннолетний возраст лица и при совершении им преступления, устанавливая особенности привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности и наказания, освобождения от наказания, условно-досрочного освобождения от наказания, определения сроков давности и сроков погашения судимости.

Уголовно-процессуальное законодательство обеспечивает гарантию соблюдения прав несовершеннолетне-

го при производстве расследования по уголовному делу, в рамках которого несовершеннолетний имеет процессуальный статус. Правовое положение несовершеннолетнего в уголовно-процессуальных отношениях может рассматриваться в качестве: 1) подозреваемого, обвиняемого, подсудимого; 2) потерпевшего; 3) свидетеля.

Уголовно-процессуальный закон не содержит ограничений по возрастному признаку для свидетелей, потерпевших по уголовному судопроизводству, однако определяет особенности проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего. С 1 января 2015 года также вступят в силу нормы, определяющие особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего (ст. 191 УПК РФ). Обязательным станет участие педагога или психолога, если указанные следственные действия проводятся: с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля: не достигшего 16 лет; достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

Несовершеннолетний в уголовно-процессуальных отношениях может выступать и в качестве гражданского истца по достижении возраста 16 лет, обладая полной дееспособностью в порядке эмансипации или при вступлении в брак.

Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними (или по своему физическому или психическому состоянию лишённых возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы), к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители потерпевшего. Глава 50 УПК РФ (ст. ст. 420-432) предусматривает особый порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних, то есть лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста 18 лет. Производство по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, осуществляется в общем порядке, однако с учётом особенностей, предусмотренных главой 50 УПК РФ.

С 1 января 2015 года в уголовно-процессуальный закон внесены изменения и дополнения, расширяющие гарантии и права несовершеннолетних. В частности, такие изменения коснулись прав несовершеннолетних – потерпевших по преступлениям против половой неприкосновенности. По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего в обязательном порядке обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счёт средств федерального бюджета. В случае установления факта, что действия законного представителя наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего, законный представитель может быть отстранён от участия в уголовном деле. Ч. 3 ст. 191 УПК РФ дополнена положением о том, что разглашение данных о частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 14 лет, без согласия его законного представителя не допускается. При этом закон содержит норму, позволяющую следователю не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего его законного представителя и (или) пред-

ставителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего.

С 1 января 2015 года по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего не только 14 летнего возраста, но и 16 лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

Уголовно-процессуальный кодекс закрепил предельную продолжительность совершения следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в зависимости от его возраста. Так, следственные действия не могут продолжаться: в возрасте до 7 лет – без перерыва более 30 мин., а в общей сложности – более одного часа; в возрасте от 7 до 14 лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов; в возрасте старше 14 лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырёх часов в день.

Ещё одной новеллой 2015 года в Уголовно-процессуальном кодексе РФ станет норма об обязательном применении видеозаписи или киносъёмки станет обязательным в ходе следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Исключения составят случаи, когда несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает.

Анализируя законодательство России, мы видим, что уголовная политика государства строится на принципах смягчения ответственности в отношении несовершеннолетнего, совершившего противоправное деяние и усиления ответственности по отношению к лицам, совершившим противоправное деяние в отношении несовершеннолетних, обеспечения и расширения гарантий соблюдения прав несовершеннолетнего лица – участника уголовного судопроизводства.

Даровских С. М.

*Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)*

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Одной из инициатив, направленной на существенные изменения при осуществлении судебного контроля на стадии предварительного расследования, является институт следственных судей. Дискуссия о целесообразности введения данного института учёными ведётся уже достаточно давно. Впервые об этом заговорили ещё 2003 году, а новый толчок к обсуждению данного вопроса дало поручение Президента России Верховному Суду Российской Федерации изучить вопрос о воссоздании корпуса следственных судей.

Сама идея института следственных судей в России не нова. Судебные следователи действовали в России, начиная с 1860 года и вплоть до 1928 года, и были ликвидированы в связи с передачей следственного аппарата в прокуратуру. Возрождение данного института в первую очередь связывают с необходимостью обеспечения юридического равенства сторон как элемента принципа состязательности в досудебных стадиях уголовного процесса, что, очевидно, правильно, поскольку

указанный принцип в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в настоящее время практически не реализуется [1].

Нам представляется, что кроме указанной причины, полезность данного института в уголовном судопроизводстве определяется и другими факторами.

Например, недопустимостью сохранения в действующем законе положения, позволяющего судье, который в рамках осуществления судебного контроля на досудебных стадиях процесса, рассматривал ходатайства следователя, дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо даче согласия на проведение следственного действия, требующего судебного решения, впоследствии рассматривать данное дело по существу.

В науке обращалось внимание на то, что такой подход нельзя признать правильным. По мнению В.А. Азарова и И.Ю. Таричко, характер осуществляемой деятельности не исключает, а (в большинстве случаев) способствует формированию внутреннего судебного убеждения в виновности либо невиновности лица [2, с. 222]. А.В. Смирнов указывал, что «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора [3]. Глава Конституционного Суда РФ В. Зорькин, поддерживающий идею создания института следственных судей, о чем заявлял ещё в на 8 всероссийском съезде судей 18 декабря 2012 года, вопреки предыдущим решениям возглавляемого им высшего судебного органа, в своём докладе 17 декабря 2014 года во время обсуждения отчёта о состоянии российского законодательства в 2014 году, заявил, что в ситуациях, когда один и тот же судья в уголовном процессе и производит судебный контроль за следствием, и выносит решения по тому же делу в судебном заседании, не могут не возникать сомнения в независимости и беспристрастности юридического результата [4].

Мы в своих работах неоднократно обращали внимание на то, что такое положение недопустимо [5, с. 172-175]. Принимая решение об избрании меры пресечения, в соответствии с требованием закона судья должен указать в постановлении конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он пришёл к такому решению. Это обстоятельства содеянного преступления, так как такая мера пресечения избирается, только если возможное наказание может быть выше 3 лет лишения свободы. Если фактических данных, свидетельствующих о доказанности совершения общественно опасного деяния, либо обоснованных предположений о причастности лица к преступлению, за которое возможно наказание в виде лишения свободы, установлено не будет, судья откажет в согласии на избрание данной меры пресечения. Только убедившись, что лицо совершило конкретные действия, и действия эти могут быть квалифицированы определённым образом, судья принимает решение избрать, отменить, изменить либо отказать в избрании меры пресечения. После такой деятельности разве может данное должностное лицо, судья, в последующем рассматривать данное уголовное дело не предвзято, объективно подходить к исследованию доказательств, отстраняясь от того факта, что он сам когда-то избрал меру пресечения, поскольку убедился, что в действиях (а действия подтверждались) имелся состав преступления? Мы полагаем, что нет, но в лю-

бом случае должны появиться обоснованные сомнения в беспристрастии данного судьи.

Следственный судья, решая вопросы, касающиеся избрания меры пресечения и даче согласия на проведение следственного действия, требующего судебного решения, не будет впоследствии участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, как это происходит в настоящее время, и это не позволит поставить под сомнение объективность и незаинтересованность того судьи, который будет выносить по делу окончательное решение.

Кроме того, рассматривающие в настоящее время данные вопросы, судьи не освобождаются от своей основной запланированной нагрузки, разрешения дел по существу. Рассматривая в рамках судебного контроля ходатайства следователей, дознавателей, они, тем не менее, ответственны и за сроки, порядок, результат рассмотрения уголовных дел. Возложение на судей обязанности принимать решения по вопросам, касающимся избрания мер пресечения и даче согласия на проведение следственных действий, требующих судебного решения, увеличило их и без того немалую нагрузку по рассмотрению уголовных дел. По статистике за 2013 год, материалы рассмотренные районными судами в порядке судебного контроля составили почти 60 % от всех дел. Тем не менее, выполнение функции судебного контроля в досудебных стадиях процесса воспринимается большинством судей как дополнительная обязанность, не требующая особого внимания и времени. Процедура превратилась в пустую формальность.

Кроме того, по опубликованным данным 9 из 10 ходатайств следователей об избрании самой строгой меры пресечения – заключение под стражу, судьями удовлетворяется, а московские суды, по словам председателя Мосгорсуда О. Егоровой, удовлетворяют 94,5 % ходатайств следователей, что подтверждает наличие обвинительного уклона в данном направлении деятельности судей [6, с. 6-8]. На наш взгляд, причины этого как в загруженности судей, так и в отсутствии желания, а мы допускаем, что и времени, глубоко разбираться в проблемах конкретного уголовного дела, проще довериться следователю, поскольку именно он лучше всех ориентируется как в материалах уголовного дела, так и в личности лица, в отношении которого решается вопрос о мере пресечения. Данная ситуация, бесспорно, изменится с появлением следственных судей.

Весьма привлекательной, на наш взгляд, будет выглядеть передача следственному судье и права на проведение следственных действий по ходатайству сторон, а если говорить прямо, то стороне защиты, поскольку сторона обвинения может сама и принять решение о проведении следственного действия и провести его. Сложнее сейчас обстоит дело с ходатайствами представителей стороны защиты, которые не всегда удовлетворяются на стадии предварительного расследования. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся по делу гр-на Р., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. Усмотрев признаки неадекватного поведения своего доверителя, адвокат заявил ходатайство о назначении судебно-психиатрической экспертизы, однако данное ходатайство следователем было отклонено, по надуманным основаниям, все участники, в кратчайший срок, были ознакомлены с материалами уголовного дела, а дело направлено в прокуратуру для утверждения

обвинительного заключения, а впоследствии передано в суд. Уже в судебном заседании, защитник вновь заявил данное ходатайство, которое было удовлетворено, а впоследствии было получено экспертное заключение о невменяемости подсудимого, которому впоследствии были назначены принудительные меры медицинского характера [7]. Можно также привести ряд примеров, когда следователь отказывал адвокатам-защитникам в удовлетворении ходатайств о допросе лиц, обладающих, по мнению защитника, важной для данного уголовного дела информацией, облегчающей положение его подзащитного.

Введение в процесс следственного судьи, который, осуществляя судебный контроль, не нацеленный на обвинительную деятельность, будет впредь решать вопросы легализации важной для дела информации в допустимые доказательства, оправдает себя тем, что в стадии предварительного расследования обеспечит равенство прав представителей сторон и позволит уйти от обвинительного уклона, а также сократит время на разрешение спора, возникающего между представителями следствия и прокуратуры. В настоящее время эта процедура достаточно длительная, поскольку предполагает, в случае неурегулированности на первоначальных этапах, передавать решение вопроса вышестоящим должностным лицам, вплоть до Генерального Прокурора Российской Федерации.

Есть ещё ряд положительных моментов, убедительно свидетельствующих о целесообразности введения данного института.

Однако, на наш взгляд, среди предложений, как разработчиков закона, так и учёных, высказывавших своё мнение относительно указанных предстоящих изменений, присутствуют некоторые положения, требующие особого внимания.

В первую очередь, очевидно, следует определиться с терминологией, поскольку ряд авторов, высказывая своё мнение по данному вопросу, не делают различия между «судебным следователем», участником уголовного процесса по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и «следственным судьёй» как процессуальным участником современного уголовного судопроизводства. Полагаем, что использовать термин «судебный следователь» в данном случае, недопустимо, поскольку данное лицо в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства призван был проводить, и проводил предварительное расследование от момента возбуждения уголовного дела и до завершения расследования. Задача следственного судьи, как следует из комментария Т.Г. Морщаковой [8], должна состоять в осуществлении активного судебного контроля за расследованием, однако, без принятия на себя функции уголовного преследования. Это вполне логично и подтверждается рядом полномочий данного нового участника процесса, например, контроля за обоснованностью возбуждения уголовного дела, либо отказа в возбуждении уголовного дела представителями стороны обвинения. В настоящее время данный вид надзора осуществляет прокурор. Нам представляется, что будет целесообразно не просто передать указанные полномочия следственному судье, но и расширить их. Полагаем, что следует предоставить возможность не только отменять обжалованные не законные и не обоснованные с точки зрения следственного судьи, решения следователя, дознавателя, руководителя органа дознания, но и принимать по

делам самостоятельные решения (чего лишён в настоящее время прокурор), а не направлять, как это делается сейчас после отмены соответствующего постановления, материалы следователю, который вновь может принять решение, такое же какое принимал ранее. Мы не считаем, что при этом в деятельности следственного судьи будет проявляться обвинительный уклон, нет, просто данное должностное лицо, обеспечит возможность расследования ситуации, выявления всех обстоятельств дела, что позволит в дальнейшем принять правильное решение.

Не достаточно продумано, как мы полагаем, предложение о создании института следственных судей как отдельной структуры на уровне судов субъектов, членами которых следственные судьи бы являлись. Если представить себе какое количество следователей работает во всех следственных подразделениях в субъекте Российской Федерации и какое количество дел они расследуют и какой объем работы в связи с этим на них возложен, то безусловно станет ясно, что сотрудничество со следственным судьёй будет осложнять и затягивать ход и сроки расследования. Очевидно, что более обоснованным будет выглядеть предложение о создании аппарата следственных судей по территориальному признаку.

Да и для самого следственного судьи, выполнение своих обязанностей в случае большого количества обращений к нему с жалобами и ходатайствами будет весьма сложным, так как следователи будут обращаться не сразу со всеми проблемами, а перманентно по ходу расследования и запомнить, вникнуть во все сложности расследуемого уголовного дела, с которым к нему обращались ранее с перерывом во времени, если и возможно, то очень сложно.

Данные проблемы предопределяют необходимость тщательного анализа и проработки механизма внедрения аппарата следственных судей в уголовный процесс.

Осмелимся с осторожным оптимизмом высказать все-таки надежду на то, что грядущие изменения в уголовно-процессуальный закон не внесут сумятицу и разноречивой в устоявшийся порядок взаимоотношений правоохранительных органов России, а позволял добиться запланированных результатов.

Литература: 1. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Режим доступа: www.gapsnews.ru; 2. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. – Омск, 2004; 3. Смирнов А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе // Режим доступа: www.gapsnews.ru; 4. Зорькин В.Д. Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина на VIII Всероссийском съезде судей // Режим доступа: www.ssr.ru/menu/27; <http://facts-news.org/blogi/v-rossii-sozdatut-institut-sledstvennykh-sudej>; 5. Даровских С.М. Правовые позиции судов, касающиеся повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела // Проблемы права. – № 3 (46). – 2014; 6. Гаспарян Н. Нужен ли нам следственный судья // Адвокатская газета. – № 4. – 2015; 7. Архив районного суда гор. Челябинска. Уголовное дело №3/10- 2013; 8. Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации. Режим доступа: www.adm.ru; Эксперты поддерживают введение института следственных судей. Режим доступа: www.ugr.ru.

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Интерес – это стремление добиться определённой цели (выгоды) в процессе своей деятельности [1, с. 98]. Участвуя в уголовном судопроизводстве, потерпевший, прежде всего, стремиться к восстановлению и защите своих нарушенных прав, а также реализации своих законных интересов. К законным интересам потерпевшего относятся не только интересы закреплённые в конкретных правовых нормах, но и интересы вытекающие из закона и ему не противоречащие.

Законными интересами потерпевшего являются: 1) стремление к изобличению и справедливому наказанию виновного; 2) стремление к установлению факта причинения вреда; 3) стремление к установлению причинной связи между действиями подсудимого и наступившим вредом; 4) стремление к возмещению причинённого материального ущерба; 5) стремление к денежной компенсации морального вреда; 6) стремление к обеспечению охраны всех личных и имущественных прав в уголовном процессе [2, 85]; 7) стремление к защите своих прав с помощью представителя или законного представителя [3, 85]; 8) стремление к обеспечению собственной безопасности и безопасности близких родственников, родственников и близких лиц, на которых оказывается противоправное посягательство целях воздействия на потерпевшего; 9) стремление к реализации принципа уважения чести и достоинства при производстве следственных и иных процессуальных действий; 10) стремление к отказу от дачи показаний, в случаях предусмотренных законом; 11) стремление защиты своих прав и законных интересов любыми способами, не запрещёнными законом.

К сожалению, в настоящее время не достаточно обеспечивается безопасность потерпевших и их близких лиц. Законодательно предусмотрены следующие меры безопасности: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности; изменение места работы (службы) или учёбы; временное помещение в безопасное место; применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое [4]. Однако система мер безопасности, а также основания и порядок осуществления государственной защиты требуют дальнейшего совершенствования.

Литература: 1. Словарь русского языка. – М., 2013; 2. Макарова З.В. Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов потерпевшего // Юридические гарантии применения права. – Ярославль, 1975; 3. Итоговым документом X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями "Правонарушители и жертвы: ответственность и справедливость в процессе отправления правосудия" право на получение помощи адвоката отнесено к одним из основных прав жертв преступлений, получивших международное признание; 4. Ст. 6-14 ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства". В ст. 16 указанного закона предусмотрены меры

Захаров Д. А.

*Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия
(Симферополь, Республика Крым)*

АКТИВНОСТЬ СУДА ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА КАК ЭЛЕМЕНТ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В теории уголовного процесса под процессуальными гарантиями принято понимать средства, обеспечивающие:

- 1) осуществление задач правосудия;
- 2) реализацию прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Если провести определённую аналогию, в системе принципов уголовного судопроизводства, закреплённых в действующем УПК РФ, тоже можно условно выделить принципы правозащитные и непосредственно процессуальные, определяющие механизм производства по уголовным делам. По мнению автора, к последним можно отнести законность при производстве по уголовному делу, презумпцию невиновности, состязательность сторон, свободу оценки доказательств, язык судопроизводства. При этом принципы публичности и диспозитивности, непосредственно связанные со свободой реализации процессуальных прав субъектами уголовного процесса, отражения в УПК РФ не получили. Таким образом, общие правила активной деятельности суда в уголовном процессе закреплены в следующих нормах УПК РФ:

- суд создаёт необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ч.3 ст.15 УПК РФ);
- председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон (ч.1 ст.243 УПК РФ).

Указанных положений явно недостаточно для определения объёма самостоятельности суда при выполнении им своих задач в уголовном процессе. Так, одной из проблем реформирования системы отечественного уголовного процесса, который упорно, но иногда непоследовательно движется в сторону расширения состязательных принципов судопроизводства, является наполнение конкретным содержанием основных постулатов принципа состязательности. Сложность решения данного вопроса, особенно с учётом длительного периода реформирования, приводит к возникновению определённой расплывчатости терминов в теории процесса. Традиционно, содержание принципа состязательности включает три основных элемента: распределение уголовно-процессуальных функций; равенство процессуальных возможностей участников производства; определённая степень активности суда в процессе доказывания. Трудности возникают и с распределением функций субъектов (процессуальное положение следователя, обязанность прокурора отреагировать на нарушение судом прав стороны защиты), и с обеспечением процессуального равенства сторон (различные предло-

жения по введению независимого адвокатского расследования, признание собранных материалов доказательствами исключительно судом). Но бесспорно, самые большие осложнения вызывает формирование процессуального статуса независимого суда, без которого реальное действие принципа состязательности представить невозможно.

При определении содержания публично-правовой активности суда возникают наиболее полярные точки зрения, начиная от возвращения суду полного контроля над процессом (например, признание за судом права продолжить рассмотрение дела несмотря на отказ прокурора от поддержания государственного обвинения, возвращение ревизионного порядка проверки судебных решений в судебно-контрольных инстанциях) и заканчивая предложениями, которые фактически трактуют независимость суда как полное безразличие к ходу и результатам судебного рассмотрения. Последнюю крайность Ю. К. Орлов достаточно ярко охарактеризовал как "доведённую до абсурда состязательность, при которой бесправный и безынициативный суд, для установления истины не может шагу ступить без желания сторон" [1, с.6]. Итак, ключевой вопрос о том, какая степень активности суда для состязательного уголовного судопроизводства является допустимой и одновременно необходимой, остаётся открытым. В частности, следует выяснить лежит ли на суде обязанность дополнения недостаточной активности сторон при реализации прав на участие в доказывании. Как уже отмечалось, по этому поводу учёными предлагалось несколько принципиально отличных путей решения. Так, М. Т. Аширбекова считает, что общим правилом определения степени активности суда в уголовном судопроизводстве должна стать формулировка "вправе, но не обязан" [2, с.29]. По мнению Л.В.Бормотовой, активность суда в доказывании является второстепенной по отношению к активности сторон, а также такая активность не может быть обязанностью суда, а лишь его правом и только в той мере, в какой это требует принятия правильного, а значит законного, обоснованного и справедливого итогового решения по делу [3, с.28]. С. В. Бурмагин считает, что на суд не должна возлагаться обязанность по собственной инициативе собирать и исследовать доказательства, а имеющиеся у суда полномочия по инициативному сбору и исследованию доказательств должны расцениваться как право, а не обязанность суда [4, с.9]. Подобный подход позволяет говорить о возможном возникновении в уголовном судопроизводстве "судейской" или "служебной диспозитивности". Данный термин не может не вызывать определённого скепсиса, особенно в сфере уголовного судопроизводства, надлежащее правовое регулирование в котором всегда связывалось с высокой степенью формализма. По мнению автора реализация имеющихся возможностей для выяснения обстоятельств дела не может включаться в сферу судебского усмотрения, поскольку при определённых условиях это может привести к ограниченной реализации права на судебную защиту.

По мнению М. С. Коровиной активность суда может сыграть негативную роль - прекратить активность сторон в собирании, проверке, оценке доказательств, навязать своё видение и понимание сущности конкретного дела. Кроме того, данный автор видит в активности суда посягательство на принцип презумпции невинов-

ности, ибо при наличии пробелов в доказательной базе, которые стороны не желают устранить и которые вызывают у суда неустранимые сомнения, обвиняемый вправе рассчитывать на благоприятный для себя исход [5, с. 13]. Но более негативная ситуация может возникнуть, когда стороны пользуясь ограниченными возможностями суда по проверке доказательств смогут навязать ему своё видение. Тот же автор предлагает возложить на суд обязанность собирать доказательства защиты, независимо от наличия ходатайств об этом, что позволит преодолеть процессуальную неравенство сторон на досудебном этапе уголовного судопроизводства [5, с.14]. По этому поводу следует отметить, что изучение как современных работ по доказыванию (Ю. М. Грошевой, Ю. К. Орлов), так и дореволюционных трудов (Л. В. Владимиров, С. Д. Спасович) не позволяет чётко сформулировать понятие "доказательства обвинения" и "доказательства защиты" в отрыве от их содержания. То есть, до момента получения доказательств содержание, а соответственно и влияние на интересы сторон, доказательной информации может быть только прогнозируемым. Соответственно и ограничения активности суда по этому поводу может быть только по критерию принятия на себя судом функции стороны обвинения. Решая вопрос о том, какой должна быть активность суда, уголовный процесс зарубежных стран связывает его с процессуальными возможностями сторон. Этот институт призван компенсировать фактическое неравенство сторон в процессе, следовательно, любая активность в пользу стороны обвинения противоречит его процессуальному назначению. Мы снова возвращаемся к вопросу о том, что является главной целевой установкой субъектов, вершащих правосудие - удовлетворение материальных и процессуальных требований сторон (состязательная модель) или вынесение решения, в котором будут отражены фактические обстоятельства дела, соответствующие действительности. В первом случае суд ориентирован на принятие решения, которое максимально устраивает обе стороны (с практической точки зрения - сводит перспективы дальнейшего обжалования к минимуму), во втором - должен брать всю ответственность за правильность ответов на вопросы, подлежащие разрешению, на себя.

Законность и обоснованность в состязательном процессе основаны на том, что истиной является то, что установлено судом в судебном решении и не обжаловано сторонами. Другими словами, суд предлагает сторонам тот вариант истины, который он считает установленным. Если соответствующие элементы этого решения не будут в дальнейшем обжалованы, спор (иск), который составлял содержание производства по уголовному делу, считается разрешённым в надлежащем порядке и производство по делу завершается. Обвинительный характер предполагает публичность производства по делу, согласно которому соответствующие государственные органы должны предъявить обвинение, а суд - решить дело по существу. Определение типа процесса является принципиальным вопросом для характеристики отдельных институтов. Например, если в обвинительном процессе выход судом второй инстанции за пределы жалобы рассматривается как гарантия правосудия, то в состязательном - как нарушение принципа диспозитивности. Следует согласиться с Э.М. Мурадян, что некоторые идеи развития диспозитивности объективно противоречат инте-

ресам установления истины судом и "чем больше диспозитивности, тем менее пространства остаётся для поиска судебной истины" [6, с.32].

По мнению автора в основу формирования положений определяющих степень активности суда в уголовном судопроизводстве может быть возложена позиция Ю. М. Грошевой, согласно которой "суд несёт бремя доказывания уголовно-правовых и уголовно-процессуальных констатаций, содержащихся в судебном решении, и вправе, учитывая публично-правовую обязанность по собственной инициативе собирать доказательства в следующих случаях: когда это прямо вытекает из закона (например, обязательность назначения экспертизы); если это необходимо для установления невинности или меньшей виновности лица; когда это необходимо для уточнения доказательств, предоставленных сторонами; если это нужно для достоверного формирования знания по вопросам, которые подлежат разрешению в приговоре, причём эти правомочия должны реализоваться в рамках исследования доказательств, предоставленных сторонами; при условии, что поступило ходатайство стороны о невозможности или сложности для неё самой получить то или иное доказательство" [9, с. 345].

Следует согласиться с Е.Н.Чураковой, что развитие диспозитивности в юридическом процессе должен происходить в рамках установленного баланса частных и публичных интересов, без преобразования судебного рассмотрения на квазитретейскую процедуру. Полное подчинение суда "инициативе сторон" недопустимо, как и полная зависимость сторон от суда в инквизиционном процессе [10, с.26].

В качестве заключения можно отметить, что суд можно считать совершенно самостоятельным исследователем обстоятельств преступления, но действующим в определённых рамках, которые определяются прежде всего пределами судебного разбирательства. Суд не может быть связан средствами исследования, предлагаемых сторонами. При этом, независимо от объёма процессуальных средств, предоставленных суду для выяснения обстоятельств дела, использование их в полном объёме должно расцениваться как обязанность суда.

Литература: 1. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. — М.: Юристы, 2009. — 175 с.; 2. Аширбекова, М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия [Текст] : автореф. дисс. на соиск. научн. степен. докт. юрид. наук : спец. 12.00.09 "Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность" / Аширбекова Мадина Таукеновна. — Екатеринбург, 2009. — 60 с.; 3. Бормотова Л.В. Отдельные аспекты состязательности и равноправия сторон УПК РФ [Текст] / Л.В.Бормотова // Вестник ОГУ. — 2004. — № 3. — С. 26–30.; 4. Бурмагин, С. В. Роль и правовое положение суда в современном российском уголовном процессе [Текст] : автореф. дисс. на соиск. научн. степен. канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 "уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность" / Бурмагин Сергей Викторович. — Владимир, 2009. — 22 с.; 5. Коровина, М.С. Проблемы доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции [Текст] : автореф. дисс. на соиск. научн. степен. канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 "уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность" / Коровина Марина Сергеевна. — Владимир, 2007. — 24 с.; 6. Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. - // "Былина", 2002. - 287с.; 7. Грошевой Ю. М. Роль суда в змагальному кримінальному процесі / Ю. М. Грошевой // Проблеми законності : респ. міжвідом. наук. зб. / відп. ред. В. Я. Тацій. — Х. : Нац. юрид. акад. України, 2009. — Вип. 100. — С. 337–345; 8. Чуракова, Е.Н. Диспозитивность в юридическом процессе: теоретико-правовой аспект [Текст] : автореф. дисс. на соиск. научн. степен. канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве" / Чуракова Екатерина Николаевна. — Казань, 2011. — 24 с.

Иванченко Е. Д.
Соколова И. Ф.
Ботенко В. Н.
Олейник Е. Ю.
Морозов И. С.

*Государственное бюджетное учреждение
здравоохранения Республики Крым "Крымское
республиканское бюро судебно-медицинской
экспертизы"
(Симферополь, Республика Крым)*

**КОМПЕТЕНТНОСТЬ СУДЕБНО-
МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА ПРИ
ПРОИЗВОДСТВЕ КОМИССИОННЫХ
ЭКСПЕРТИЗ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ
ПРАВОНАРУШЕНИЯМ МЕДИЦИНСКИХ
РАБОТНИКОВ В ОТДЕЛЕ СЛОЖНЫХ
ЭКСПЕРТИЗ ГБУЗ РК "КР БСМЭ"**

Общеизвестно, что понятие компетенция имеет два смысловых значения: 1) принадлежность по праву; обладание знаниями, необходимыми сведениями в определённой области; обладание полномочиями принимать решения, судить о чем-либо, делать что-либо; 2) психо-социальное качество, означающее силу и уверенность, исходящее из чувства собственной успешности и полезности, которое даёт человеку осознание своей способности эффективно взаимодействовать с окружением.

Согласно ст.80 УПК РФ вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение не должны выходить за пределы его специальных познаний. Если среди вопросов, поставленных перед ним, есть такие, которые выходят за пределы его специальных знаний, то он воздерживается от ответа на вопрос, объясняя это тем, что: "разрешение этих вопросов не входит в компетенцию эксперта, т.к. не требуют медицинских познаний".

Необходимо подчеркнуть, что эксперт выходит за пределы компетенции в случаях, когда самостоятельно собирает исходный доказательственный материал для исследования, помимо направленных на исследование объектов и представленных ему для ознакомления материалов дела. Во всех случаях, когда возникает необходимость дополнить объекты экспертного исследования новыми доказательствами, эксперт обязан обратиться с соответствующим ходатайством к органу, назначившему экспертизу.

Пределы научной компетенции должны учитываться и при исследовании экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Для того чтобы заключение эксперта не выходило при этом за пределы его специальных познаний, в нем могут найти отражение: а) лишь такие обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, для выявления которых необходимы именно эти специальные познания; б) лишь содержательная сторона обстоятельств, способствовавших совершению преступления, без правовой их оценки; в) эксперт может рекомендовать только такие меры технического и организационного характера, которые вытекают из данных экспертного исследования и специальных познаний эксперта и основаны лишь на материалах дела, относящихся к предмету экспертизы. Эксперт выходит за пределы своей компетен-

ции и в тех случаях, когда он при проведении экспертизы по материалам уголовного дела по своему усмотрению отбирает некоторые из данных, относящихся к предмету экспертизы, оставляя без внимания остальные, т. е. присваивает себе функции оценки доказательств. Во избежание этого суд и орган расследования перед назначением экспертизы должны принять меры к устранению противоречий в материалах дела, на основе которых эксперту предлагается дать заключение. Если же это в полной мере сделать не представилось возможным, то в самом постановлении (определении) о назначении экспертизы необходимо указать, на каких именно материалах дела эксперт должен основывать своё заключение. Заключение эксперта, данное по материалам дела, в которых имеются противоречия, может содержать также альтернативные сведения: эксперт предлагает следователю (суду) несколько решений поставленного перед ним вопроса в зависимости от того, какие из противоречивых материалов взяты за основу (например, какие из показаний о скорости движения транспорта следует использовать, какие из способов причинения повреждений может соответствовать механизму травм и т.п.).

Заключение считается выходящим за пределы экспертной компетенции в двух случаях:

1) если врач, отвечая на вопрос, вторгается в сферу немедицинских наук: психологии, юриспруденции, логики, литературы, технических наук и др.;

2) если для решения поставленного вопроса вообще не требуется никаких специальных знаний, если для его решения достаточно субъективных суждений, основанных на жизненном опыте, здравом смысле и др.

Естественно, что судебно-медицинский эксперт должен и может отвечать только на вопросы медико-биологического характера, по которым он обладает достаточными знаниями. Вопросы немедицинского характера не входят в его компетенцию. Некомпетентно решать вопросы противоправности или вины. Эти вопросы решает суд. Эксперт, какими бы познаниями и опытом практической работы не обладал, не может и не должен решать вопрос: "имело место убийство, самоубийство или несчастный случай"? "Возникло ли повреждение в результате истязаний"?

Судебно-медицинскому эксперту не должны ставиться вопросы правового характера ("кто виноват в смерти гр-на С." либо "мог ли врач М. вносить неправильные записи в историю болезни?"), вопросы умысла (мог ли подозреваемый осознавать причинение вреда здоровью потерпевшему, о борьбе и самообороне), а также на вопросы бытового характера ("с какой силой нанесён удар - малой, большой, значительной или незначительной?", "могла ли возникнуть черепно-мозговая травма от ударов подозреваемого"?).

Представляется, что если эксперт все же берётся решать вышеперечисленные вопросы, то это можно отнести только к некомпетентности эксперта.

К примеру, в отношении "сам или не сам нанёс себе повреждение" можно сказать словами В. Тейлора: "Нет таких ран, наносимых самоубийцей самому себе, какие не могли быть нанесены рукой убийцы". В последнее время увеличилось количество постановлений, с вопросами о возможности содержания человека в СИЗО по состоянию здоровья. Подобные вопросы не входят в компетенцию судебно-медицинского эксперта. Перед судебно-медицинским экспертом могут быть постанов-

лены только вопросы о состоянии здоровья подсудимого и необходимости оказания ему медицинской помощи – амбулаторной или стационарной, экстренной или плановой.

При назначении токсикологических экспертиз для решения вопроса об опасности для жизни употребления исследуемой спиртосодержащей жидкости, следует иметь в виду, что выполнение подобной работы в бюро СМЭ не соответствует целям и задачам судебно-медицинского экспертного исследования, так как предметом такого исследования становятся не биологические объекты и не материалы дела, в которых отражено состояние здоровья человека после воздействия факторов внешней среды. Фактически предлагается установить опасность для жизни, которая ещё не наступила и вред здоровью, который только предполагается. Более того, проводя оценку качественного и количественного состава спиртосодержащей жидкости, нас вынуждают использовать технологические документы, в которых указывается предельно допустимые концентрации в различных видах алкогольной продукции, вторгаться в сферу знаний, которая находится за пределами нашей компетенции.

Как специалист, судебно-медицинский эксперт, должен хорошо понимать, подготовлен ли он по уровню своих знаний к проведению конкретной экспертизы. Если у него возникают сомнения по поводу своей компетенции, он должен об этом довести до сведения лица, назначившего экспертизу. Не стоит этого скрывать и в ходе самой экспертизы. Нарушением этики и совершением преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ о "заведомо ложном заключении эксперта", считаются попытки эксперта как-то приспособить результаты своих исследований к чьим-то просьбам или требованиям.

Анализируя компетентность судебно-медицинского эксперта при производстве экспертиз по профессиональным правонарушениям медицинских работников, некоторые авторы считают, что согласно ст. 16 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности" эксперт не может дать заключение, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний. Программы специальной подготовки судебно-медицинских экспертов не содержат в себе обучение по клиническим дисциплинам, и, таким образом, профессиональная компетенция судебно-медицинского эксперта в данных вопросах ставится под сомнение [1].

С данной точкой зрения не согласны О.М. Зороастров и М.Г. Лоттер [2]. Ссылаясь на ст. 9 Федерального закона, авторы отмечают, что судебную экспертизу назначают по вопросам, для разрешения которых требуются специальные знания в областях науки, техники, искусства или ремесла. Исходя из этого, когда требуются специальные знания в области медицинской науки, назначают судебно-медицинскую экспертизу, а судебно-медицинский эксперт при производстве экспертизы не выполняет обязанности хирурга, терапевта и пр., требующие специальной подготовки и получения соответствующего сертификата. Используя свои профессиональные медицинские знания, а также знания специальные, судебно-медицинские, он может совместно со специалистами, включёнными в соответствии с требованиями закона в комиссию экспертов, анализировать предоставленную информацию.

Оба этих мнения достаточно аргументированы и имеют равные права на существование. По нашему мнению, истина располагается как раз посередине. Статья 23 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" сформулирована следующим образом: "При производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (комплексная экспертиза) каждый проводит исследование в пределах своих специальных знаний. В заключение экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объёме провёл каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришёл. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, прописывает ту часть заключения, которая содержит описание проведённых им исследований, и несёт за неё ответственность. Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода

Таким образом, для устранения процессуальных и организационных разногласий экспертизы, связанные с оценкой профессиональной деятельности медицинских работников, необходимо производить в рамках ст. 23 Федерального закона.

Литература: 1. Ерофеев С.В., Новоселов В.П. Неблагоприятный исход медицинской помощи: изучение проблемы в судебно-медицинской практике // Судебно-медицинская экспертиза. 2008. N 1. С. 35 - 38. 2. Зороастров О.М., Лоттер М.Г. К оценке компетенции судебно-медицинского эксперта при проведении судебно-медицинской экспертизы по "врачебному делу" // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. N 1. С. 55 - 56. 3. Капустин А.В., Исаев А.И. Некоторые актуальные вопросы организации производства судебно-медицинских экспертиз // Судебно-медицинская экспертиза. 2004. N 1. С. 7 - 10. 4. Федеральный закон РФ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, (с изменениями на 25 ноября 2013 года)" от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ.

Кириллова Н. П.

*Санкт – Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛ

Деятельность государственного обвинителя в условиях состязательности судебного разбирательства требует от него достаточно глубоких знаний в области криминалистики. За последние двадцать лет появилось не мало научных работ и учебных пособий, посвящённых тактике государственного обвинителя на различных этапах стадии судебного разбирательства, особенно в процессе судебного следствия¹. В настоящее время делаются попытки создания частных методик поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел. Каждая из этих методик может быть предметом самостоятельного диссертационного исследования. На основе такого рода исследований могут быть подготовлены учебные пособия, позволяющие

¹ См. Кириллова Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. СПб., 1996; Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. СПб. 2007.; Ульянов В. Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты). М., 2002; Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2002. и другие.

государственным обвинителям получать новые знания и активно применять их на практике. Некоторое количество работ, посвящённых рассматриваемой тематике, имеется, но их явно недостаточно¹.

Частные методики поддержания государственного обвинения, предложенные различными авторами, отличаются друг от друга по своей структуре и определяются взглядом его разработчика на общую структуру методики. Между тем, в научной литературе почти отсутствуют исследования, посвящённые общей структуре методики поддержания государственного обвинения и структуре частных методик, которые были бы общепринятыми. Это тормозит разработку частных методик, снижает прикладное значение полученных результатов.

Многие криминалисты в качестве структурного элемента методики поддержания государственного обвинения используют криминалистическую характеристику преступления, делают на этом главный акцент, что является ошибочным. Много из того, что является актуальным на стадии предварительного расследования, утрачивает свою актуальность в судебных стадиях уголовного процесса. В методике расследования отдельных видов преступлений акцент сделан на поисковую деятельность следователя, а рекомендации криминалистов позволяют оптимизировать поиск лица, совершившего преступление, обнаружение следов преступления, доказательств по делу и т.д. В судебных стадиях уголовного процесса деятельность государственного обвинителя направлена на проверку результатов расследования, на доказанность обстоятельств, подлежащих установлению, на обоснование обвинительного тезиса.

По нашему мнению, структура методики поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел может выглядеть следующим образом.

Раздел. 1. Уголовно-правовая характеристика преступления.

В этом разделе рассматриваются все элементы состава преступления, проблемы, связанные с разграничением смежных составов преступлений. При этом важное значение имеет анализ судебной практики, иллюстрирующей судебные ошибки, допущенные при квалификации содеянного.

Раздел 2. Типичные доказательства, подтверждающие наличие различных элементов состава преступления.

При описании объективной стороны состава преступления необходимо выделить типичные способы

совершения преступления. По каждому способу должны быть приведены типичные доказательства, подтверждающие конкретный способ совершения преступления. По некоторым составам преступлений, например должностным, особое внимание должно уделяться доказательствам того, что обвиняемый является субъектом преступления. В методике должны присутствовать типичные доказательства, характеризующие объект преступления и его субъективную сторону.

Раздел 3. Типичные следственные ошибки, допускаемые при формировании доказательственной базы. Способы исправления следственных ошибок в ходе судебного разбирательства

Наибольший интерес для государственного обвинителя представляют уголовно-процессуальные и уголовно-правовые ошибки. Он должен учесть все допущенные при расследовании нарушения закона, поскольку на этапе изучения материалов дела сложно предусмотреть, оценит ли суд нарушение как существенное или несущественное. Нарушения, взятые в отдельности, могут признаваться несущественными, а в своей совокупности могут оказаться существенными. Наличие нарушений закона даёт общее представление о качестве расследования.

Для государственного обвинителя существенное значение имеет выявление следственных и прокурорских ошибок, связанных с несоблюдением прав обвиняемого в процессе предварительного расследования. Среди них могут быть ошибки, связанные с определением подследственности, определением подсудности при направлении дела прокурором в суд; ошибки, связанные с неправильным возбуждением уголовного дела, принятием его к производству ненадлежащим должностным лицом, неправильным выделением или соединением уголовных дел. Некоторые из указанных ошибок могут повлечь за собой признание всех полученных доказательств недопустимыми, отказ от обвинения и прекращение уголовного дела или оправдательный приговор.

Государственным обвинителем могут быть выявлены следственные ошибки, повлёкшие за собой нарушение права обвиняемого на защиту. Например, проведение процессуальных действий без участия защитника, когда оно является обязательным в силу прямого указания в законе, отсутствие переводчика, когда его участие в деле необходимо и др. Некоторые виды ошибок могут быть устранены в результате возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Например, ошибки, связанные с неправильной квалификацией.

Учитывая, что результат судебного разбирательства связан с исследованием и оценкой доказательств, при разработке методики особое внимание следует уделить процедуре собирания доказательств на следствии. В частности, необходимо оценить соответствие закону порядка проведения следственных действий, выявив такие нарушения, которые влекут за собой признание полученных доказательств недопустимыми.

Ошибки, связанные с неполнотой или односторонностью проведённого расследования, должны интересовать государственного обвинителя с точки зрения достаточности проверки органами предварительного расследования, как версии обвинения, так и версии защиты. Необходимо установить, были ли истребованы доказательства, подтверждающие позицию обвиняемого, заявлялись ли ходатайства в обоснование этой пози-

¹ См., например, Шашин Д. Г. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в методике расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков. Иркутск – 2008; Малов А. А. Поддержание государственного обвинения по делам об изнасилованиях (криминалистический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. Посохина И. В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2006; Ломакина Н. Г. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угоне), Владимир, 2008; Бурковская В.А., Маркина Е.А., Мельник В. В. Уголовное преследование терроризма. М. 2008 ; Кириллова, А. А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар. 2014.

ции, отклонялись ли они следователем, дознавателем. Государственный обвинитель должен отметить для себя убедительность одних доказательств, слабость других, сомнительность третьих и т. д. Он группирует доказательства на обвинительные и оправдательные, твердо установленные факты и сомнительные, законно полученные или полученные с нарушением процедуры.

Раздел 4. Типичные версии защиты. Типичные доказательства, представляемые стороной защиты. Способы противодействия государственному обвинению.

Представляется, что в частной методике должны быть отражены результаты обобщения наиболее типичных версий защиты, выдвигаемых по данной конкретной категории дел и доказательств, представляемых для подтверждения этой версии или для опровержения обвинения.

Видами позиции защиты общего характера являются следующие: признание вины в совершении преступления; непризнание вины в совершении преступления в связи с отсутствием события преступления (например, факта уклонения от уплаты налогов), в связи с отсутствием в действиях обвиняемого какого-либо элемента состава преступления (например, действовал в пределах необходимой обороны), в связи с непричастностью к совершению преступления (защита строится в зависимости от версии подзащитного); частичное признание вины, которое может выражаться в том, что обвиняемый признает себя виновным в совершении иного, менее тяжкого преступления, чем инкриминируемого ему органами предварительного расследования. Например, обвиняемый не признает часть вменённых ему эпизодов преступной деятельности, не признает наличие квалифицирующих признаков и т. д. Среди способов противодействия уголовному преследованию в методике должны быть представлены наиболее характерные из них для данной категории дел.

Следующие разделы структуры частной методики должны быть посвящены деятельности государственного обвинителя на различных его этапах.

Раздел 5. Подготовка к судебному разбирательству.

Программа подготовки государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве включает в себя изучение материалов дела, нормативного материала и судебной практики, а также планирование его деятельности.

К предмету анализа материалов дела относится: определение предмета и пределов доказывания; доказательства, свидетельствующие о доказанности времени, места, способа совершения преступления. Государственный обвинитель сможет провести сравнительный анализ имеющихся материалов дела с типичными доказательствами, характерными для данного состава преступления, отражёнными в частной методике. Сравнительный анализ позволяет выявить те из них, которые могли быть добыты следователем, но не были добыты, проанализировать возможность восполнения доказательств ходе судебного разбирательства.

Раздел 6. Участие прокурора в предварительном слушании и в подготовительной части судебного разбирательства.

В частной методике целесообразно представить типичные судебные ситуации, возникающие именно на указанных этапах, предложены способы их разрешения.

Раздел 7. Участие государственного обвинителя в судебном следствии.

Данный раздел включает в себя типичные ситуации, возникающие в ходе судебного следствия и способы их разрешения; типичные следственные действия и приёмы, применяемые государственным обвинителем при производстве этих действий. Например, следует выделить типичные экспертизы, проводимые по делам определённой категории. Должны быть не только перечислены характерные виды экспертиз, но и проанализированы современные возможности данных экспертиз, позволяющие установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Следует перечислить типичные вопросы, которые ставятся перед экспертами по каждому виду экспертизы. Аналогичным образом целесообразно отразить и иные, характерные для конкретного вида преступлений, следственные действия.

Раздел 8. Особенности подготовки и выступления в прениях.

Данный раздел частной методики призван наполнить конкретным содержанием положения криминалистической тактики, относящиеся к подготовке и произнесению обвинительной речи.

Раздел 9. Анализ приговора и особенности составления апелляционного и кассационного представления.

В содержание этого раздела могут входить рекомендации по изучению материалов дела, относящихся к производству в суде первой и второй инстанций под углом зрения всех апелляционных и кассационных оснований. Должны быть проанализированы типичные судебные ошибки, допускаемые судами при разрешении дел конкретной категории.

Кокорин Д. Л.

Хамидуллин Р. С.

*Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

По данным Федеральной службы государственной статистики на примере Центрального федерального округа видно, что с 1992 года по 2014 год наблюдается рост числа преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков и к 2014 году число таких преступлений превысило 55 000.

Увеличение количественных показателей преступности в сфере незаконного оборота наркотиков должно находить мгновенный отклик в вопросах формирования и реализации государственной антинаркотической уголовной политики. Не случайно в 2010 г. была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года [1].

На фоне изложенных событий на сегодняшний день наблюдается всплеск организованной преступности, особенно ярко проявляющийся в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так, согласно статистическим данным Единой межведомственной инфор-

мационно-статистической системы в период с начала 2012 года по июнь 2014 года, наблюдается рост количества предварительно расследованных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ в России, совершенных организованными сообществами (преступными организациями). Количество таких преступлений в 2012 году по России составили 570, по Свердловской области - 61, в 2013 году по России - 898, по Свердловской области - 106 и за 6 месяцев 2014 года составляли по России - 532 (почти как за год 2012), по Свердловской области - 27.

Анализ официальной статистики показал, что в настоящее время в полной мере не удаётся добиться эффективного снижения уровня организованной преступности. В связи с чем возникает необходимость в повышении оптимизации деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений совершенных организованными преступными сообществами (преступными организациями). Общеизвестно, что торговля наркотиками это хорошо организованный, законспирированный, а в некоторых случаях и коррупционный вид преступной деятельности. На выявление и привлечение к ответственности лиц, занимающихся указанной деятельностью, правоохранительные органы затрачивают огромные средства и силы. Мы считаем, что повышение эффективности борьбы с наркопреступностью можно добиться путём привлечения лиц, задействованных в сложных схемах незаконного наркооборота к сотрудничеству с правоохранительными органами. Такая возможность в настоящее время законодательно регламентирована главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения», данное соглашение позволяет получить ценную информацию и доказательства от подозреваемых или обвиняемых, непосредственно входящих в состав преступной организации. Показания таких лиц имеют огромное значение для раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Во-первых, с процессуальной стороны они имеют доказательственное значение, в отличие от объяснений полученных оперативным путём.

Во-вторых, такие показания позволяют экономить силы и средства на производство предварительного следствия, уменьшая сроки расследования, так как при правильном планировании расследования отпадает необходимость в производстве большего объёма следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение информации о количестве и особенностях участников преступных формирований, моменте её создания, распределении ролей, источнике поступления наркотических средств.

В-третьих, в комплексе с результатами оперативно-розыскной деятельности такие показания позволяют раскрывать и доказывать новые преступные эпизоды, достигая при этом большей объективности в процессе расследования [2. с. 119].

Как отмечается в юридической научной литературе, сущность досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в заключении между сторонами обвинения и защиты двустороннего уголовно-процессуального до-

говора, предметом которого являются обязательства выполнения подозреваемым или обвиняемым определённых действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, на условиях применения особого порядка судебного разбирательства, сокращения наказания и обеспечения мер государственной защиты как для подозреваемого или обвиняемого, так и для его родственников, и близких лиц [3. с. 6].

В досудебном соглашении о сотрудничестве могут быть отражены множества следственных действий, при участии в которых подозреваемый (обвиняемый) обязуется изобличить соучастников и рассказать о новых преступных эпизодах. Но именно его показания, данные в ходе допросов при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, являются наиболее ценными при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, когда в условиях дефицита информации правоохранительным органам необходимо установить каналы поставок наркотических средств, места их возможного хранения, адреса расположения наркопритонов и т.д. Привлечение лица, обладающего такими сведениями к сотрудничеству, может позволить в кратчайшие сроки получить доказательства причастности иных лиц к незаконному обороту наркотиков и принять меры превентивного характера. В результате обысков обнаружить и изъять наркотические средства и прекратить деятельность наркопритонов.

Конечно, применение следователем тактических приёмов и средств, направленных на привлечение подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству, будет зависеть от следственной ситуации, сложившейся в этот период времени. Для начала необходимо понять, что подразумевается под следственной ситуацией. В науке криминалистике сформировались различные точки зрения в определении понятия следственной ситуации. Так, В.К. Гавло определил следственную ситуацию как «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определённый момент расследования преступления» [4. с. 35]. Аналогичную позицию поддерживает Л.Я. Драпкин, по мнению которого, следователю, прежде чем действовать, необходимо получить информацию о существенных свойствах (признаках, чертах) внешней (объективной) среды и создать её адекватную (в той или иной степени) модель [5. с. 101]. Именно этой информационной модели следственной ситуации мы и придерживаемся.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и выполнение его условий подозреваемым (обвиняемым) напрямую зависит от выбранной следователем тактики расследования. По нашему мнению, положения главы 40.1. УПК РФ можно использовать в качестве тактического приёма для привлечения к сотрудничеству подозреваемого или обвиняемого, обладающего ценной для следствия информацией. Наиболее результативно такой тактический приём можно использовать при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств на этапе задержания подозреваемого. Прежде чем раскрыть сущность указанного тактического приёма необходимо дать его понятие. На сегодняшний день существуют несколько подходов к определению понятия тактико-криминалистического приёма (тактического приёма). Например по мнению Л.Я. Драпкина: «Тактическим приёмом следует считать не противоречащий закону

научно обоснованный способ, метод выполнения какого-либо следственного действия, свободно избираемый следователем с учётом конкретной ситуации и направленный на повышение эффективности отдельных процессуальных действий или расследования в целом», по его мнению, тактический приём почти всегда является частью следственного действия или тактической операции, комбинации. Но при этом Л.Я. Драпкин отмечает, что тактический приём недопустимо отождествлять с конкретным следственным действием [6. с. 230]. Другое понятие даёт А. Г. Филипповым, который считает, что криминалистический приём – это наиболее целесообразная линия поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений. А под тактико-криминалистическим приёмом он понимает приёмы подготовки и проведения следственных действий [7. с. 241].

На наш взгляд, наиболее полно и точно определить сущность понятия тактический приём А.С. Князьков, который, проведя анализ, пришёл к выводу, что под тактическим приёмом следует понимать рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этичный способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления [8. с. 101]. В указанном определении изложена основная цель применения тактического приёма – раскрытие и расследование преступлений, а так же отсутствует привязка к следственным действиям, что по нашему мнению является правильным.

При раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на этапе задержания подозреваемого в качестве тактико-криминалистических рекомендаций можно предложить реализацию целого ряда действий. После задержания необходимо с первых же минут общения с подозреваемым, установить психологический контакт и спокойно выслушать его точку зрения произошедшего. Далее так же спокойно объяснить ему причины его задержания и сущность подозрения, разъяснив перед этим его права и обязанности. Если изначально пойти на конфликт с задержанным, то в такой следственной ситуации, лицо вряд ли будет сотрудничать со следствием, а уж тем более заключать какие-либо соглашения о сотрудничестве. Необходимо вызвать у подозреваемого понимание того, что следователь не ставит перед собой цель любой ценой привлечь его к ответственности, как говорить «вменив ему все, что можно».

Создав необходимые благоприятные условия, можно приступить к использованию тактического приёма «привлечение лица к сотрудничеству путём заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», выполнив это согласно следующему алгоритму действий:

1) Перед допросом подозреваемого, разъяснить права, предусмотренные главой 40.1. УПК РФ – заявлять ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обратив при этом особое внимание на то, что данное соглашение будет наилучшим выходом из ситуации, в которую попал подозреваемый. Необходимо, чтобы подозреваемый понял, что в случае если он займёт позицию отрицания или отказа от дачи показаний, то последствия, к которым он может прийти бу-

дут для него намного негативнее, чем при выполнении условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

2) Обратит внимание подозреваемого на поощрительные меры (п. 2 и п. 4 ч. 1 ст. 62 УК РФ), которые могут быть применены судом в случае выполнения им условий досудебного соглашения о сотрудничестве.

3) Привести несколько положительных примеров рассмотрения реальных уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Наилучшего эффекта можно добиться путём предъявления подозреваемому для ознакомления копий приговоров, вступивших в законную силу по такой категории дел.

4) Создать впечатление осведомлённости об обстоятельствах совершения преступлений, сославшись при общении с подозреваемым на некоторые известные следователю факты. Можно использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий, предъявив, например, аудиозаписи прослушивания телефонных переговоров.

5) Предложить задуматься о том, что лица, «благодаря» которым подозреваемый окажется привлечённым к уголовной ответственности, могут остаться на свободе и продолжать жить полноценной жизнью, пока он будет отбывать своё наказание.

6) Обратит внимание подозреваемого, что позиция, которую он займёт по уголовному делу, будет напрямую учитываться при избрании в отношении него меры пресечения.

7) Разъяснить, что в случае возникновения угрозы его жизни или здоровью, а так же близким подозреваемого, то к нему или его родным могут применяться меры государственной защиты.

8) В заключении порекомендовать подозреваемому проконсультироваться с защитником и определиться с позицией. Это должно вызвать доверие подозреваемого к следователю и ещё раз подчеркнёт объективность следствия «в глазах» подозреваемого.

Указанный алгоритм действий применения тактического приёма не является универсальным и исчерпывающим. Отдельные элементы могут и не использоваться, либо использоваться в совокупности с другими действиями в зависимости от морально-психологической обстановки и следственной ситуации.

Использование тактического приёма «привлечение подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству путём заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», конечно, зависит от необходимости для следователя такого сотрудничества и это решение не будет принято без его мотивированного постановления. Но все же мы рекомендуем по возможности заключать такие соглашения, так как они будут служить источником информации, которая крайне важна в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и остальными видами преступных посягательств. В случае невыполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемым или обвиняемым оно будет расторгнуто и производство по уголовному делу будет продолжено в обычном порядке, согласно ч. 3 ст. 317.8 УПК РФ.

Литература: 1. Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 // Российская газета. 2010. 15 июня; 2. Удовиченко В.С. Следственные ситуации допроса подозреваемого и обвиняемого по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств // Известия Алтайского государ-

ственного университета. 2012 № 2-1. С. 118-121; 3. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Диссертация ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011; 4. Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений: доклад на итоговой науч. конф. юрид. факультетов. – Томск, 1968. – Ч. 3; 5. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2010. – № 2; 6. Криминалистика: учебник для вузов/под ред. Л.Я. Драпкина. – Москва «Высшая школа», 2000. Издание второе; 7. Криминалистика. Углублённый курс/под ред. А.Г. Филиппов – Москва 2012; 8. Князьков А.С. Признаки тактического приёма и критерии допустимости его применения // Вестник Томского государственного университета. 2012 № 355. С. 101.

Кушниренко С. П.

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)*

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О КОРПОРАТИВНОМ ЗАХВАТЕ

Корпоративный захват — это перехват оперативно-го управления или завладение пакетом акций (долями капитала), совершенное преступным способом, с целью получения доминирующего положения в хозяйственном обществе и возможности активно влиять на принятие им решений либо с целью последующего вывода активов хозяйственного общества. Термин "рейдерство" нам представляется более узким по сравнению с "корпоративным захватом", поскольку предполагает совершение корпоративного захвата особыми лицами — рейдерами, т. е. юридическими или физическими лицами, специализирующимися на организации и осуществлении корпоративных захватов, для которых указанный вид деятельности стал преступным промыслом. Таким образом, рейдерство можно определить как преступную деятельность по организации и осуществлению корпоративных захватов [2, с.8]. Оба понятия являются криминалистическими и будут применены в данной статье ко всем преступным способом завладения доминирующего положения в хозяйственных обществах. Поскольку наблюдается широкое разнообразие способов совершения такого захвата, действия преступников могут квалифицироваться по статьям 159, 160, 179, 185, 185.2, 185.4, 185.5, 201, 330, 303, 305, 315, 212 УК РФ и др. [3, с. 39-85, 92-97; 4, 83-209; 5, с. 26-143; 7, с. 231-265]. В связи с этим особую важность приобретает доследственная проверка сообщений о корпоративном захвате, и именно на этой стадии должны быть получены основания для возбуждения уголовного дела по конкретному составу преступления. Многие авторы отмечают неудовлетворительное качество проверки заявлений о совершенных преступлениях указанной группы [6]. По нашему мнению, это обусловлено, во-первых, отсутствием наработанной практики проведения проверок и выявления криминалистических признаков таких правонарушений, во-вторых, сложным способом преступления, дать уголовно-правовую оценку которому на начальном этапе расследования иногда весьма затруднительно из-за использования преступниками, в том числе, и правовых механизмов в процессе осуществления корпоративного захвата, в-третьих, масшированными мерами противодействия объекту захвата и правоохранительным органам, в частности с использованием коррумпированных связей и покровительства

силовых структур. В связи с этим можно предложить следующую общую схему проверки сообщений о совершаемых преступлениях.

Изучение судебно-следственной практики позволяет определить наиболее типичные поводы для возбуждения уголовных дел данной категории: заявление собственника о незаконных действиях акционеров, участников общества с ограниченной ответственностью или третьих лиц; заявление участника хозяйственного общества о чинении ему препятствий к управлению обществом; сообщения контролирующих органов о нарушении законодательства о рынке ценных бумаг; материалы проверки органов прокуратуры.

Естественно, что последовательность и объем проверочных мероприятий будет зависеть от конкретной ситуации, поэтому приведём общую схему проверки. Она заключается в сборе и анализе информации по существу исследуемого события и состоит из трёх блоков: 1) поиск и анализ информации по объекту захвата; 2) по субъекту захвата; 3) по сделке, в результате которой произошёл переход собственности или управления.

При наличии информации о преступлении от третьих лиц необходимо в первую очередь получить заявление от собственников корпорации, где должно быть чётко указано, какие из принадлежащих им прав нарушены и каким образом, а также кем именно (если им это известно), какой вред причинён (материальный, моральный), а также его размер. Иногда при силовом захвате может быть причинён и физический вред в результате применения насилия. После этого лицо, сделавшее заявление, должно быть подробно опрошено об известных ему обстоятельствах корпоративного захвата. Вопросы зависят от обстоятельств дела, но наиболее важными из них будут: с какого времени является акционером, участником, учредителем данного хозяйственного общества; каким количеством акций (долей) обладает, какие права в связи с этим имеет, как их реализует; как складываются взаимоотношения с другими участниками, руководителями корпорации; при каких обстоятельствах узнал об изменениях в реестре акционеров (составе участников); какие факты свидетельствуют о чинении заявителю препятствий в управлении компанией, от кого исходит противодействие; каким образом осуществлялось оповещение о месте и времени проведения общего собрания; как проходило общее собрание; проводилось ли повторное собрание; какие изменения в статусе заявителя произошли в связи рассматриваемыми событиями; какие права заявителя нарушены, причинён ли ему материальный, физический, моральный ущерб, в чем он выражается; какие требования выдвигает заявитель.

На основании полученных объяснений и изученной обстановки в корпорации — объекте захвата истребуются документы и материалы, необходимые для принятия решения о наличии или отсутствии признаков преступления. При их изучении и анализе обязательно должен использоваться метод взаимной проверки, поскольку только таким образом могут быть установлены криминалистические признаки, указывающие на возможное совершение или подготовку преступления.

1. Учредительные документы, свидетельство о государственной регистрации анализируются с целью получения информации об учредителях, о месте и времени создания хозяйственного общества, об органах его управления, компетенции общего собрания и руководи-

телей, процедуре принятия решений, количестве и номинальной стоимости акций (долей в капитале), их владельцев и др. Кроме этого, криминалистическое значение могут иметь содержащиеся сведения о внесении в указанные документы изменений, в том числе о смене руководителей исполнительных органов хозяйственного общества, соучредителей.

2. Для сопоставления данных, содержащихся в учредительных документах и внесённых в государственный реестр, целесообразно запросить сведения из Единого государственного реестра юридических лиц.

3. По делам о захвате акционерного общества запрашиваются распечатки реестра акционеров, а также документы, используемые регистратором для ведения реестра (анкета зарегистрированного лица, передаточные, залоговые распоряжения) на отчётную дату, на момент совершения предполагаемого нарушения, на день проведения проверки. Также истребуются копии регистрационного журнала, поскольку он представляет собой прошитую книгу и в отличие от реестра, содержащего сведения на определённую дату, отражает все совершённые операции с акциями.

Изучив реестр акционеров, можно получить информацию: а) об эмитенте (наименование; государственный орган, осуществивший регистрацию эмитента; номер и дату государственной регистрации эмитента; размер уставного (складочного) капитала; сведения о руководителе исполнительного органа эмитента и др.; б) о ценных бумагах эмитента (дата государственной регистрации и государственный регистрационный номер выпуска ценных бумаг, наименование регистрирующего органа, осуществившего государственную регистрацию выпуска ценных бумаг; вид, категория (тип) ценных бумаг; номинальная стоимость одной ценной бумаги; количество ценных бумаг в выпуске; форма выпуска ценных бумаг и др.; в) о лице в лице которого зарегистрированного лица (анкетные данные зарегистрированного лица; количество ценных бумаг, вид, категория, государственный регистрационный номер выпуска ценных бумаг, обременение акций обязательствами или блокирование операций).

4. Данные реестра проверяются путём сопоставления со сведениями, имеющимися в соответствующих подразделениях Центрального Банка России, которому с 1 сентября 2013 года переданы полномочия Федеральной службы по финансовым рынкам РФ по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков [1].

5. Анализу также подлежат документы, сопровождающие принятие решений. Особо изучаются решения и процедуры проведения повторного собрания. Для этого анализируются объявления, приглашения, повестка дня, протокол собрания, копии решений, направленные акционерам, переписка с акционерами и другие документы. Наиболее криминалистически значимы протоколы общих собраний участников хозяйственного общества, на которых было принято решение об избрании новых руководителей. Обязательно изучаются протоколы таких собраний и все сопутствующие им документы.

Перечисленные материалы могут быть запрошены в организации — объекте захвата, кроме того, копии некоторых материалов могут быть непосредственно изъяты у участников корпорации. Обратим внимание, что отсутствие данных документов у указанных лиц тоже

может быть криминалистическим признаком, поэтому такой факт должен быть зафиксирован в материале проверки сообщения о преступлении путём указания соответствующих сведений в объяснении или справке.

После получения и анализа указанных выше документов целесообразно провести опрос участников хозяйственного общества по тем обстоятельствам, которые будут выяснены, а именно: когда и сколько приобрёл акций, какова их номинальная стоимость, сколько эмиссий проводилось, как осуществлялось руководство, как организовывались общие собрания, кто и каким образом оповещал о времени и месте их проведения, как проверялась явка присутствующих, как осуществлялось голосование и подсчёт голосов, какие нарушения процедуры проведения собраний допускались. Дополнить сведения о реестре и судьбе акций можно путём опроса предыдущих и настоящих участников хозяйственного общества, установив основания перехода права собственности на акции (договор, цессия, наследование) и наличие передаточного распоряжения, подписей, печатей на документах.

Следующий комплекс мероприятий должен быть проведён в отношении субъекта захвата — физического или юридического лица, осуществляющего корпоративный захват. Работа начинается с установления данных о лице и его характеристик с целью обнаружения признаков, указывающих на совершение преступления. Проверка проводится путём изъятия и анализа документов, получения объяснений, назначения проверочных мероприятий. Поиску и изъятию подлежат учредительные документы, отчётные документы, направляемые в налоговые органы, служебные документы на право оказания консультационной или иной помощи¹.

По мере накопления материала может появиться необходимость в назначении аудиторских проверок, документальных проверок, в том числе встречных проверок документов и иных проверочных действий. Если будет установлен факт захвата и распоряжения активами и иным имуществом объекта захвата, должен быть проведён ещё один комплекс мероприятий, включающий проверку заключённых сделок. Для этой цели осуществляется поиск, изъятие и анализ следующих документов: подтверждающих переход права собственности на ценные бумаги и доли в ООО (договор купли-продажи, мены, дарения, наследования и др.); акты, свидетельствующие о заключении договора или наличии иного юридического факта, устанавливающего переход права собственности на ценные бумаги; наличие передаточного распоряжения; договор, приложения к нему, протоколы о намерениях по сделкам с активами и имуществом объекта захвата; свидетельство о регистрации в Федеральной службе регистрации, кадастра и

¹ Например, по одному из уголовных дел о попытке захвата потребительского общества Выборгского района Ленинградской области собрания членов потребительского общества в деревнях проводила юридическая фирма, находящаяся в Санкт-Петербурге. Как было установлено, собственник фирмы являлся подставным лицом, а сотрудниками — лицо без юридического образования и студентка 2 курса коммерческого вуза. Никаких документов, заключённых членами потребительского общества для защиты их интересов, фирма представить не смогла.

картографии сделок с недвижимостью (Росреестре), принадлежащей объекту захвата.

Указанные документы истребуются в организации - объекте захвата, у лиц, к которым перешло право собственности, сторон заключённых договоров. Соответствующие справки запрашиваются у реестродержателя и в Росреестре. По выясненным обстоятельствам проводится опрос сведущих лиц.

Если в ходе проверки установлены сфальсифицированные документы, на основании которых внесены изменения в ЕГРЮЛ, целесообразно провести криминалистическое исследование подписей и печатей.

Для установления всех обстоятельств отчуждения долей, акций или имущества организации в полном объёме целесообразно назначение и проведение ревизии или документальной проверки, аудита, которые могут быть осуществлены собственной ревизионной комиссией организации, контрольно-ревизионными органами Министерства финансов РФ или аудиторской фирмой.

Полученная в ходе проверки информация анализируется с точки зрения выявления криминалистических признаков преступлений, характеризующихся как корпоративный захват. Только выполнив указанный минимум проверочных действий и мероприятий можно получить достаточные основания для решения вопроса о моменте возбуждения уголовного дела по конкретному составу преступления. Методика расследования начального и последующего этапов будет обусловлена конкретным видом совершенного преступления, характеризующегося как корпоративный захват.

Литература: 1. Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 251-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков" 2. Валласк Е.В., Кушниренко С.П., Сальников А.В., Щепельков В.Ф. Криминалистическая характеристика, квалификация и программы расследования преступлений, характеризующихся как корпоративный (рейдерский) захват. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2009. 3. Добровольский В. И. Ответственность рейдера по российскому законодательству. М.: Волтерс Клувер, 2010. 4. Ларичев В. Д., Исаев, О. Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия (рейдерство). М.: Юрлитинформ, 2013. 5. Смирнов Г. К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учёта прав на ценные бумаги и государственной регистрации. М.: Юрлитинформ, 2011. 6. Титова Н.М. Практические аспекты возбуждения уголовных дел о рейдерских захватах в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также некоторые вопросы обжалования отказа в возбуждении уголовного дела // Адвокатская практика, 2013, № 6. 7. Федоров А.Ю. Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия). М.: Волтерс Клувер, 2010.

Лифанова Л. Г.

Гонтарь С. Н.

*Ставропольский филиал Краснодарского университета
МВД России
(Ставрополь)*

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ УЧАСТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Перспективы гуманизации уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации, намеченные Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР"[1], реализовывались принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, посредством внесения в него изменений, появлением новых институтов, направленных на обеспечение прав человека и гражданина, предоставления новых юридических гарантий.

Произошло смещение приоритетов в назначении уголовно-процессуального права и постановка на первый план защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Однако надо заметить, что реального механизма, обеспечивающего успешное функционирование гуманистических ценностей в уголовном судопроизводстве, направленных как на уважение, соблюдение и защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, так и решение задач уголовного судопроизводства цивилизованными средствами, по определённым моментам до сих пор не выработано.

Это в определённой степени касается и прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Так, с марта 2013 года в законе закреплено право лица, в отношении которого проводится следственная проверка, пользоваться услугами адвоката. Если раньше право иметь защитника имели только подозреваемый и обвиняемый, которые появлялись после возбуждения уголовного дела, то сейчас такая возможность есть у гражданина, который ещё не наделён никаким процессуальным статусом, однако подразумевается, что действия следователя или органа дознания, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, могут ограничить его конституционные права [2].

К сожалению, законодатель, принимая такие безусловно демократические изменения, не сделал акцент на несовершеннолетнем, в отношении которого проводится следственная проверка. Известно, при производстве следственных действий права несовершеннолетнего участника процесса вправе представлять законные представители, в определённых случаях участие иных участников является обязательным (например, участие педагога или психолога при допросе, участие защитника несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого). Является ли обязательным участие данных лиц при получении, например, объяснения от несовершеннолетнего, в отношении которого проводится следственная проверка, закон не регламентирует.

Представляется, что данный пробел должен быть восполнен внесением изменений в текст уголовно-процессуального законодательства посредством установления требования о проведении мероприятий, на-

правленных на проверку причастности несовершеннолетнего к подготавливаемому или совершенному преступлению, проводимых до возбуждения уголовного дела, по правилам производства следственных действий с участием несовершеннолетнего.

Кроме того, Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность подозреваемому и обвиняемому иметь защитника, услуги которого компенсируются за счёт средств федерального бюджета (ч.5 ст.50 УПК РФ). Право пользоваться квалифицированной юридической помощью есть и у потерпевшего, оно закреплено в п.8 ч.2 ст.42 УПК РФ. Однако приглашать представителя, в качестве которого допускаются адвокаты, он должен самостоятельно, равно как и оплачивать его труд. Такое процессуальное неравенство в правах между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим отчасти разрешилось путём дополнения ст.45 УПК РФ частью 2.1, согласно которой "По ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счёт средств федерального бюджета".

По нашему мнению необходимо предусмотреть право потерпевшего вне зависимости от тяжести и вида совершенного в отношении него преступления пользоваться услугами квалифицированного юриста, услуги которого компенсировались бы из федерального бюджета, в случае, если потерпевший не может их покрыть самостоятельно. И в первую очередь это должно касаться потерпевших, не достигших возраста совершеннолетия. Кроме лиц, имеющих процессуальный статус адвоката, в качестве представителей потерпевшего могли бы выступить иные лица, обладающие достаточными юридическими знаниями и стажем работы по юридическому профилю. В первую очередь – вузовские преподаватели дисциплин уголовно-правовой специализации. Действующая редакция ст. 45 УПК РФ допускает участие иных лиц в качестве представителей потерпевшего, однако неудачность её формулировки исключает ясность понимания: иное лицо может участвовать вместе с адвокатом или вместо него?

Совершенствование прав несовершеннолетнего, направленные на гуманизацию и демократизацию его процессуального статуса, выразилось в дифференциации продолжительности проведения таких следственных действий как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний на месте в зависимости от возраста участвующего лица. Так, указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности - более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет - более одного часа, а в общей сложности - более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет - более двух часов, а в общей сложности - более четырёх часов в день (ч.1 ст.191 УПК РФ). Действуя видимо из благих намерений, законодатель однако почему-то забыл указать продолжительность перерыва, который надлежит делать. Ничего не говорит об этом и Пленум Верховного Суда РФ [3].

Ч.3 ст.187 УПК, регламентирующая продолжительность допроса взрослых, время перерыва определяет в один час. Следует ли в данном случае применять закон по аналогии? Но время перерыва может тогда превысить продолжительность следственного действия. Ребёнок за это время отвлечётся, может забыть о происшедшем, о том, на чем он был сконцентрирован. Полагаем, такая продолжительность перерыва вредна. Законодатель, учитывая рекомендации детских психологов, должен указать рекомендованное время перерыва в производстве следственного действия с участием несовершеннолетних свидетелей или потерпевших.

Закон предусматривает в определённых случаях участие в следственных действиях педагога или психолога, не обозначая никаких требований к данным субъектам. Представляется, что законодатель либо Пленум Верховного Суда Российской Федерации должны указать, какие лица могут быть приглашены в качестве педагога или психолога, какое у них должно быть образование, какой стаж работы, обязательно ли данный педагог или психолог должен работать с такой возрастной группой, к которой относится несовершеннолетний. Целесообразность приглашения знакомого или незнакомого несовершеннолетнему педагога должна быть определена исходя из пожеланий самого несовершеннолетнего либо его законного представителя.

Нам представляется, что требования, предъявляемые к психологам или педагогам должны различаться в зависимости от возраста несовершеннолетнего. Единным для всех должно быть наличие высшего профессионального образования, стажа работы не менее 3-х лет с той возрастной группой, к которой относится несовершеннолетний. Что касается приглашения педагога из детского учреждения, которое посещает несовершеннолетний, то это должно стать обязательным требованием только в случае производства следственных действий с участием малолетних свидетелей и потерпевших, причём целесообразно предварительно обсудить кандидатуру психолога или педагога с законным представителем.

Если же речь идёт о несовершеннолетнем, старше 14 лет, вне зависимости от его процессуального статуса, будь то свидетель, потерпевший или подозреваемый, обвиняемый, то выбор педагога или психолога должен быть сделан с учётом пожеланий самого несовершеннолетнего. Потому как его участие должно помочь следователю установить психологический контакт с несовершеннолетним, получить от него правдивые полные показания, а присутствие педагога, с которым у несовершеннолетнего сложились неприязненные отношения, достичь такой цели не позволит.

Говоря о педагоге и о его участии в уголовном судопроизводстве, нельзя обойти вниманием процессуальные расхождения в порядке допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Так, упоминаемая нами ранее ч. 1 ст. 191 УПК, регламентирующая особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, закрепляет правило о том, что участие педагога или психолога обязательно, если несовершеннолетний не достиг возраста шестнадцати лет, либо достиг этого возраста, но страдает психическим расстройством или отстаёт в психическом развитии. Если несовершеннолетний старше указанно-

го возраста, то педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

Часть 1 ст.280 УПК, предусматривающая особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в ходе судебного следствия, на обязательное участие педагога указывает, если допрашиваемое лицо не достигло возраста четырнадцати лет. Несовершеннолетние потерпевшие и свидетели в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет допрашиваются с педагогом по усмотрению суда.

Нам представляется, что законодателью надлежит предусмотреть единообразный порядок допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, вне зависимости от стадии уголовного процесса.

Критикуемое несоответствие нам видится технической ошибкой законодателя, который внося изменения в декабре 2013 года в ст.191 УПК, забыл это сделать со ст.280 УПК, видимо потому, что согласно ч.6 ст.281 УПК (которая, кстати, введена Федеральным законом, который реформировал и ст.191 УПК [4]) повторный допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в ходе судебного разбирательства нецелесообразен, возможен по ходатайству сторон или по инициативе суда. По существующему ныне правилу оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и видеозаписи, киносъемки допросов осуществляются в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса.

Обозначенные предложения по реформированию процессуального законодательства, на наш взгляд, обеспечат реализацию намеченных тенденций по демократизации норм отечественного уголовно-процессуального законодательства, в которых предусмотрено участие несовершеннолетнего субъекта процесса.

Литература: 1. О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 31.10.1991, № 44, ст. 1435; 2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Справочно-правовая система Консультант Плюс; 3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 // Справочно-правовая система Консультант Плюс; 4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

Ласточкина Р. Н.

*Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова,
(Ярославль, Ярославская область)*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Юбилей Великой судебной реформы 1864 г. привлёк внимание юридической общественности к её «потомку» – судебной реформе в России в новейшее время.

Концепция судебной реформы, принятая ещё Верховным Советом РСФСР 24.10.1991 г., рассматривала в качестве важнейших направлений судебной реформы в сфере уголовного процесса:

- признание права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных в случаях, установленных законом;
- расширение возможностей обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, установление судебного контроля за законностью применения мер пресечения и других мер процессуального принуждения;
- организацию судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого;
- дифференциацию форм судопроизводства.

Ядром всякой судебной реформы выступают преобразования суда и процесса, под знаком и во имя которых коренным образом обновляются другие институты права, изменяются предназначение и деятельность других правоохранительных органов, действующих до суда, для суда и после суда, во исполнение судебных приговоров и решений. При этом основное внимание должно уделяться уголовному правосудию как безальтернативному механизму защиты основных прав и законных интересов гражданина в экстремальной ситуации преступного правонарушения.

Очевидно, что кардинальные преобразования уголовного судопроизводства ещё не закончены. Но основания для оценки некоторых её итогов назрели.

1. Разработчики принятого во исполнение Концепции Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), безусловно, полагали, что вопреки вульгарным идеям целью уголовной юстиции не является борьба с преступностью. Усилия одной только юстиции не способны привести к сокращению преступности, но могут обеспечить цивилизованное решение вопроса о виновности отдельного человека в определённом деянии и о причитающемся ему воздаянии. Поэтому был принципиально изменён подход к определению назначения уголовного судопроизводства. Таковым признаны (ст.6 УПК РФ): защита общества от преступлений путём реализации уголовного закона, защита прав и законных интересов граждан, попавших в сферу юстиции (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков).

Но обыденное сознание, а также многие сотрудники оперативных служб, следственных подразделений, прокуроры полагают, что суд не должен чинить им препятствия в борьбе с преступностью. Именно позиция этих органов формирует общественное мнение с помощью СМИ. Суд обвиняют в потакании преступникам, если он с "излишней критичностью" относится к достоверности улик.

Проявлением данной тенденции в законотворчестве является инициатива СКР, а затем и депутатов ГД о возвращении в УПК принципа объективной истины, достижение которой возлагается на всех субъектов одновременно (суд, следователя и т.д.). То есть на различные по своей функциональной направленности и принципам организации и деятельности органы возлагаются общие задачи. Как итог, суд должен будет восполнять пробелы в установлении фактов, а эти пробелы допущены стороной обвинения. Деятельность суда объективно приобретёт обвинительный характер.

С точки зрения теории организации должностное лицо, персонифицирующее разные виды деятельности, либо подчиняет всю свою работу задачам одной из них, либо не в силах осуществить выбор между равно влекущими предметами, не делает хорошо ни того ни другого. В особенности нетерпимо, когда тот или иной из органов, ведущих процесс, вынужден прямо или косвенно оценивать результаты собственной деятельности, как, например, происходит со следователем, разрешающим ходатайства защиты о дополнении расследования новыми материалами. Совпадение задач у органов уголовного преследования и суда, призванного разрешить дело по существу, ошибочное определение целей юстиции предопределяют карательный уклон в уголовном судопроизводстве в целом.

Вывод первый: в соответствии с Концепцией сформулировано новое назначение уголовного судопроизводства, но очевидны попытки изменить направленность уголовно-процессуальной деятельности.

2. В соответствии с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон начался переход к уголовному процессу континентального, т.е. смешанного типа (см. ст.15, главы 5-7, ст.244 УПК РФ и т.д.). Суд освобождён от выполнения обвинительных функций. Судьи не сразу, но определённо положительно восприняли изменение своей роли в производстве по уголовному делу. Расширено участие защитника, начиная со стадии ВУД и признания права на защиту за фактическим подозреваемым.

Судебный контроль в досудебном производстве, предусмотренный Концепцией, внёс элементы состязательности в досудебное производство. Но будучи не включённым в производство по делу, ограниченный стадийностью процесса, он оказался ограниченным и по сути:

1) суды не могут вникать в существо дела, оценивать доказательства, поэтому судебный контроль имеет формальный характер (например, суд не может оценить квалификацию «с запасом», которая позволяет избрать более строгую меру пресечения), абсолютное большинство ходатайств удовлетворяются;

2) пределы проверки по жалобам ограничены и не позволяют оценить решение следователя по существу (например, при рассмотрении жалобы на постановление о прекращении уголовного дела);

3) ходатайства о разрешении производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, рассматриваются формально, что приводит к нарушению конституционных прав (например, практика включения в ходатайства о контроле и записи телефонных переговоров номеров телефонов, не связанных с уголовным делом);

4) органы уголовного преследования избегают судебного контроля в порядке ст.125 УПК РФ, отменяя обжалуемые решения, а затем выносят аналогичные (причём, неоднократно).

Предполагалось учреждение должности следственного судьи для осуществления судебного контроля. Его полномочия могли бы быть намного шире, чем в существующей концепции судебного контроля (например, признание материалов доказательствами – депонирование) и т.д. До последнего времени необходимость института следственного судьи не признавалась. Однако в настоящий момент, после проявления

внимания к теме высшего руководства страны, концепция данного института обсуждается. Однако в условиях жесточайшего урезания бюджетных расходов маловероятна её реализация, разве что для целей сокращения нагрузки на судей.

Состязательность предполагает предоставление сторонам равных возможностей по воздействию на окончательное решение суда. Формально в судебных стадиях процесса статус сторон основан на их равноправии. Но в области собирания и проверки доказательств не обеспечено равенство прав сторон на привлечение доказательств. В соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах обвиняемому гарантируется право на допрос и вызов его свидетелей на тех же основаниях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него. Никто не может отказать стороне в приобщении доказательства, вызове или допросе свидетеля, если она обязуется оплатить (заранее оплатить) связанные с этим издержки. В стадии судебного разбирательства данное право нашло своё закрепление (ч.4 ст.271 УПК РФ). Но в досудебном производстве данное право не обеспечено.

Адвокатами и учёными предлагается в различных формах легализовать т.н. «адвокатское расследование» и его результаты по аналогии с использованием в доказывании результатов ОРД. Но по минимуму не реализовано даже положения концепции. В частности, не введён институт депонирования доказательств и обязанность органов уголовного преследования приобщать к делу материалы, предоставляемые стороной защиты. Более того, принимаются новые нормы, ограничивающие возможности стороны защиты по доказыванию. В 2004 г. Конституционный Суд РФ признал противоречащей Конституции РФ ч.6 ст.234 УПК, которая была в дальнейшем исключена как понуждающая сторону защиты к доказыванию. Теперь появляется аналогичная норма ч.6.1 ст.389.13 в апелляционной инстанции.

Основным оружием защиты в доказывании становится оспаривание допустимости доказательств обвинения. Статья 75 УПК, конечно, дисциплинировала следователей и дознавателей в плане оформления материалов уголовного дела, но сыграла злую шутку с уголовным процессом в целом, создав иллюзию борьбы за законность расследования. С одной стороны, следователи совершают чудеса изобретательности в мелочах (например, документ зачем-то осматривается, описывается в протоколе и приобщается к делу в качестве вещественного доказательства) (или: в начале допроса выясняют у допрашиваемого, нет ли у него хронических заболеваний, в т.ч. венерических). С другой стороны, добиться признания недопустимым значимого для обвинения доказательства, полученного с реальным нарушением закона, почти невозможно даже в суде (протокол обыска, проведённого с нарушением УПК РФ, в ходе которого обнаружены наркотики, будет под любым предлогом сохранен как доказательство обвинения во избежание вынесения оправдательного приговора). Стандарты доказывания и решения дел в суде должны служить как эталон, несоблюдение которого при направлении суду материалов сводило бы «на нет» шансы выиграть дело. Судебная практика не должна оставлять у следователей, органов дознания и прокуроров сомнений в том, что всякая небрежность, натяжка, фальсификация, отступление от закона обесмысливает их усилия.

В связи с этим возник вопрос о реанимации института дополнительного расследования. Она почти состоялась благодаря изменениям в ст. 237 УПК РФ, которые перечеркнули одну из основных идей принципа состязательности. Стало возможным даже возвращение дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое по инициативе суда. Осталось вернуть в качестве основания для возвращения дела прокурору неполноту расследования – и сторона обвинения опять будет получать от суда фору в доказывании.

Вывод второй: принцип состязательности, безусловно, приблизил уголовный процесс РФ к смешанному типу, но скорее по форме, чем по содержанию (в доказывании).

3. Судебная реформы 1864 года существенно изменила институт прокуратуры, оставив за прокурорами лишь функцию поддержания государственного обвинения в суде. Прокуроры состояли при судах. Судебные следователи прокурорам не подчинялись. Из обвинительной функции прокуратуры исходила и Концепция. Но создаётся впечатление, что государство не может решить вопрос, чем должна заниматься прокуратура в РФ, поэтому, как и в СССР, она занимается всем (впечатление студентов с практики). В уголовном процессе функции и полномочия прокурора изменяются постоянно, причём изменения имеют каждый раз различный вектор. Единственно чего удалось добиться, так это разделения функций прокурора во времени: на предварительном следствии он осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, а в суде – государственное обвинение. При этом прокуратура задавлена гнетом статистических показателей и просто разрушает процесс погоней за их повышением: 1) период обязательного обжалования приговоров сменился периодом обжалования во всяком случае, когда подана жалоба защиты, 2) постановления о возбуждении уголовного дела отменяются по формальным основаниям, когда по сути ранее собранные доказательства становятся недопустимыми, и т.д.

Вывод третий: было бы разумным возвращение к Концепции и выстраивание прокуратуры именно как органа уголовного преследования.

4. В Концепции звучала идея создания единого самостоятельного Следственного комитета РФ как единого следственного органа. При этом признавалось недопустимым:

1) процессуальное подчинение следователя административным начальникам (начальники следственных отделов, комитетов и других подразделений), наделение последних процессуальными полномочиями, правом контролировать ход и результаты расследования, пересматривать постановления следователя;

2) дисциплинарная ответственность следователя перед руководителями Следственного комитета;

3) военизация Следственного комитета, обмундирование следователей в форму армейского или милицкого образца, введение в служебные отношения уставного духа и жёсткой субординации.

Центральной фигурой в Следственном комитете должен быть следователь, существование руководителей всех уровней оправдано лишь в качестве организаторов его работы, осуществляющих ресурсное и методическое обеспечение расследования, начальствующих над техническим персоналом.

Результат: 1) следователь попал в жёсткую зависимость от руководителя следственного органа, имеющего процессуальные полномочия, и стал заложником конфликта и борьбы за влияние между Следственным комитетом и прокуратурой; 2) создание Следственного комитета не привело пока к объединению следственного аппарата и отделению его от органов, осуществляющих ОРД и ведущих криминальную статистику; 3) дознание не исчезло как самостоятельная форма расследования, а, наоборот, приобрело новые формы, приближающие его к протокольной форме, существовавшей в УПК РСФСР.

Вывод четвёртый: создание СК никак не повлияло на состояние предварительного расследования.

5. Стадия возбуждения уголовного дела всегда была предметом научных и практических дискуссий. Ей посвящён целый раздел Концепции, в котором отмечалось: 1) административная природа производства, не процессуальные способы проверки; 2) суррогатность доследственной проверки, во многом предопределяющий результаты расследования; 3) опасность нарушения прав граждан; 4) формирование криминальной статистики за счёт массовых и необоснованных отказов в возбуждении уголовного дела; 5) затягивание сроков, в т.ч. собирания доказательств.

Концепцией предлагалось начинать расследование без предварительной их проверки сообщений о преступлениях (в 24 часа). Такой подход опирался на опыт российского дореволюционного законодательства. В статье 303 Устава уголовного судопроизводства 1864 года указывалось: "Жалобы почитаются достаточным поводом к началу следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка". Однако это предложение Концепции было реализовано в УПК другого государства – Украины.

Рабочая группа по разработке проекта УПК, а затем по мониторингу введения его в действие много занималась этим вопросом, но принципиальные решения так и не были приняты.

В итоге:

1) увеличено количество следственных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела с 1 до 4-5 (при разном толковании). Теперь доследственная проверка мало отличается от расследования. Есть предложения о допущении и других следственных действий;

2) главная цель органов уголовного преследования – возбуждать дело тогда, когда обвинительные результаты расследования очевидны – укрепились в своих позициях;

3) права гражданам предоставлены, но только для того, чтобы придать статус доказательств материалам доследственной проверки;

4) отказы в возбуждении уголовных дел по надуманным основаниям или без должной проверки носят массовый характер;

5) сроки стадии стали ещё продолжительнее.

Вывод пятый: все изменения правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела вытекают не из интересов личности, общества и государства, а из интересов правоохранительных органов. Цели, поставленные в Концепции, не достигнуты.

6. Суд с участием присяжных заседателей. В Концепции обоснованы его преимущества и опровергнуты

аргументы критиков. С трудом, постепенно, но он был введён. И тут же началось сокращение его подсудности всеми возможными способами. Именно таким путём вытеснялся суд присяжных, введённый Уставом уголовного судопроизводства в 1864 г. За 20 лет с небольшим лет функционирования суда присяжных в новейшей России его подсудность сократилась в 2-2.5 раза и сведена к конституционному минимуму, вытекающему из ст.20 КРФ. Более того, права на суд присяжных лишены более половины граждан России: несовершеннолетние, мужчины старше 65 лет и женщины.

Вывод шестой: появление и существование суда с участием присяжных заседателей есть одно из главных достижений судебной реформы. Выдавливание суда присяжных из правовой системы РФ означает отказ от судебной реформы.

7. Гарантии прав личности. Подавляющее большинство предложенных Концепцией нововведений направлено на обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Но наряду с общими акциями целесообразно перечислить в отдельном разделе некоторые очевидные и характерные для судебной реформы новеллы, которыми не исчерпывается весь список, но задаётся их основное направление. Концепцией предполагалось:

- разработать порядок возмещения гражданину ущерба, причинённого преступлением, за счёт государства, которое может предъявить регрессное требование, в случае если разыскать виновного (гражданин, по вину, должен приобрести право на возмещение в момент истечения срока, отводимого на предварительное следствие, или ранее, если уголовное дело было прекращено, хотя событие преступления установлено). Не выполнено;

- признать право заявителя, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, обвиняемого, его защитника, так называемого "лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления", знакомиться с материалами уголовного дела в случае его прекращения, а также право заявителя, лица, которому причинён вред, а равно "лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления", знакомиться с отказными материалами - при отказе в возбуждении дела; обеспечить указанным лицам возможность делать необходимые выписки и снимать копии. Первое закреплено как право потерпевшего, второе – признано только решением Конституционного Суда;

- определить эффективные меры защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и обмена документов. Выполнено: введён институт процессуальных мер безопасности и мер государственной защиты, созданы специальные подразделения по их применению;

- поощрять снижением наказания на определённое количество степеней чистосердечного деятельного раскаяния. Выполнено: введены особый процедуры, предусмотренные главами 40, 40.1 и 32.1 УПК РФ;

- расширить круг документов, вручаемых обвиняемым за счёт правоохранительных органов, дополнив его постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, копией протокола разъяснения обвиняемому его прав, постановлениями об избрании и отмене мер пресечения, об отказе в ходатайстве. Предусмотрено;

- признать ограниченное лишь тайной расследования право сторон на копирование своими силами или за счёт собственных средств всех постановлений следователя, протоколов всех следственных действий, в которых они участвовали, а по окончании расследования - всех материалов дела. Выполнено;

- сократить до трёх суток срок нахождения под стражей до предъявления обвинения. Не выполнено и даже не обсуждалось. Более того, вновь введённая ч.2 ст.100 УПК РФ увеличила этот срок по отдельным категориям дел до 30 суток;

- уменьшить предельный срок содержания лица под стражей на предварительном следствии до шести - девяти месяцев. Не выполнено. УПК РФ даже расширил возможность продления сроков содержания под стражей;

- существенно облегчить условия содержания под стражей до суда, ввести новую меру пресечения - домашний арест, шире практиковать залог как меру, альтернативную заключению под стражу. Предусмотрено;

- предусмотреть дополнительные гарантии по производству следственных действий, связанных с вторжением в жилище. Предусмотрено;

- ввести иммунитет от самоизобличения и объявить материалы, полученные в результате предварительных допросов обвиняемого в качестве свидетеля, не имеющими доказательственной силы. Выполнено;

- регламентировать порядок выплат адвокатам из средств республиканского бюджета РСФСР за участие в процессе по назначению, если обвиняемый не заключил соглашения с защитником, а равно при освобождении обвиняемого от оплаты юридической помощи. Предусмотрено.

Вывод седьмой: права и свободы граждан намного лучше защищены в результате судебной реформы.

8. Производство в вышестоящих инстанциях. Концепция предусматривала введение апелляционного производства по всем делам, рассмотренным без участия присяжных заседателей, а кассационное – для дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей. В обоих случаях предметом проверки должен был быть приговор, не вступивший в законную силу. Позднее была поставлена задача введения европейского стандарта правосудия: возможность прохождения делом трёх судебных инстанций. Эта задача была выполнена в 2002 г. новым УПК для дел, подсудных мировому судье. С 01.01.2013 уголовное судопроизводство отступило от заданного стандарта, т.к. введение апелляции по всем делам сопровождалось превращением кассации в аналог надзорного производства, куда доступ участникам процесса ограничен наличием судьи-фильтра. Более того, уровень гарантий прав граждан в современном апелляционном производстве ниже, чем в ранее существовавших апелляции и кассации. И, наконец, суды среднего звена не восприняли апелляцию, заставлявшую их работать в судебном заседании по правилам первой инстанции. В итоге апелляционная инстанция не выполняет сегодня своё назначение, возвращая дела в суд 1 инстанции.

Вывод восьмой: введение апелляции пока носит формальный характер, не повлияло на мировоззрение судей и не ускорило судопроизводство.

Представленная картина некоторых итогов реформы уголовного судопроизводства в России не претендует на исчерпывающий характер. Тем более, что про-

цесс изменений продолжается. Настораживает одно: вектор изменений явно отстывает от базовых идей судебной реформы.

Лодыженская И. И.

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург),*

ПРЕДМЕТ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 125 УПК РФ И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства. Одним из механизмов защиты нарушенных прав и свобод является предусмотренное Конституцией РФ право обжалования в суд действий и решений органов государственной власти (ст. 46).

Реализацией данного конституционного положения в рамках уголовного процесса явилось возрождение оперативного судебного контроля для обеспечения надлежащего режима законности в стадии предварительного расследования. В частности, статья 125 УПК РФ (действующая с 1 июля 2002 года) предусматривает судебный порядок рассмотрения жалоб на незаконные решения и действия (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора.

Судебная статистика свидетельствует о том, что граждане активно используют данный способ судебной защиты. Так, в 2011 году судами было окончено производством в порядке ст. 125 УПК РФ 125.961 материал, удовлетворена 13.991 жалоба (11,1%); в 2012 году окончено 129.454 материала, удовлетворено 11.210 жалоб (8,6%); в 2013 году окончено 136.063 материала, удовлетворена 9.331 жалоба (6,8%) [1].

Справедливости ради, следует вспомнить, что Уставы уголовного судопроизводства 1864 года позволяли "участвующим в деле лицам приносить жалобы на всякое следственное действие, нарушающее или стесняющее их права". Таким образом, Уставы отличались беспробельностью как по перечню обжалуемых действий, так и по кругу участников судопроизводства [2, с.12].

Современные законодатели попытались конкретизировать предмет судебного контроля, употребив при этом формулировки, породившие противоречивые толкования и разнообразие судебной практики. Часть 1 статьи 125 УПК РФ предусматривает, что постановлением дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Если место производства предварительного расследования определено в соответствии с частями второй - шестой статьи 152 настоящего Кодекса, жалобы на решения и действия (бездействие) указанных лиц рассматривают-

ся районным судом по месту нахождения органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Не способствовало единообразию судебной практики и то, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по этим вопросам появились лишь через несколько лет после начала действия нормы закона. Все это повлекло многочисленные обращения граждан в Конституционный Суд РФ. Несмотря на то, что текст статьи 125 УПК РФ за истекшее десятилетие претерпел ряд изменений, все пробелы данной нормы до настоящего времени не устранены.

По смыслу закона, исходя из положений ст. 125 УПК РФ, в порядке, предусмотренном данной нормой обжалуются действия (бездействие) и решения перечисленных в статье должностных лиц на досудебной стадии производства по уголовному делу. Очевидно, что не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ решения и действия (бездействие) должностных лиц, которые не связаны с осуществлением уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу.

Однако граждане обращаются с такими жалобами в суд. Так Московским городским судом в апелляционном порядке рассмотрен материал Симоновского районного суда (материал № 10-1165/2015 г) по жалобе Беляевой Н.Т. [3] Заявительница указывала, что 2 февраля 2013 года она обратилась в ГУ МВД России по г. Москве с жалобой о противоправных действиях начальника отдела МВД России по Даниловскому району г.Москвы, вызвавших в незаконном лишении свободы, изъятии и невозвращении паспорта, однако, ответа не получила. 29 декабря 2014 г. постановлением Симоновского районного суда Москвы указанная жалоба заявителя Беляевой Н.Т., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, оставлена без удовлетворения. Апелляционная инстанция оставила данное решение без изменения. Между тем, предмета судебного обжалования в данном случае не имелось, поскольку действия сотрудников полиции не были связаны с производством по уголовному делу и подлежали обжалованию в рамках гражданского судопроизводства.

Отсутствие в уголовно-процессуальном законе прямого регулирования стадии принятия жалобы к производству судом не указывает на незаконность действий суда по определению соответствия поданной жалобы требованиям закона для рассмотрения ею в порядке ст.125 УПК РФ. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года №1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ", в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию суд выясняет, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ, содержит ли жалоба необходимые сведения для ее рассмотрения. Районному суду следовало прекратить производство по жалобе в связи с отсутствием предмета судебного разбирательства. Возможность такого итогового решения была подтверждена Конституционным Судом РФ в определении от 25 сентября 2014 года № 2218-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яремчука Ивана Петровича на нарушение его конституционных прав статьёй 90 и частью пятой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [4].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что право на судебную защиту, как оно сформулировано в статье 46 Конституции Российской Федерации, не свидетельствует о возможности выбора гражданином по своему усмотрению того или иного способа и процедуры судебной защиты, особенностями которых применительно к отдельным категориям дел определяются федеральными законами (например, определения КС РФ от 19 марта 2009 года № 273-О-О, от 23 октября 2014 года № 2352-О и от 29 января 2015 года № 41-О) [4].

Нередко судебному обжалованию подвергаются процессуальные решения, связанные с собиранием доказательств по делу. Так в Басманный районный суд г. Москвы с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ обратилась обвиняемая Осколкова Е.О. и ею защитник – адвокат Рыбкина Р.Э., которые просили признать незаконным постановление от 6 октября 2014 года следователя П. о полном отказе в удовлетворении ходатайства адвоката о проведении очных ставок между обвиняемой и свидетелем Н. Постановлением районного суда от 17 декабря 2014 г. жалоба оставлена без удовлетворения. Решение оставлено без изменения апелляционной инстанцией (материал № 10-2118/15 от 16 февраля 2015 года), которая справедливо сослалась на принцип процессуальной независимости следователя и отсутствие нарушений требований УПК РФ при вынесении следователем постановления об отказе в удовлетворении ходатайства.

Представляется, что в данном случае вообще отсутствовал предмет судебного обжалования. Объем необходимых доказательств по делу определяется органами предварительного расследования, и суд не вправе обязать следственные органы произвести те или иные процессуальные либо следственные действия, направленные на собирание доказательств, поскольку это противоречит ст. 123 Конституции РФ. Таким образом, оснований для вывода о том, что действиями (решением) следователя причинён ущерб конституционным правам и свободам обвиняемого или затруднён ему доступ к правосудию, не имелось, что исключало возможность рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Конституционный Суд РФ высказывал позицию о том, что при осуществлении в период предварительного расследования судебного контроля за законностью и обоснованностью процессуальных актов органов дознания, следователей, прокуроров судом не должны предreshаться вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу дела (постановление КС РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П, определения КС РФ от 13 октября 2009 г. № 1316-О-О, от 21 ноября 2013 г. № 1877-О, от 23 октября 2014 г. № 2374-О) [4]. В силу этого постановлениями судьи, вынесенным в порядке статьи 125 УПК РФ не придаётся преюдициальная сила при последующем производстве по уголовному делу (определение КС РФ от 23 октября 2014 г. № 2374).

Подтверждая актуальность своей правовой позиции, Конституционный Суд РФ указал, что в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации не может быть обжаловано постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, поскольку, подтверждая обоснованность предъявленного обвинения, суд фактически подтверждал бы и виновность лица в совершении конкретного

преступления, что не могло бы не оказать отрицательного воздействия на независимость и беспристрастность суда при вынесении им приговора, противоречило бы конституционному принципу независимости суда (статья 120 Конституции Российской Федерации), гарантирующему в условиях состязательного процесса объективное и беспристрастное осуществление правосудия по уголовным делам (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 года № 1636-О-О, от 23 октября 2014 года № 2374) [4].

Вместе с тем, не исключается обжалование процедуры предъявления обвинения, если, по мнению заинтересованного лица, причинён ущерб его конституционным правам и свободам. Так, в Дорогомиловский районный суд г. Москвы обратился адвокат Искендеров В.М. в защиту обвиняемого Савченко Ю.А. с жалобой на постановление о привлечении его в качестве обвиняемого от 17.10.2014 г., принятое следователем СУ по ЗАО ГСУ СК России по г. Москве Т. Заявитель в жалобе указал, что поскольку органами следствия местонахождение Савченко Ю.А. не установлено (с 2012 г. в отношении Савченко организован розыск), то предъявление ему обвинения в совершении преступления и принятие об этом процессуального решения без участия его и защитника противоречит нормам уголовно-процессуального закона, чем нарушаются конституционные права Савченко Ю.А. на защиту.

Отказывая в удовлетворении жалобы заявителя, судья районного суда, проверив материалы дела, правильно указал в своём решении о том, что постановление следователя вынесено уполномоченным должностным лицом, в пределах представленных ему законом полномочий и при наличии достаточных данных. Выводы суда первой инстанции о том, что порядок привлечения Савченко в качестве обвиняемого, предусмотренный положениями ст. 171 УПК РФ, не нарушен, подтвердил и суд апелляционной инстанции, а доводы заявителя в этой части посчитал несостоятельными (материал № 10-1701/2015 от 11 февраля 2015 г.) [3].

Приведённый анализ практики свидетельствует о необходимости учесть правовые позиции Конституционного Суда РФ при восполнении пробелов в статье 125 УПК РФ.

Литература: 1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=951>; 2. Колоколов Н. А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. М.: Юрист, 2008; 3. В работе использована судебная практика апелляционной инстанции Московского городского суда, опубликованная на сайте суда <http://mos-gorsud.ru/inf/inf/ua/?pn=0> портала ГАС "Правосудие"; 4.] Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

Майорова Л. В.

*Юридический институт Сибирского федерального университета
(Красноярск)*

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОДОЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Термин "подозрение" можно встретить в научной доктрине, на практике и в нормативных актах, в том числе в УПК РФ. Однако действующее уголовно - про-

цессуальное законодательство не формулирует определения данного понятия и его оснований, не содержит момента начала подозрения, не предусматривает универсального регулирования процессуального документа, в силу которого лицо становится подозреваемым. Российский уголовный процесс в должной мере не обеспечен эффективным механизмом реализации подозрения. Так, возникшее у субъекта расследования подозрение, не всегда влечёт признание лица подозреваемым, не урегулированы вопросы снятия подозрения в случае его опровержения. Подозрение само по себе является многоаспектной категорией.

Концептуальная основа подозрения была выдвинута Конституционным судом РФ ещё до принятия УПК РФ в постановлении от 27 июня 2000 года по жалобе гражданина В.И. Маслова. В данном постановлении суд указал, что факт уголовного преследования лица подтверждается любыми действиями уполномоченного органа, "предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрения против него" [1].

Законодатель раскрывает понятие подозрения через описание статуса подозреваемого. Хотя именно подозрение должно определять процессуальный статус самого подозреваемого, обуславливать его появление в конкретном уголовном деле. В определённой степени предварительное расследование - это система процессуальных действий по формированию, легализации и проверке подозрения. Подозреваемым принято считать лицо, в отношении которого возникает подозрение, то есть обоснованное предположение о его виновности.

УПК РСФСР 1960 года и действующий УПК РФ 2001 года включают статьи о подозреваемом. Так, в соответствии со ст. 52 УПК РСФСР подозреваемым признавалось:

- лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело;
- лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления;
- лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения.

УПК РФ расширил основания наделения лица процессуальным статусом "подозреваемый". К уже названным выше основаниям добавилось:

- лицо, которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 2231 УПК РФ.

Каждому из названных оснований, исходя из системного толкования норм уголовно-процессуального кодекса, соответствует определённый процессуальный акт, с вынесением которого лицо приобретает статус подозреваемого:

возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица - постановление о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица;

задержание в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ - протокол о задержании;

применение меры пресечения до предъявления обвинения - постановление об избрании меры пресечения;

уведомление лица в совершении преступления в порядке ст. 2231 УПК РФ - соответствующее уведомление. Отсутствие легального определения порождает споры относительно понятия подозрения. В доктрине существуют различные подходы. В толковом словаре русского языка: подозрение - это предположение [2].

Целесообразно, чтобы в законодательство было введено легальное определение, поскольку его отсутствие приводит к смешению понятий "подозреваемый" и "лицо, подозреваемое в совершении преступления".

Понятие подозрения можно сформулировать следующим образом.

Можно согласиться с позицией И.В. Петрова, что под подозрением в совершении преступления - следует понимать обоснованное достаточными данными предположение следователя или дознавателя о причастности лица к расследуемому преступлению, которое должно быть оформлено в порядке, установленном процессуальным законом, и подлежит дальнейшей проверке с целью подтверждения или опровержения [3].

Подозрение проходит несколько последовательных этапов:

- а) получение информации.

Для характеристики этого этапа следует обратиться к поводам для возбуждения уголовного дела, перечисленным в ст. 140 УПК РФ. Орган следствия или дознания получает информацию в виде заявления о преступлении, явки с повинной, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении или постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

- б) правовой анализ полученной информации.

Порядок приёма, регистрации и проверки информации урегулирован соответствующими подзаконными актами, регламентирующими деятельность уполномоченных органов.

- в) формирование подозрения, т.е. установление его элементов: факта наступления преступного события, совершения преступных действий конкретным лицом, а также вины этого лица.

- г) формальная реализация подозрения, или легализация (признание подозреваемым).

Примером легализации подозрения может служить возбуждение дела в отношении конкретного лица.

- д) проверка подозрения с целью его подтверждения или опровержения.

При подтверждении подозрения лицу предъявляется обвинение, а при

опровержении - уголовное преследование подлежит прекращению [4].

В качестве обобщения приведённых позиций представляется целесообразным выделить признаки подозрения:

1. Подозрение представляет собой предположение о причастности лица к совершению преступления. Знание является вероятностным. Существуют данные, позволяющие выдвинуть гипотезу о возможном участии лица в совершении преступления, однако они недостаточны для формулирования однозначного вывода; эти данные необходимо проверить.

2. Подозрение - обязательный элемент чувственно-рационального познания следователя (дознавателя).

Однако такое видение не согласуется с существующими реалиями.

По действующему законодательству наиболее обоснованной представляется все-таки позиция, по которой выделяют подозрение фактическое и подозрение юридическое.

Фактическое подозрение неизбежно при осуществлении субъектами уголовного преследования их дея-

тельности. Особенно, если учитывать субъективный его характер.

По буквальному смыслу положений, закреплённых в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения,

- удержание официальными властями,
 - принудительный привод или
 - доставление в органы дознания и следствия,
 - содержание в изоляции без каких-либо контактов,
- а также какие-либо
- иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

А вот наличие юридического подозрения дискуссионно. Зависит от того, с чем связывать этап подозрения. Если ограничивать подозрение только временными рамками, в которых в процесс вовлечена фигура подозреваемого, то подозрение можно признать факультативным этапом. Речь здесь идёт не столько о взаимозависимости и неразрывности таких категории как "подозрение" и "подозреваемый", а об их логической связи и определении, что из них первично.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство вынуждает нас отталкиваться от понятия "подозреваемый" при определении понятия подозрения. Однако связь должна быть построена в обратном порядке. Именно подозрение должно обуславливать правовое положение подозреваемого. Природа, сущность подозрения порождает особенности статуса подозреваемого.

3. Подозрение должно быть обоснованным и подтверждённым. Информация, поступившая в орган следствия или дознания, должна быть достаточной для наделения лица статусом подозреваемого; ею необходимо проверить и подтвердить процессуальными средствами, и лишь после этого допустимо привлекать лицо к участию в деле в качестве подозреваемого.

4. Субъектом подозрения выступает уполномоченное лицо (следователь, дознаватель).

5. Подозрение должно быть легализовано, то есть должен быть вынесен специальный процессуальный акт, который ставит гражданина в положение подозреваемого [5].

В отличие от российского уголовного процесса в немецкой доктрине понятие подозрения более разработано и считается центральным. Однако, несмотря на важную роль подозрения, немецкое уголовно-процессуальное законодательство также не содержит легального определения данного понятия, поэтому учёными неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать данное явление и дать ему определение.

В немецком уголовном процессе действует принцип монополии прокуратуры возбуждать уголовное преследование и предъявлять обвинение. Так прокуратура обязана начать расследование, если есть достаточные фактические данные, то есть так называемое начальное подозрение.

Под начальным подозрением понимают совокупность фактических данных, которые, учитывая крими-

налистический опыт, позволяют сделать вывод о возможном участии конкретного лица в уголовно наказуемом деянии. Достаточное подозрение в совершении преступления – это вероятность того, что лицо совершило уголовно наказуемое деяние и будет за него осуждён, то есть это основание для предъявления государственного обвинения. Сильное подозрение в совершении преступления – это основание для производства ряда мер принуждения, например, заключение под стражу. Сильное подозрение присутствует, если существует высокая степень вероятности, что лицо является исполнителем или участником преступления [6].

Признание лица подозреваемым как в России, так и в Германии во многом зависит от конклюдентных действий, то есть это связано не с формой устного или письменного волеизъявления, а с поведением, по которому можно сделать заключение о таком намерении. Лицо объявляется подозреваемым конклюдентно независимо от воли органа, осуществляющего уголовное преследование, если в отношении его выносятся постановление или представлено ходатайство о производстве мероприятия, которое допустимо только в отношении подозреваемого лица, например, постановление о заключении под стражу, задержание или другие меры принуждения. Нормативного закрепления оснований подозрения лица в причастности к совершению преступления в уголовно-процессуальном законодательстве не содержится, особенно, если касается применения к такому лицу мер принуждения.

Поэтому было бы целесообразно ввести единый для всех случаев порядок признания лица подозреваемым путём вынесения соответствующего постановления, в котором одновременно будут разъясняться права и обязанности подозреваемого лица. Определение должно включать не только внешнее оформление, но и внутренние характеристики данного явления.

Можно рассматривать подозрение как утверждение органа уголовного преследования, сформулированное в постановлении о причастности лица к совершению расследуемого преступления, при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения.

Литература: 1. О проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. // Российская газета. 2000. 4 июля; 2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. Москва, ООО "ИТИ Технологии" 2003. 944 с.; 3. Петров И.В. Концептуальные основы подозрения в российском уголовном процессе: Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 131 – 137; 4. Петров И.В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2012. 22 с.; 5. Петров И.В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2012. 22 с.; 6. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм. / Вернер Бойльке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. С. 181; 7. Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland, vom 23.05.1949 (zuletzt geändert vom 11.07.2012) [Электронный ресурс] // BGB1. I S. 1478. §160 I. Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/gg/gesamt.pdf>.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования одного из актуальных направлений государственной политики Российской Федерации – борьбы со взяточничеством. При этом основное внимание уделено уголовно-процессуальным аспектам борьбы с данным видом преступной деятельности, исследуются современные способы передачи предмета взятки, а также использование материалов ОРД в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: взяточничество, оперативно-розыскное мероприятие, доказательства и доказывание, следственные действия, материалы и результаты оперативно-розыскной деятельности.

Взяточничество является одним из главных элементов коррупции, получившей значительное распространение в Российской Федерации и в настоящее время продолжает оставаться одним из основных источников угроз национальной безопасности нашей страны, а также являющейся ведущим фактором выраженного социального неравенства в обществе [3].

Опасность данного противоправного деяния обусловлена и тем, что совершение взяточничества довольно часто сочетается с другими преступлениями как экономического, так и общеуголовного характера: легализацией денежных средств преступного происхождения, хищениями ценностей, незаконным оборотом наркотиков, оружия. Явно обозначилась тенденция внедрения криминального сообщества в сферу экономики и финансов, его проникновение в структуры, осуществляющие властные полномочия.

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин, борьба правоохранительных органов Российской Федерации с этим опаснейшим криминальным явлением не привела к практически ощутимым результатам.

Так, в прошедшем 2014 году по официальным данным МВД Российской Федерации было выявлено 11893 факта совершения взяточничества и 462 случая посредничества во взяточничестве, тогда как в 2013 году – 11521 факт взяточничества и 599 случаев посредничества во взяточничестве, что свидетельствует о спаде борьбы правоохранительных органов с данным видом преступления.

При этом, если сравнить показатели борьбы с преступностью в сфере экономики за период с 2010 по 2014 годы, налицо явное снижение – с 276 400 преступлений экономической направленности в 2010 году до 107300 преступлений в 2014 году [4, с.27-29].

Кроме того, на состоянии экономической преступности отрицательно сказываются некоторые негативные факторы в сфере экономики – это ухудшение экономической обстановки в нашей стране вызванное резким спадом мировых цен на энергоресурсы, значительное снижение курса рубля, увеличение инфляции, уменьшение реальных доходов населения; в сфере правоохранительной деятельности – слабая материально-

техническая оснащённость правоохранительных органов, недостаточный подбор, воспитание и расстановка кадров, слабая социальная защищённость сотрудников органов полиции.

Однако, одним из решающих обстоятельств, способным остановить перечисленные негативные процессы, является гибкость, «мобильность» законодательства, то есть такое его состояние, при котором обеспечивается соответствие законодательства реалиям происходящих в обществе социально-экономических изменений.

На протяжении многих десятилетий возникают споры в юридической науке и на практике о законности применения и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в выявлении и расследовании преступлений.

Учитывая сложность и важность получения и использования оперативно-розыскной информации в раскрытии и расследовании преступлений законодатель ввёл в УПК Российской Федерации ст. 89 «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» [1]. Однако в данной норме законодатель не определил механизм использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, а отметил лишь то, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, предусмотренным УПК Российской Федерации. Существует мнение отдельных учёных о необходимости введения в статью 89 УПК Российской Федерации положений, регламентирующих порядок, условия и пределы использования в доказывании фактических данных, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности [9]. В этой связи первостепенное значение приобретают вопросы правового обеспечения и механизмы использования материалов оперативных разработок в уголовном процессе.

Необходимо отметить, что в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут быть установлены конкретные события, действия и их последствия в виде предупреждения, пресечения конкретного преступления, разоблачения преступной группы, ликвидации условий для совершения преступления, и др., но и в ряде случаев оперативно-розыскные данные могут быть использованы и вне рамок уголовного судопроизводства для решения различных задач стоящих перед правоохранительными органами (статья 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») [2]. В этом случае результаты ОРД приобретают характер информации ориентирующего характера.

В силу объективных причин число сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, многократно превышает число следователей, что обуславливает гораздо более широкие, по сравнению с процессуальными способами получения доказательств, возможности получения в ходе оперативно-розыскной деятельности информации и сведений, представляющих несомненный интерес для следователей [7].

Кроме объективных факторов, обуславливающих необходимость взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений, большое значение приобретают субъективные факторы, среди которых: несвоевременное и неправильное использование опера-

тивными работниками и следователями данных при формировании доказательств по уголовным делам, неумение оперативных работников правильно оценить оперативную информацию, отсутствие у значительного количества следователей и оперативных работников необходимого опыта работы по данной категории уголовных дел и другие.

Среди оперативных работников существует устойчивое мнение о том, что иногда следователи, производящие расследование по уголовным делам, не всегда умеют правильно использовать оперативные материалы полученные в ходе проведения ОРД.

При этом мнение оперативного работника о времени легализации и правильном использовании материалов оперативной разработки не в полной мере учитывается и полностью зависит от субъективного мнения лица производящего расследование по делам о взяточничестве.

Иногда и в ходе проведения судебного разбирательства результаты оперативно-розыскной деятельности, либо производные от них доказательства признаются судом недопустимыми, что исключает их дальнейшее использование в расследовании уголовного дела и, в ряде случаев, не позволяет установить объективную истину.

Значимость оперативно-розыскной информации повышается в ситуации, когда сотрудник оперативного подразделения, работающий в тесном контакте со следователем, получает и, главное, своевременно передает в его распоряжение оперативные данные, характеризующие не только обстоятельства расследуемого события, но и сведения указывающие на то, где могут быть обнаружены носители доказательственной информации. Основная задача следователя в данном случае состоит в том, чтобы собрать такую совокупность доказательств, которая была бы достаточна для принятия решения об использовании материалов оперативно-розыскного характера в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления будет доказываться в рамках расследования по уголовному делу.

Оперативно-розыскные данные, полученные в установленном законом порядке, подлежат отражению в оперативно-служебных документах и предоставляются в любой форме: письменной, графической, вещественной, в видео-, фото-, аудио- и иной информации, определяемой действующими законодательными и подзаконными нормативными актами, которой располагает оперативный работник.

В настоящее время порядок представления результатов ОРД для использования в уголовном судопроизводстве регулируется Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённой Приказом МВД России Федерации № 776, Министерства обороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 года [5]. Вместе с тем Инструкция впрочем, как и другие действовавшие ранее межведомственные (ведомственные) акты, содержит предписания, которые могут восприниматься неоднозначно, а потому порядок реализации её положений нуждается в дополнительном уточнении.

Так, в части 4 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено безаль-

тернативное требование о представлении результатов ОРД органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами [2]. Однако ч. 4 ст. 11 указанного закона и п. 9 Инструкции от 27 сентября 2013 года не согласуются с нормами уголовно-процессуального закона, а именно ст. 143 УПК Российской Федерации, в которой ни о каком постановлении о представлении результатов ОРД органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд не упоминается, а, например, указывает при использовании результатов ОРД в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела только на рапорт об обнаружении признаков преступления. Возникают вопросы по срокам хранения в правоохранительных органах оригиналов материалов оперативно-розыскного характера до окончания уголовного судопроизводства; сведений об использовании сил и средств ОРД по конкретному уголовному делу (информации о негласных сотрудниках как штатных, так и нештатных, внедрённых в организованные преступные сообщества для их разоблачения и ликвидации); факт единоличного решения руководителем оперативного подразделения о возможности рассекречивания и определения объёма передаваемой секретной информации, представляющей государственную тайну, согласно ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пункта 14 Инструкции от 27 сентября 2013 года [8].

Для уголовных дел о взяточничестве, именно материалы видео, аудиозаписей, документирующие сам факт совершения деяния, являются важными источниками доказательств, имеющими значение для дела (ст. 74 УПК) [1].

Изученные обвинительные приговоры по делам о получении взяток показывают, что суды оценивают аудио- и видеозаписи, как самостоятельные доказательства, независимо от того являлись ли они результатом самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия (например, наблюдения, оперативного эксперимента) или оперативной комбинации (например, внедрения негласных сотрудников в разработку) [6].

Общий порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности первой категории в уголовно-процессуальном доказывании заключается в принятии следователем предметов и документов, их проверке путём производства следственных и иных процессуальных действий, признании их допустимыми и приобщении к материалам уголовного дела в установленном законом порядке.

На практике следователь часто сталкивается с проблемой выбора того или иного способа собирания доказательств, который позволил бы ему наиболее полно выявить, зафиксировать и сохранить следы преступления. Это приводит к тому, что полученные в ходе надлежащего проведения процессуального действия сведения и данные теряют свойства доказательства, что свидетельствует о невозможности их дальнейшего использования в расследовании уголовного дела [10].

Следует обратить внимание на неурегулированность порядка приобщения к материалам уголовного дела постановлений руководителей органов, осуществляющих ОРД, а также судебных решений, разрешающих проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан.

Этот пробел частично восполнен ведомственным нормативным регулированием. В частности, в п.п. 9, 10, 12 Инструкции от 27 сентября 2013 года указывается, что органу дознания, следователю или в суд для использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве должны быть направлены: постановление о предоставлении результатов ОРД; постановление о проведении ОРМ; копия судебного решения о проведении ОРМ, затрагивающего конституционные права человека и гражданина [8].

В письменном виде оперативно-розыскная информация может излагаться в виде: рапортов, справок, актов сотрудников органа, осуществляющего ОРД; заявлений и объяснений граждан; сообщений лиц, содействующих конфиденциальности и других методов ОРД.

Результаты также фиксируются на материальных носителях информации в виде фонограмм, видеозаписей, фотоплёнок, фотоснимков, магнитных, лазерных дисков, используемых для фиксации результатов ОРМ с использованием различных технических средств.

При получении взятки наиболее часто цифровые носители могут использоваться при проведении оперативного эксперимента и наблюдения.

При этом, для того, чтобы полученная в ходе данного мероприятия оперативно-розыскная информация в будущем могла быть использована в качестве доказательств по уголовному делу целесообразно после проведения цифровой записи беседы, полученной в ходе проведения оперативного эксперимента, носитель информации (диктофон, съёмную карту памяти и др.) опечатать, заверить подписями присутствующих лиц и в таком виде передавать следователю после соблюдения всех процедур.

Принцип прост – если носитель информации допускает перезапись, то любые формы «вторжения» в неё должны быть сведены к минимуму, а не изменение информации должно подтверждаться присутствием незаинтересованных лиц, которые впоследствии могли бы выступить в качестве свидетелей. Соответственно осмотр такой записи должен проводиться следователем в присутствии понятых.

В настоящее время факт получения и дачи взятки выявить, раскрыть и доказать все сложнее и сложнее. Трудности расследования связаны с тем, что постоянно появляются новые способы передачи предмета взятки. Длительное время на практике применялся только такой способ передачи взятки, как передача из рук в руки. Однако в настоящее время способов (как и следов) взяточничества существует множество. При этом личная встреча вовсе не обязательна.

В ряде случаев денежные средства отправляются на электронный кошелек или банковский лицевой счёт взяткополучателя, на открытые на имя подконтрольных взяткополучателю лиц счетов в банках с оформлением кредитных карт; передача взяткополучателю расчётной (депозитной) пластиковой карты на сумму взятки либо приобретение для взяткополучателя корпоративной карты с оплатой определённых услуг или товаров на сумму взятки; денежные средства могут быть переведены на счёт подставной фирмы, на счёт родственника получателя; на оплату фиктивных и/или реальных счетов, договоров третьим лицам; приём на работу родственников и знакомых взяткополучателя с выполнением ими работы фактически или нет; использование долж-

ностным лицом – фигурантом «своих» коммерческих структур путём опосредованного перепоручения им функций, относящихся к компетенции самого коррупционированного чиновника; на организацию специальных аукционов для должностных лиц с целью приобретения ими автомобилей, антиквариата и других ценностей по минимальным ценам; финансирование партий, движений, кандидатов на выборные должности и так далее [11].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что для эффективного использования результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о взяточничестве необходимо обеспечить точное исполнение установленных уголовно-процессуальным законом и межведомственными (ведомственными) актами правил представления результатов ОРД судебным органам и правоохранительным органам. Это позволит правильно определить объем и последовательность проведения следственных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по делам о взяточничестве, имеющую значение для уголовного судопроизводства.

Литература: 1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ – М.: Эксмо, 2014. – 341 с.; 2. Об оперативно-розыскной деятельности. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изменениями от 21 декабря 2013 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant-plus.ru> – Загл. с экрана. (дата обращения 01.04.2015); 3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html> – Загл. с экрана. (дата обращения 02.04.2015); 4. Состояние преступности в России. МВД Российской Федерации. ФКУ Главный Информационный Центр [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/rxOrdPt4BF.pdf – Загл. с экрана. (дата обращения 04.04.2015); 5. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Приказ МВД России Федерации № 776, Министерства обороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.tks.ru/news/law/2013/12/16/0001> сайт «TKS.RU – все о таможене. Таможня для всех – российский таможенный портал» © 2000-2015 – Загл. с экрана. (дата обращения 01.04.2015); 6. Гармаев Ю.П. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о незаконном сбыте наркотиков / Ю.П. Гармаев, Д.Г. Шашин / – М.: Изд-во «Юрлитинформ». – 234 с.; 7. Земскова А.В. Теоретические вопросы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании. / А.В. Земскова / Сборник научных статей «Интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности в эффективном уголовном процессе». – Пятигорск, 2001. – С. 62-83; 8. Ларинков А.А. Проблемы представления результатов ОРД для использования в уголовном судопроизводстве (по Инструкции от 27 сентября 2013 года). / А.А. Лавринков / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.procurog.spb.ru/k1408.html>. Сайт КриминалистЪ. 2014. №1(14) – Загл. с экрана. (дата обращения 01.04.2015); 9. Меретуков Г.М. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в расследовании. / Г.М. Меретуков / Научный журнал КубГАУ, №92(08), 2013 года [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/08/pdf/93.pdf> – Загл. с экрана. (дата обращения 01.04.2015); 10. Жерновой М.В., Вислобоков С.В. Проблемы взаимодействия следователя с оперативным подразделением при расследовании злоупотреблений должностными полномочиями. / М.В. Жерновой, С.В. Вислобоков / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://scjournal.ru/articles/issn.1997-292X.20117-2.19.pdf> – Загл. с экрана. (дата обращения 03.04.2015); 11. Томашевич Г.В. Некоторые способы вуалирования передачи взятки. / Г.В. Томашевич / Экономические и юридические науки. Криминалистика, уголовное право и процесс. № 6 205 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://elbib.psu.by:8080/bitstream/123456789/318/1/Tomashevich_2012-6-p205.pdf – Загл. с экрана. (дата обращения 01.04.2015).

НЕОБХОДИМОСТЬ УЧЁТА КРЫМСКОГО ОПЫТА ПРИ РЕШЕНИИ ВОПРОСА О СОЗДАНИИ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вот уже более года как Крым и Севастополь находятся в правовом поле Российской Федерации. Не только учёные и практики, преподаватели и студенты-юристы, но и рядовые, далёкие от юриспруденции жители Крымского Федерального округа изучают новое для них законодательство, пытаются разобраться в его нюансах. Одной из важных отраслей права, достойной первоочередного внимания является и уголовно-процессуальное законодательство. Крым уникальный в этом отношении регион. За два года на его территории вступил в силу уже третий Уголовно-процессуальный кодекс.

Однако, несмотря на большую нагрузку, связанную с освоением новых знаний, нам все-таки удалось поднять голову, оторваться от сухого и конкретного текста УПК и обратить внимание на любопытную дискуссию, инициированную в недрах российской уголовно-процессуальной науки и, прямо скажем, взволновавшую сообщество специалистов в области уголовного судопроизводства и судостроительства. И если все это время, изучая УПК РФ как самостоятельно, так и с помощью приезжавших с материка специалистов, мы безропотно внимали полученную информацию на многочисленных лекциях, семинарах и курсах повышения квалификации, то вышеупомянутая дискуссия позволила нам сменить роль дилетантов на статус бывалых и знающих людей.

Речь идёт об идее создания в России корпуса следственных судей. По мнению авторов этой концепции новый субъект уголовного процесса в силах:

наладить активный судебный контроль за предварительным следствием;

оказать помощь сторонам в собирании и проверке доказательств ;

обеспечить равноправие сторон и истинную состязательность в отечественном уголовном процессе;

гарантировать право на защиту подозреваемым и обвиняемым, и другие права, предусмотренные для его участников;

способствовать разделению полномочий, путём освобождения судьи, уполномоченному рассматривать дело по существу, от функций, которые могли бы повлиять на его решения. При этом, считается, что уголовное судопроизводство получит существенные выгоды в виде освобождения районных судов от ряда обязанностей, снижения объёма документооборота, отказа от необходимости повторного допроса в суде субъектов, уже допрошенных следственным судьёй и т.п. [1,с.5].

Противники нововведений опасаются, что отдалённость регионов и загруженность следственных судей, существенно снизят эффективность обращения сторон к следственному судье, а организация контроля за расследованием, создаст для следователя дополнительные

расходы времени средств для подготовки копий документов в наблюдательном производстве судьи.

По мнению Генеральной прокуратуры, действующий УПК РФ предусматривает достаточные инструменты как для защиты прав участников уголовного процесса так и для собирания и оценки доказательств стороной защиты[2].

Участники дискуссии ссылаются и на то, что подобные субъекты уже существовали в отечественном уголовном процессе и предлагают воспользоваться положительным опытом функционирования Устава уголовного судопроизводства 1864 г , регламентировавшего их деятельность[1,с.6].

Более осторожные сторонники концепции активного судебного контроля за предварительным следствием рекомендуют вводить в действие институт следственных судей постепенно, сначала в виде эксперимента в отдельных регионах страны, чтобы убедиться в его действенности и полезности.

Сильным аргументом по мнению защитников нововведения является и опыт соседей по бывшему СССР: Литвы, Эстонии, Грузии, Украины, Молдовы, а теперь и Казахстана. И хотя функции следственных судей в уголовном процессе этих стран далеко не тождественны, опыт наших соседей требует внимательного изучения.

Мудрость гласит, что умный учится на чужих ошибках, а бесхитростный человек – на своих. Опыт соседней Прибалтики, Молдавии, Грузии и Украины, конечно же доступен, благодаря научным публикациям и некоторым, попавшим в открытую печать статистическим данным, однако рассчитывать на объективность и большую откровенность наших партнёров, а тем более на тесное взаимодействие со структурами этих государств не приходится. Наверное, это является следствием того, что уголовный процесс считается одной из самых приближенных к политике отраслей права. Конечно российские учёные могут воспользоваться корпоративными связями со своими коллегами из этих стран, не разрушено окончательно общение и между коллегами правоохранителями, но все это, на наш взгляд, не является базой для глубокого и всестороннего анализа.

В связи с этим, более удобной площадкой для исследования проблемы являются Республика Крым и город федерального значения Севастополь, в которых в недалёком прошлом в течении около двух лет действовал Уголовный-процессуальный кодекс Украины 2012 года, работал корпус следственных судей, а судебный контроль за следователями был признан достаточно совершенным Венецианской комиссией.

Архивы судебного департамента, судов всех инстанций, правоохранительных органов на территории современного Крымского федерального округа ещё хранят достаточно статистических материалов, чтобы проанализировать как изменялась ситуация после введения института следственных судей в 2012 году. Думается, что по силам отследить и обратный процесс после его ликвидации и введения норм УПК РФ в 2014.

Настойчивому исследователю в крымском регионе вполне доступны и такие эффективные методы эмпирических исследований как опросы, анкетирование, метод экспертных оценок. Респондентами в этих исследованиях могут стать как сами бывшие следственные судьи, так и следователи, адвокаты и прокуроры.

Однако с этой работой следует поторопиться, поскольку корпус ныне действующих практиков, испытавших новации УПК Украины 2012 года сокращается, как за счёт замещения молодёжью, так и после прибытия коллег из материковой России, и не обладающих интересующим нас опытом.

В прошлом году в следственных подразделениях органов внутренних дел Крымского федерального округа МВД РФ проводило опрос следователей о том, что по их мнению было полезным в действовавшем УПК Украины и в организации работы следствия в тот период. Однако ни цели таких опросов ни их результаты, нам неизвестны.

В то же время ни для кого не являются секретом результаты введения активного судебного контроля за досудебным следствием в Крыму по УПК 2012 года. Надежды на сокращение документооборота, сроков расследования уголовных производств, защиту потерпевших от необоснованных отказов в расследовании, а подозреваемых и обвиняемых от произвола и нарушения прав человека, мягко говоря не оправдались.

Отчасти это можно было объяснить уж очень активным судебным контролем. Следователь без разрешения следственного судьи не мог сделать и шага. Не только традиционные обыск или снятие информации с каналов связи, но и элементарная выемка (т.н. временный доступ к вещам и документам), осмотр места происшествия и следственный эксперимент в жилище, отдельные случаи получения образцов для исследования и назначения судебно-медицинской экспертизы были законны лишь с разрешения следственного судьи. Положительным моментом следует читать то, что следователь уже знал, что его вопросы курирует конкретный судья, который и специализируется на вопросах контроля за следствием и разрешением ходатайств следователя (сейчас это в компетенции т.н. дежурного судьи).

Однако при этом судья не стал доступнее для следователя. Его статус по-прежнему венчает весь круг процессуальных субъектов и множество атрибутов охраняют его авторитет. Склонность к неспешному анализу всех обстоятельств, строгому соблюдению формальностей, работа в привычном режиме и обстановке отнюдь не способствовали оперативному решению вопросов собирания доказательств, особенно в условиях расследования по горячим следам. Ходатай был вынужден тратить часы своего рабочего времени на ожидание у кабинета судьи, лишь для того, что бы получить разрешение на элементарные действия. Во внерабочее время добиться судейского разрешения было и вовсе невозможно. Предусмотренные УПК Украины 2012 года исключения для случаев, не терпящих отлагательств, работали не эффективно.

В УПК Украины 2012 года были внесены положения, повлёкшие снижение оперативности при вынесении судебных разрешений по ходатайствам следователя. Так судья уже не был обязан рассматривать ходатайство следствия об обыске незамедлительно, а мог это делать в течении всего дня поступления та-кого ходатайства. Участие в рассмотрении такого ходатайства следователя и прокурора теперь стало обязательным, хотя раньше он был лишь вправе их выслушать (ст. 234 ч.4 УПК 2012).

Все это приводило к тому, что следователи существенно снизили количество обращений в суд с ходатайствами о проведении следственных действий и избра-

нии мер пресечения. Например, в первые месяцы действия УПК 2012 года в Крыму, количество арестованных в СИЗО Симферополя снижалось в четыре раза. Это преподносилось как достижение в области соблюдения прав человека. Однако никто не просчитал, как это повлияло на доведение расследования до конца и направление дела (уголовного производства) в суд.

Высокий уровень удовлетворения судьями ходатайств следователей и низкое количество оправдательных приговоров, на наш взгляд, так же не являются показателями бесконтрольности следствия [3]. Строгий судебный контроль и является тем фильтром, который отобьёт само желание составлять необоснованные ходатайства или попытки передать в суд бездоказательные материалы.

Мы понимаем важность судебного контроля за предварительным следствием, и не отрицаем его преимуществ перед прокурорским надзором. Но все-таки хотелось бы для сторонников приобщения к этому виду судебных функций таких прилагательных как "активный" и "оперативный" привести аналогию с судьёй хоккейным, который на коньках в шлеме и защитных щитках всегда находится в гуще событий и своевременно выявляет и пресекает большинство происходящих нарушений, не пренебрегая помощью своих коллег вне площадки и анализа видеоматериалов.

Только тогда контроль будет действительно оперативным и активным, когда судья осознает специфику предварительного следствия, сможет незамедлительно отреагировать на ходатайства как со стороны следователя, так и защитника, будет доступен в случаях, не терпящих отлагательств, и во внерабочее время и не только очно, но и путём использования современных средств коммуникаций (видеосвязи и электронной почты). Это только укрепит авторитет следственного судьи в глазах участников уголовного процесса и заставит их более уважительно относиться к требованиям закона. Остаётся выяснить у потенциальных следственных судей, готовы ли они к такому взаимодействию со следователями и защитниками.

Конечно российский законодатель вовсе не собирается повторять все положения УПК Украины 2012 года, регламентирующие деятельность следственных судей. Однако аналогичность поставленных перед следственными судьями целей и задач, даёт право прогнозировать повторение украинских ошибок.

Хорошей возможностью избежать их может стать мониторинг пусть и непродолжительного, но вполне показательного крымского опыта попытки использования активного судебного контроля путём внедрения института следственных судей в уголовное судопроизводство.

Литература: 1. Моршачова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в РФ. Предложения Руководителя Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // Электронная библиотека Сибирского федерального университета. Систем. требован. Adobe Acrobat Reader URL: http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Raznoe/prilozhenye%20%E2%84%967-294_15.pdf (дата обращения 05.04.2015); 2. О следственных судьях. Предложения Руководителя Постоянной комиссии по гражданскому участию в правовой реформе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Т.Г. Моршачовой "О компетенции и порядке формирования института следственных судей в РФ". Мнение Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]://Международная ассоциация содействия правосудию URL: <http://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/64d/2.doc> (дата обращения: 05.04.2015); 3. Валерий Лазарев. Непредвзятая судебная защита. О

Муратов К. Д.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Республика Татарстан)*

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УПК ФРАНЦИИ

Изучение зарубежного законодательства позволяет исследовать действующее отечественное законодательство с точки зрения сравнительного правоведения. В соответствии с Договором о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой от 2 мая 1935 г. оба государства были воодушевлены желанием укрепить мир в Европе и гарантировать его блага для своих стран. В соответствии с Договором между Россией и Францией от 7 февраля 1992 года Российская Федерация и Французская Республика будут развивать сотрудничество в области демократических институтов и правового государства, в частности, по следующим направлениям: конституционные, законодательные и административные нормы; конституционный надзор и контроль за исполнением законов; права граждан по отношению к административным органам; гражданские свободы, права человека (ст.10).

В Конвенции Совета Европы от 20 апреля 1959 года (Д) – Серия Европейских договоров №30, "О взаимной правовой помощи по уголовным делам", к которой присоединились и Россия и Франция, констатируется, что договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу самую широкую правовую помощь на взаимной основе в вопросах уголовного преследования за преступления, наказание на которые на момент просьбы о помощи подпадает под юрисдикцию судебных органов запрашивающей Стороны (п. 1 ст.1). В Конвенции определяется и возможность передачи вещественных доказательств, материалов и документов (п.1 ст. 3). Запрашиваемая Сторона может передать заверенные копии или заверенные фотокопии запрашиваемых материалов или документов, если только запрашивающая Сторона специально не запрашивает оригиналы; в последнем случае запрашиваемая сторона прилагает все усилия для выполнения просьбы (ч. 3 ст.3), а также может оставить за собой право исполнять судебные поручения в отношении обыска или наложения ареста на имущество (ч. 3 ст. 5). Запрашиваемая Сторона может отсрочить передачу запрашиваемых предметов, материалов или документов, если указанные предметы, материалы или документы требуются ей в связи с текущим уголовным судопроизводством (ч.1 ст.6). Любые предметы, а также подлинники материалов или документов, переданные во исполнение судебных поручений, возвращаются запрашивающей Стороной Запрашиваемой Стороне в максимально короткие сроки, если последняя не отказывается от них (ч.2 ст.6). В договоре чётко регулируются статус выдаваемых предметов – вещественные источники доказательств, а также перечисляются следственные действия, которые должны быть осуществлены для обнаружения запрашиваемых

предметов – обыск, выемка. В середине 90-х годов XX века в Руанском трибунале прошёл один из самых громких судебных процессов над членами украинской команды контейнеровоза "Мак Руби", следствие по которому длилось три года, а между Францией и Украиной ещё не был подписан договор о правовом сотрудничестве [1. с.82-83]

Таким образом, запрашиваемые предметы могут являться или орудиями преступления, или имеющие следы преступления, или добытые преступным путём. Договаривающиеся стороны имеют право вручать документы через свои дипломатические представительства или консульские учреждения. Запрашиваемые предметы могут быть задержаны, но при этом не должны нарушаться интересы третьих лиц и выдаваемые предметы должны быть возвращены законным владельцам. Запрашиваемые предметы, практически всегда указываются в запросе как имеющие доказательственное значение (вещественные доказательства) и в связи с этим требуется обоснование следственных действий обыск, выемка или изъятие, а также информация о результатах обыска, места изъятия, обстоятельств изъятия, хранения изъятых материалов, наличие судебного решения о необходимости и законности данных следственных действий. [2, с.79-100]

Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г. вступил в силу 2 марта 1959 г. [3,с.60-61] Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года сменил существовавший 150 лет Кодекс уголовного следствия - один из известных законов эпохи Наполеона Бонапарта. Великая французская революция уничтожила розыскной процесс и на смену пришёл состязательный процесс. Специфика уголовного процесса Франции заключается в том, что он понимается о д н о в р е м е н н о как организация органов уголовной юстиции (статика процесса) и как совокупность последовательно совершаемых этими органами действий. [4,с. 294] Предварительное производство во Франции складывается из двух частей: полицейское дознание и предварительное следствие. Дознание отнесено к функциям судебной полиции, осуществляющей свои функции под руководством прокурора Республики и нижестоящих прокуроров (ст.12 УПК). Возбуждённое уголовное дело передаётся для производства предварительного следствия должностному лицу судебного ранга – следственному судье. Обыски, проникновение в жилище и выемка вещественных доказательств не могут быть осуществлены без явно выраженного согласия лица, у которого эти действия производятся (ч. 1 ст. 76 УПК Франции). Выемки при дознании очевидных преступлений (проступков) регламентированы кодексом подробнее: немедленная выемка оружия и инструментов (ч.2 ст.54), предъявление предметов для опознания (ч.3 ст.54), запрещение что-либо изымать до первичных следственных действий (ч.1 ст.55), запрещается изъятие следов преступления (ч.3 ст.55). Выемка производится во-первых, после ознакомления должностного лица судебной полиции с бумагами и документами (ч.2 ст.56), во-вторых, должностного лица судебной полиции по согласованию с прокурором Республики допускает изъятие лишь тех предметов и документов, которые необходимы для установления истины ч.5 ст.56), в третьих, проникновения, обыски и выемки могут производиться в любой час дня и ночи с целью установления социально опасных нарушений – в гостинице, меблированном доме, пансионе, клубе, казино, танцевальном, распивочном,

зрелищном и им подобных заведениях, а также в любом другом месте, открытом для публики или используемой публикой, если будет установлено, что их обычно посещают лица, занимающиеся проституцией (ч.2 ст.59). Существует мнение, что обыск - это процедура поиска предметов, а выемка - это процедура изъятия и фиксации (опечатывания) этих же предметов. [5, 44-45] Обыски, проникновение в жилище и выемка вещественных доказательств не могут быть осуществлены без явно выраженного (заявление или отметка в протоколе) согласия лица, у которого эти действия производятся (ч. 1 ст.76).

Однако, в УПК Франции существует раздел III "Перемещения, обыски и выемки" Книги первой "Об осуществлении уголовного иска и о расследовании", где регламентируется выезд следственного судьи на место совершения преступления с уведомлением прокурора Республики о мотивах своего прибытия (ст.ст.92-93). Следственный судья вправе до производства выемки ознакомиться с какими-либо документами (ч.1 ст.97), а изъятые предметы и документы немедленно заносятся в инвентаризационную опись и опечатываются (ч.2 ст.97). Кроме того, печати могут быть сломаны и документы вскрыты только в присутствии обвиняемого и его защитника, приглашённых в должной форме, и третье лицо также приглашается присутствовать при этих действиях (ч.3 ст.97). Следственный судья может производить выемку только тех предметов и документов, которые могли бы помочь установлению истины, а заинтересованные лица могут получить за свой счёт в кратчайший срок копию или фотокопию документов, которые подлежали изъятию. (ч.4 ст.97). Если были изъяты деньги, слитки драгоценных металлов или иные ценности, сохранение которых при уголовном деле не является необходимым для установления истины или охраны прав сторон, следственный судья может разрешить сдать их на хранение в Кассу вкладов и поручительств или во Французский банк. (ч.5 ст.97). Информация об изъятых документах охраняется: всякая передача или оглашение изъятых при обыске документов лицу, не уполномоченному знакомиться с документами без разрешения обвиняемого или его доверенных лиц, равно как и лица, подписавшего документ или получателя карается штрафом и тюремным заключением (ст.98). При этом обвиняемый, гражданский истец или иное лицо, которое заявляет о своём праве на предмет, переданный органам юстиции, может ходатайствовать о его возврате перед следственным судьёй. (ч.1 ст.99). Следственный судья после вынесения постановления о прекращении уголовного преследования компетентен решить вопрос о возвращении изъятых предметов (ст.100). Существует положение в УПК Франции о недействительности следственных действий как самостоятельном процессуальном действии (раздел X). Если следственный судья считает, что какое-либо следственное действие должно быть признано недействительным, он после получения заключения прокурора Республики и уведомления обвиняемого и гражданского истца обращается в обвинительную камеру с заявлением об аннулировании этого действия (ч.1 ст.171). Таким образом, законодательное регулирование изъятия, хранения и закрепления вещественных доказательств по уголовно-процессуальному законодательству Франции имеет особенности в обнаружении, формировании, процессуальном оформлении и хране-

нии, а также в формулировании правовых последствий судьи вещественных доказательств.

Литература: 1. Александр Милкус. Печальные тайны "Мак Руби". Послесловие к самому громкому судебному процессу // Огонек, 1996г., № 9 С. 82-83; 2. Муратов К. Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам - М.: Юрлитинформ, 2013. - с.71-100; 3. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Под ред. В. И. Каминской. Предисловие С.В.Боботова, В.И. Каминской. - М.: из-во "Прогресс", 1967. -С.60-61; 4. Гуценко К. Ф., Головкин Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. - М., 2002. - С. 294; 5. Головкин Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. - М.: СПАРК, 1995г. - 44-45.

Новиков С. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)*

ОПАСНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ АБСОЛЮТИЗАЦИИ СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УРОКИ ЗАБЫТЫ?

Тема признания обвиняемым своей вины во все времена привлекала к себе повышенное внимание исследователей, что отнюдь не случайно. Ведь ответ на вопрос о значении признания для последующего вывода о виновности признавшего позволяет составить общее представление обо всей существующей системе доказывания и о характере уголовного судопроизводства в целом. Отношение к признанию вины как к "царице доказательств" сразу напоминает костры инквизиции средневековой Европы или массовые репрессии 1930-х гг. в СССР. Напротив, оценка собственного признания вины как рядового доказательства, которое может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его совокупностью других надёжных доказательств, характеризует соответствующую систему доказательств, как приемлемую для правового демократического государства.

И вот в современной России, – стране, у которой исторически тем более должен был выработаться иммунитет от переоценки всяческих "признаний", – вновь все большее значение для определения сложности процедуры судопроизводства и даже установления виновности подсудимого приобретает признание им вины. Причём не только постоянно расширяется сфера применения особого порядка принятия судебного решения, предусматривающего возможность осуждения лица, согласившегося с обвинением, без непосредственного исследования судом доказательств его виновности (гл. 40 УПК РФ), но и "упрощается" предварительное расследование – так появилась сокращённая форма дознания (гл. 32.1 УПК РФ).

Напомним, что ещё при принятии УПК РФ появление в нем особого (сокращённого) порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением вызвало острые дискуссии в научной среде. Показательно, что многие представители старшего поколения, близко соприкоснувшегося с периодом сталинских репрессий, выступили резко против какого бы то ни было возврата к осуждению в сокращённом порядке, ориентированном на признание вины. Так, В.М. Савицкий предостерег: "Если мы сейчас записываем в кодексе саму возможность прекратить исследование обстоятельств дела по той причине, что обвиняемый сказал: "да, я виновен", – то одна эта запись ... сразу же пово-

рачивает голову следователя, прокурора, судьи в сторону получения признания, объективно движет к пересмотре этого признания" [2, с. 77].

Тем не менее, институту особого порядка судебного разбирательства суждено было появиться в России. При этом вначале законодатель собирался распространить его действие лишь на уголовные дела об относительно нетяжких преступлениях (проект УПК РФ после первого чтения предполагал, что это будут преступления, максимальное наказание за которые не превышает трёх лет лишения свободы; в окончательной редакции этот срок был увеличен до пяти лет), высвободив дополнительные ресурсы для тщательного рассмотрения остальных уголовных дел.

Однако спустя всего год после вступления УПК РФ в силу применение особого порядка было распространено на уголовные дела о тяжких преступлениях, что объяснялось необходимостью разрешить проблему оперативности правосудия в сфере уголовной юстиции. Тем самым в России был кардинально изменён подход к институту особого порядка: его применение стало возможным по большинству уголовных дел, причём многие из них никак нельзя назвать "простыми" и "очевидными".

Новое расширение возможностей особого порядка произошло в 2009 г., когда УПК РФ пополнился институтом досудебного соглашения о сотрудничестве. Постановление обвинительного приговора в отношении лица, согласившегося с обвинением и заключившего упомянутое соглашение, стало возможным без исследования судом изобличающих его доказательств по уголовным делам о любых, даже особо тяжких преступлениях.

Затем наступила очередь корректировки стадии предварительного расследования – в результате здесь тоже резко возросло значение собственного признания вины. Дело в том, что в 2013 г. в России появился институт дознания в сокращённой форме, возможного, когда подозреваемый признает свою вину. Доказывание при таком дознании имеет существенные особенности, в частности, дознаватель обязан произвести только те процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств; при этом он вправе не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (ч.ч. 2, 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Как видим, все перечисленные шаги сделаны в одном направлении – в сторону все большего упрощения процедуры уголовного судопроизводства там, где обвиняемый признает свою вину и соглашается с обвинением. Таким образом, уголовно-процессуальные гарантии, призванные обеспечить точное установление всех значимых обстоятельств уголовного дела (независимо от наличия "спора" сторон), а значит своевременно выявить оговор и самооговор и воспрепятствовать привлечению к уголовной ответственности невиновного, все чаще приносятся в жертву повышению оперативности уголовной юстиции.

Более того, есть серьёзные опасения, что этот вектор реформирования уголовного процесса не изменится: так, ещё в ноябре 2013 г. Государственной Думой РФ был принят в первом чтении проект закона (рабочий номер № 321865-6), предусматривающего дальнейшее

расширение применения особого порядка за счёт уголовных дел о преступлениях, наказание за которые не превышает пятнадцати лет лишения свободы (за определёнными исключениями).

Между тем, институт особого порядка судебного разбирательства уже показал как сильные, так и слабые свои стороны. Да, он способствует скорому разрешению дела, процессуальной экономии, позволяет сторонам "не рисковать" в процессе, а судью избавляет от кропотливого непосредственного исследования доказательств. Но как подсчитать, сколько обвиняемых оговорились, лишь бы быстрее завершилось их уголовное преследование и судья назначил им относительно "мягкое" наказание? Можно спорить об экономических возможностях государства, рассуждать о целесообразности аккуратного расходования сил и средств судебного корпуса, однако ясно одно: особый порядок менее защищён от судебной ошибки, чем порядок общий.

Обращаясь к базовым положениям уголовно-процессуальной теории, напомним, что именно стадия судебного разбирательства признаётся центральной стадией уголовного процесса, поскольку здесь максимально действуют (вернее, должны действовать!) те важнейшие гарантии, которые позволяют точно установить обстоятельства дела. Это достигается, в частности, за счёт тщательного исследования собранных доказательств в ходе судебного следствия, проходящего при активном участии сторон. Однако даже в таких условиях судье бывает непросто выявить случаи самооговора, вызванного самыми разными причинами, включая "чрезмерное усердие" работников правоохранительных органов в добытии "признательных показаний". Чего уж тогда ожидать от ситуации, когда судья вместо исследования доказательств ограничится простым выяснением наличия согласия с обвинением?!

Нельзя забывать и о том, что помимо случаев получения от обвиняемого "признания" в результате применённого к нему насилия, возможны и другие варианты ошибочных признаний, когда только скрупулёзное исследование доказательств позволяет суду сделать правильный вывод и оправдать подсудимых. Так, известные сложности вызывает ограничение правомерного оперативного эксперимента от провокации совершения преступления. Едва ли признаки провокации могут быть установлены при рассмотрении дела в особом порядке, а значит регулярные судебные ошибки станут неизбежными.

Отдельной критики заслуживает существующий в России институт досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ). Мы убеждены, что серьёзной ошибкой законодателя стало его смешение с принципиально иным институтом: рассматриваемым нами особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением. Ранее, в других публикациях, мы подробно анализировали эту проблему [3], поэтому сейчас лишь подчеркнём: нет никакой необходимости выделять дело в отношении лица, с которым заключено упомянутое соглашение, в отдельное производство, равно как и выполнение условий соглашения не должно зависеть от признания собственной вины – ведь не это предмет "сделки"! Сейчас же законодатель загнал сам себя в "процессуальный капкан": поскольку дело выделяется, значит (чтобы дважды не исследовалось одно и то же в общем порядке) приходится рассматривать его в особом порядке. Как

результат: многократно больший риск судебной ошибки, самооговора или оговора соучастника, проблемы с разрешением гражданского иска, оглашением прежних показаний и т.д. Обвиняемый, заключивший соглашение, нередко оказывается перед сложным выбором: признать не только действительно совершенные, но и "чужие" преступные эпизоды, согласиться с "завышенной" квалификацией (тогда будущее наказание серьезно снижается) либо заявить о несогласии с обвинением и, следовательно, не выполнить соглашение.

Но вернёмся непосредственно к особому порядку судебного разбирательства. Помимо отмеченной меньшей защищённости от судебных ошибок, нетрудно назвать и другие его негативные черты. Одна из них – постепенная профессиональная деформация (точнее, деградация) многих участников процесса из числа судей, прокуроров, следователей и адвокатов, выражающаяся в появлении у них настойчивого желания любой ценой устранить "риски" и "трудности" полноценного судебного разбирательства, склонив обвиняемого к волеизъявлению ходатайства об особом порядке. Согласился с обвинением – и светлеет лицо следователя, лоялен к материалам дела прокурор, снисходительно смотрит на подсудимого судья. Отказ же обвиняемого от особого порядка начинает восприниматься многими правоприменителями весьма болезненно, чуть ли ни как "личный вызов"; появляется желание "наказать" такого обвиняемого уже не только за преступление, но и за его упорство в отстаивании своих гарантированных законом прав. Ведь для правоприменителей соблюдение "надлежащей правовой процедуры" при признании лица виновным означает необходимость доказывать, оценивать, мотивировать, т.е. напряжённо работать. Появляется также риск выявления возможно допущенных нарушений закона, неполноты, необъективности расследования, недоказанности обвинения, т.е. тех факторов, которые обоснованно оцениваются исследователями как аморальные, а подчас и указывающие на признаки служебного преступления [1, с. 3].

Подведём итоги.

Во-первых, российским правоведам нужно "слопать" тенденцию все большей абсолютизации признания обвиняемым вины и вместо расширения сферы действия особого порядка приступить к его поэтапному, но решительному сокращению. Порядок судебного разбирательства без полноценного исследования доказательств потому и назван "особым", что должен стать лишь исключением из общего правила. Сокращённое судебное следствие уместно только по наименее тяжким делам (полагаем, что к таковым можно отнести лишь преступления небольшой тяжести), а по делам более серьёзным требуется доскональное и непосредственное исследование судом всех собранных доказательств, независимо от позиции самого обвиняемого.

Предвидя возражения скептиков, апеллирующих к высокой нагрузке судов и считающих общий порядок при отсутствии спора сторон экономически нецелесообразным, напомним, что на суд сегодня возложено множество исключительных полномочий по уголовному делу (ст. 29 УПК РФ). В результате у судей хватает сил на все: избирать и продлевать заключение под стражу и домашний арест, отстранять от должности, разрешать обыск в жилище и выемку вещей в ломбарде, накладывать арест на имущество, и т.д., и т.п., кроме главного, – решая вопрос о виновности человека,

лично убедиться, что его вина подтверждена допустимыми и достоверными доказательствами. Так, может быть, не там ищем ресурсы? Если мы действительно вынуждены экономить силы судейского корпуса, бросая их лишь на самые важные направления, то не лучше ли освободить судей от какой-либо другой нагрузки (например, передав её прокурору), не скатываясь к средневековому упрощенчеству в том, что касается установления вины подсудимого?!

Во-вторых, особый порядок судебного разбирательства не должен применяться в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, если не соблюдены общие условия его применения, регламентированные гл. 40 УПК РФ. Более того, заключение названного досудебного соглашения вообще не должно являться основанием для выделения дела в отношении сотрудничавшего лица в отдельное производство.

В-третьих, существующее в гл. 40 УПК РФ требование к судье убедиться в обоснованности обвинения надо наполнено реальным содержанием, для чего должен быть разработан подходящий механизм. За ориентир можно принять положение Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г., согласно которому при "суммарном производстве" предусматривался краткий обзор доказательств в ходе судебного заседания. Наряду с регламентацией такого обзора, в УПК РФ нужно закрепить право судьи и при особом порядке по собственному усмотрению непосредственно исследовать любое доказательство.

Надеемся, что учёт высказанных соображений поможет российскому законодателю вспомнить горькие уроки прошлого, избавиться от опасного рецидива абсолютизации признания обвиняемым своей вины и построить уголовное судопроизводство на подлинно справедливых началах.

Литература: 1. Гармаев Ю.П., Попова Е.И. Памятка подозреваемому, обвиняемому об особенностях рассмотрения уголовного дела судом в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и советы по его практическому применению // Российский следователь. 2013. № 22. С. 2-16; 2. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России. Лекции – очерки / под ред. В. М. Савицкого. М.: Изд-во БЕК, 1997; 3. Новиков С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: разъяснения получены, но проблемы остались // Российский судья. 2013. № 2. С. 42-46.

Омельченко Т. В.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

БЕСПЛАТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

1. Развитие и усложнение взаимоотношений в современном обществе порождает не только возникновение новых отраслей права, но интенсивное развитие подотраслей права. Это приводит к тому, что без помощи квалифицированного юриста достаточно сложно разобраться в понимании самых обыденных вещей. Сложность юридического сопровождения общегражданской жизни обусловило изменение подходов к пониманию основных обязанностей государства по защите конституционных прав человека. Это нашло проявление прежде всего в сфере уголовного судопроизводства. Именно при привлечении человека к уголовной ответственности и на-

значении ему наказанию было признано обязанностью государства предоставить защитника, в том числе и бесплатно для привлекаемого к ответственности. Предоставление юридической помощи незащищённым слоям населения имеет библейские корни. Как справедливо отмечает А. Н. Стоянов: "Въ Библии находимъ мы главу, гдѣ сильный и знающій законы человекъ отстаиваетъ права вдовъ, сиротъ и неимущихъ людей" [1, с. 13]. Развитие общественной жизни привело к расширению данного права за пределы уголовного судопроизводства в сферу административной и гражданской юстиции. Все это трансформировалось в создание государственно-правовых институтов по предоставлению правовой помощи гражданам.

2. Обязанность обеспечивать реализацию права на бесплатную юридическую помощь находит своё закрепление в международно-правовых актах. Так, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство защитника, выбранного им самим либо, когда интересы правосудия того требуют, назначенного ему [2].

В соответствии с принципом 6 Основных принципов, касающихся роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа - 7 сентября 1990 г.) во всех случаях, когда того требуют интересы правосудия, каждый человек, не имеющий юриста, имеет право на помощь юриста, опыт и компетентность которого соответствуют характеру правонарушения, назначенного в целях предоставления ему эффективной юридической помощи бесплатно, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг юриста.

Бангкокская декларация "Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия" в пункте 18 призывает государства-члены предпринять в соответствии с их внутренним законодательством шаги по содействию доступу к правосудию, рассмотреть вопрос о предоставлении юридической помощи тем, кто в ней нуждается, и создать возможности для эффективной защиты их прав в системе уголовного правосудия [3].

Пункт 52 Салвадорской декларации "Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире" рекомендует государствам-членам содействовать расширению доступа к правосудию и механизмам правовой защиты, признавая, что юридическая помощь является важнейшим элементом справедливой, гуманной и эффективной системы уголовного правосудия [4].

В соответствии с Принципами и руководящими положениями Организации Объединённых Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия, принятых 20 декабря 2012 Генассамблеей ООН, "государства должны рассматривать предоставление правовой помощи как свой долг и ответственность" [5].

В соответствии со ст. 6(3)(с) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый обвиняемый в совершении преступления, имеет право на бесплатную юридическую помощь, если не имеет достаточных средств для оплаты услуг защитника, и того требуют интересы правосудия [6].

Соответствующая норма закреплена и в Конституции Российской Федерации: "Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно" (ч. 1 ст. 48). Во исполнение и развитие конституционных положений принят соответствующий Федеральный закон от 21.11.2011 года № 324-ФЗ "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации".

3. До присоединения Крыма к России на территории республики действовало законодательство Украины и украинская модель системы бесплатной правовой помощи, которая предусматривала предоставление бесплатной первичной и вторичной правовой помощи. В соот. со ст. 7 Закона Украины "О бесплатной правовой помощи" (далее - закон Украины) "Бесплатная первичная правовая помощь - вид государственной гарантии, которая заключается в информировании лица о его правах и свободах, порядке их реализации, восстановления в случае нарушения и порядке обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц. Субъектами предоставления бесплатной первичной правовой помощи являются: 1) органы исполнительной власти; 2) органы местного самоуправления; 3) физические и юридические лица частного права; 4) специализированные учреждения (ст. 9). Видами бесплатной первичной правовой помощи является: 1) предоставление правовой информации; 2) предоставление консультаций и разъяснений по правовым вопросам; 3) составление заявлений, жалоб и других документов правового характера (кроме документов процессуального характера); 4) оказание помощи в обеспечении доступа лица к вторичной правовой помощи и медиации.

Бесплатная вторичная правовая помощь - вид государственной гарантии, которая заключается в создании равных возможностей для доступа лиц к правосудию, включает такие виды: 1) защита; 2) осуществление представительства интересов лиц, имеющих право на бесплатную вторичную правовую помощь, в судах, иных государственных органах, органах местного самоуправления, перед другими лицами; 3) составление документов процессуального характера (ст. 13 закона Украины). Субъектами предоставления бесплатной вторичной правовой помощи являются: 1) центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи; 2) адвокаты, включённые в Реестр адвокатов, предоставляющих бесплатную вторичную правовую помощь (ст. 15 закона Украины). Если адвокаты безусловно являются субъектами предоставления правовой помощи, то в отношении центров, полагаем, правильнее говорить как об организационной форме предоставления правовой помощи. Непосредственно центры предоставлением правовой помощи не занимаются [7].

На первом этапе бесплатная правовая помощь предполагалась будет предоставляться в уголовном судопроизводстве, а с 1 июля 2015 года такая помощь будет предоставляться и в сфере гражданской, и административной юрисдикции.

4. В соот. со ст. 6 федерального закона "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" бесплатная юридическая помощь оказывается в виде: 1) правового консультирования в устной и письменной форме; 2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и

других документов правового характера; 3) представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законодательством и законами и законами субъектов Российской Федерации. Бесплатная юридическая помощь может оказываться в иных не запрещённых законодательством Российской Федерации видах (ст. 6). Субъекты предоставления бесплатной юридической помощи могут являться участниками государственной и негосударственной системы бесплатной юридической помощи, а также иные лица, которым данное право предоставляется федеральным законодательством, законами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами (ст. 7).

Участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются: 1) федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; 2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; 3) органы управления государственных внебюджетных фондов; 4) государственные юридические бюро; 5) адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь, наделённые правом участвовать в государственной системе бесплатной юридической помощи в порядке, установленном федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации (ст. 15). Участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи (ст. 22). При этом в федеральном законе особо оговаривается, что отношения, связанные с оказанием бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, регулируются уголовно-процессуальным законодательством (ст. 3).

5. Трёхступенчатая система нормативно-правовых актов регламентирующая предоставление бесплатной правовой помощи предполагает наличие законодательства субъектов федерации и муниципальные правовые акты. Федеральное законодательство к числу полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью отнесло издание законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающих дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, в том числе расширение перечня категорий граждан, имеющих право на её получение, перечня случаев оказания бесплатной юридической помощи, определение порядка принятия решений об оказании в экстренных случаях бесплатной юридической помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и обеспечение их исполнения. Реализуя данное полномочие 8 августа 2014 года Государственным Советом Республики Крым принят закон "О бесплатной юридической помощи" (далее - закон Республики Крым), разработанный и внесённый прокурором Республики Крым рассмотренный и поддержанный Постоянной комиссией Государственного Совета Республики Крым по нормотворческой деятельности, организации работы Государственного Совета и связям с общественностью [8].

Анализ этого законодательного акта позволяет говорить о том, что Государственным советом не использованы в полной мере предоставленные полномочия. Так, перечень субъектов предоставления правовой помощи включает: 1) исполнительные органы государственной власти Республики Крым и подведомственные им государственные учреждения; 2) адвокаты, нотариусы; 3) государственные юридические бюро; 4) иные участники, оказывающие бесплатную юридическую помощь, наделённые такими полномочиями Федеральным законом "О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации" (ст. 8 закона Республики Крым). То есть по сравнению с федеральным законодательством дополнительных субъектов нет, а ими которыми могут быть, например, республиканские и муниципальные общественные организации. При этом ответственность качественную юридическую помощь несут только адвокаты (ст. 14 закона Республики Крым).

Нельзя признать расширенным и перечень лиц, которым может быть предоставлена государственная бесплатная юридическая помощь. Дополнительными субъектами являются: инвалиды с детства; лица, которые пострадали в результате Чернобыльской катастрофы; Герои Украины, признанные гражданами Российской Федерации в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя". То есть, если Герой Украины получил гражданство Российской Федерации иным способом, то он не включается в данный перечень. Почему-то в данном перечне нет лиц, которые имеют заслуги перед Крымом.

6. Разработка и принятие законодательства республики Крым и муниципальных правовых актов должно происходить с учётом мнения заинтересованных сторон, а именно нотариусов, адвокатов, юридических клиник и т.п. При этом должны в обязательном порядке устанавливаться дополнительные гарантии, как это и предусмотрено федеральным законодательством. Простое копирование федерального законодательства не является полезной законотворческой деятельностью для жителей Крыма.

Литература: 1. Стоянов А. История адвокатуры у древних народов / А. Стоянов. - Харьков: в Университетской типографии, 1869. - 139 с.; 2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976 №17(1831). Ст. 291; 3. Бангкокская декларация «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия», принята на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, Таиланд, 18–25 апреля 2005 года) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bangkok_declaration.shtml (дата обращения 12.02.2015); 4. Салвадорская декларация «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире», принята на 12-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 года) // <http://www.un.org/ru/conf/crimecongress2010> (дата обращения 12.02.2015); 5. Принципы и руководящие положения Организации Объединённых Наций, касающиеся доступа к юридической помощи и уголовному правосудию. Нью-Йорк, 2013. - 29 с.; 6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Бюллетень международных договоров. - март 2001. №3.; 7. Про бесплатную правовую допomoгу: Закон України від 02.06.2011 № 3460-VI // Відомості Верховної Ради України. - 2011. - № 51. - ст. 577; 8. О бесплатной юридической помощи: закон Республики Крым от 08.08.2014 г. № 59-ЗРК // <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/59z.pdf> (дата обращения 12.02.2015).

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО СУДЕБНО-
ЭКСПЕРТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В
КАЗАХСТАНЕ**

Основной задачей Концепции правовой политики Республики Казахстан на 2010-2020 годы, принятой в 2009 году, является разработка единой правовой политики, основанной на современных тенденциях развития общества, накопленном опыте и научно обоснованных, фундаментальных представлениях о ближайших и отдалённых перспективах казахстанского государства и общества [1]. Результатом таких преобразований должна стать оптимизация правоохранительной и судебной системы, которая чётко выстроит и определит компетенцию каждого государственного органа, позволит привести законодательную базу в соответствие с международными принципам и стандартам. В сфере уголовно-процессуального права приоритетным была признана дальнейшая последовательная реализация основополагающих принципов уголовного судопроизводства, направленных на защиту прав и свобод человека.

Практическим шагом, направленным на реализацию данной Концепции, стало образование при Генеральной прокуратуре РК рабочей группы по разработке концепций и проектов новых Уголовного, Уголовно-процессуального и Уголовно-исполнительного кодексов РК. Аналогичная группа по разработке концепции и проекта нового Кодекса РК "Об административных правонарушениях" была создана при Министерстве юстиции РК. Результатом деятельности этих групп стало принятие и вступление в действие с 1 января 2015 года в Казахстане вышеуказанных кодексов.

31 декабря 2013 года Президентом РК был подписан Указ №720 "О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан", который утвердил "Государственную программу дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014-2020 годы". Один из разделов программы посвящён совершенствованию судебно-экспертной системы Казахстана: предусмотрено создание единой экспертной системы с передачей в 2014 году Центра судебной медицины из министерства здравоохранения в министерство юстиции, запланированы мероприятия по совершенствованию законодательства РК, регламентирующего судебно-экспертную деятельность.

Что же принесли эти изменения институту судебной экспертизы? Предполагалось, что разработчики нормативных правовых актов воспользуются предоставленной возможностью и наконец-то смогут унифицировать и привести к общему знаменателю все нормы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность в различных отраслях процессуального права. Однако сравнительно-правовой анализ новых кодексов позволяет констатировать, что этого не произошло, более того, противоречия только усугубились.

Так в новом УПК РК не решён вопрос о разграничении полномочий эксперта и специалиста в рамках уголовного процесса. Подтверждением этого является то, что структура заключения специалиста (ч.3 ст. 117 УПК РК) ничем не отличается от структуры заключения эксперта (ч.2 ст.283 УПК РК). Более того, законодатель наделил специалиста более широкими полномочиями, чем эксперта: во-первых, он оказывает содействие в собирании, исследовании и оценке доказательств (ч.1 ст.80 УПК РК), во-вторых, с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан вправе проводить сравнительные исследования, приводящие к частичному уничтожению объектов в объёме, не исключающем проведение по этим объектам судебно-экспертного исследования (п.6 ч.3 ст. 80 УПК РК). Таким образом, введение понятия "специалист уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа Республики Казахстан" только усугубило ситуацию: возникло две разновидности специалиста с различным объёмом прав; специалист "второго типа" может одновременно и собирать доказательства, и исследовать их, что категорически запрещено эксперту (п.2 ч.4 ст. 79 УПК РК).

Ещё одна новелла, призванная реализовать принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе, - это производство экспертизы по адвокатскому запросу. При всей революционности данной новеллы (аналогичная новелла есть только в УПК Украины – привлечение стороной защиты экспертов на договорных условиях для проведения экспертизы; ч.2 ст. 243) её практическая реализация крайне затруднительна, так как нормы, регламентирующие назначение и производство экспертизы, противоречат друг другу, начиная с терминологии ("адвокатский запрос" и "запрос защитника, представителя потерпевшего"), объёма полномочий (адвокат не вправе получать образцы для исследования, давать разрешение на видоизменение объектов исследования) и заканчивая вопросами организационного характера (например, допускается возможность в рамках производства экспертизы по адвокатскому запросу предоставления вопросов эксперту органом, ведущим уголовный процесс, по объектам, которые следователь даже не видел) [2]. Необходимо согласиться с С.П. Варениковой, которая отмечает, что "положения о возможности назначения судебной экспертизы по запросу адвоката ... ввиду их детальной непроработанности вызывают серьёзные проблемные вопросы, которые затрудняют практику применения этих новелл" [3, с. 109].

В новом Кодексе РК "Об административных правонарушениях" новелл, касающихся судебной экспертизы, меньше. Одной из таких новелл является введение понятия "показания эксперта – сведения, сообщённые им в ходе рассмотрения дела об административном правонарушении в целях разъяснения или уточнения представленного им заключения" (ч.5 ст. 773 КоАП РК). Можно приветствовать такое нововведение, если бы не одно "но": при сравнении с аналогичными нормами УПК РК выясняется, что в уголовном процессе помимо "показаний эксперта – сведений, сообщённых им на допросе, проведённом после получения заключения, в целях разъяснения или уточнения данного им заключения" (ч.4 ст.116 "Заключение и показания экс-

перта"), предусмотрен также допрос эксперта и специалиста, который производится только после дачи им заключения "с целью: 1) выяснения связанных с заключением эксперта или специалиста существенных для дела вопросов, не требующих дополнительных исследований; 2) уточнения применённых экспертом, специалистом методов и использованных терминов; 3) получения информации о других фактах и обстоятельствах, не являющихся составной частью заключения, но связанных с участием в досудебном процессе эксперта" (ч.1 ст. 285 УПК РК), а также допрос эксперта в ходе судебного разбирательства (ст. 374 УПК РК), который "может быть произведён только после оглашения заключения для его разъяснения, уточнения или дополнения". Сравнение приведённых цитат демонстрирует неоднозначную трактовку законодателем одного и того же понятия и его содержания, поскольку понятия "разъяснение", "уточнение" и "дополнение" имеют различное значение. Неясно также, какой информацией о фактах и обстоятельствах, не являющихся составной частью заключения, может располагать эксперт?

Об ещё одном различии, имеющемся в двух кодексах, считаем нужным упомянуть. Так согласно ч.7 ст.772 КоАП РК комплексная экспертиза проводится экспертами разных специальностей в пределах своей компетенции, а в соответствии с новеллой УПК РК "комплексная экспертиза может проводиться одним экспертом в случае, если он имеет право производства исследований по различным экспертным специальностям" (ч.1 ст.282 УПК РК). Почему в рамках уголовного процесса законодатель допустил возможность проведения комплексной экспертизы одним лицом, а в рамках административного процесса такая возможность исключена?

В январе 2015 года в Мажилисе Парламента РК прошла презентация проекта нового Гражданского процессуального кодекса РК, разработчиком которого является Верховный суд РК [4]. Одной из основных новелл проекта Кодекса является то, все участники досудебного разбирательства должны предоставить доказательства. Если они не могут быть предоставлены в текущий момент, то доказательства должны быть предоставлены позже, во время судебного разбирательства. В исключительных случаях разрешается предоставлять доказательства и в суд апелляционной инстанции [5].

Было бы логично предположить, что в проекте нового ГПК РК в свете указанных новелл должны найти отражение положения, закрепляющие право адвоката, выступающего в качестве представителя истца или ответчика, назначать судебные экспертизы, однако в проекте нет никаких упоминаний о подобном праве. Исключительным правом назначения судебной экспертизы наделён суд. Нет в перечне источников доказательств и такого источника как "заключение специалиста". Отсутствие таких норм вызывает недоумение, так как, во-первых, бремя доказывания в гражданском процессе возложено на стороны, во-вторых, это позволило бы унифицировать нормы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность в Казахстане.

В то же время, разработчики проекта нового ГПК РК внесли в кодекс положения, противоречащие как действующему законодательству, так и друг другу. Так, согласно ч.9 ст. 83 проекта в определении о назначении

экспертизы судья устанавливает сроки её производства, при этом определение о назначении экспертизы обязательно для исполнения органами, которым оно адресовано, и обжалованию и опротестованию не подлежит. А согласно ч.1 ст. 92 проекта "заключение экспертизы должно быть составлено в течение срока, установленного Законом Республики Казахстан "О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан" (т.е. в течение 30 суток). При наличии обстоятельств, препятствующих проведению экспертизы в установленный срок, эксперт обязан письменно сообщить об этом суду". Налицо коллизия норм, кроме того неясно, речь идёт об одном и том же или о различных понятиях: "производство экспертизы" и "составление заключения экспертизы"?

Ещё одна новелла – получение образцов специалистом или экспертом от человека (ст. 84 проекта ГПК РК). Согласно ч.5 данной статьи "если образцы получены по поручению судьи специалистом или экспертом, он составляет официальный документ, который подписывается всеми участниками процессуального действия и передаётся судье для приобщения к материалам дела". Какой официальный документ должен составить эксперт при получении образцов? Согласно проекта ГПК РК эксперт вправе составить либо заключение эксперта, либо сообщение о невозможности дать заключение, никаких других документов кодекс не предусматривает. Кроме того, процедура получения образцов, например, образцов почерка, с привлечением эксперта содержит коррупционную составляющую: в случае личной заинтересованности эксперт может отобрать такие образцы, которые ему нужны для получения заведомо желаемого результата.

Подводя итоги, необходимо констатировать, что законодатель при разработке новых кодифицированных актов не смог унифицировать нормы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность в Республике Казахстан. Это, в свою очередь, требует всестороннего и глубокого анализа выявленных коллизий и пробелов законодательства и последующего внесения существенных дополнений и изменений в действующие и разрабатываемые нормативные правовые акты.

Литература: 1. Указ Президента РК от 24 августа 2009 года № 858 "О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года" // Казахстанская правда. – 2009. – 27 августа; 2. Более подробно см.: Ертаева Г.Ж., Парамонова Л.Ф. Назначение и организация производства судебной экспертизы по адвокатскому запросу (в новом УПК РК) // Мат-лы межд. науч.-прак. конф. "Восток-Запад: партнёрство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы". – Астана: ЦСЭ МЮ РК, 2014. С. 145-147; Парамонова Л.Ф. Проблемы организации и производства судебных экспертиз по адвокатскому запросу // Мат-лы V Межд. науч.-прак. конф. "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях". – М.: Прогресс, 2015. С. 363-367; 3. Вареникова С.П. Проблемные вопросы назначения судебной экспертизы в новом уголовно-процессуальном законе Республики Казахстан // Мат-лы V Межд. науч.-прак. конф. "Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях". – М.: Прогресс, 2015. С. 105-109; 4. Zakon.kz; В Мажилисе презентовали проект Гражданского процессуального кодекса Казахстана; <http://www.zakon.kz/4685278-v-mazhilise-prezentovali-proekt.html> (последнее посещение – 29 января 2015г.); 5. Online.zakon.kz; Досье на проект Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан (на 5 января 2015 года); http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31532320 (последнее посещение – 10 марта 2015г.).

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОВ ДОКАЗЫВАНИЯ КАСАТЕЛЬНО ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОДОРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос уничтожения, маскировки или утаивания отпечатков пальцев рук, ног и других следов, на месте совершения преступления, для преступника является первоочередным. С целью избежать наказания и ввести следствие в заблуждение, преступник тщательным образом готовится к преступлению, анализируя каждый свой шаг, возможное место фиксации своих отпечатков с целью их уничтожения, но запах человека остаётся с ним всегда, поэтому, именно проблематика криминалистических аспектов одорологического исследования запаховых следов сегодня является очень актуальной.

Криминалистическая одорология представляет собой систему знаний о запахах и запахоносителях и научно-обоснованных приёмов, технических средств, рекомендаций по обнаружению, анализу, изъятию и хранению запаховых следов с целью последующего их использования в уголовном судопроизводстве.

Использование одорологической информации в борьбе с преступностью берет начало только с 1896 г., когда по инициативе известного австрийского криминалиста Ганса Гросса в Гильдесгейме появилось 12 собак, обученных несению полицейской службы. На сегодняшний день одорологические исследования производятся в ряде экспертных учреждений системы МВД Российской Федерации, Республики Беларусь, Литвы и ряда других зарубежных стран (Бельгии, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Нидерландах, Польши, Чехии и др.).

В настоящее время научный и практический интерес к одорологии не ослабевает. Все больше в практике встречается случаев назначения подобного рода исследований. Проведение таких исследований осуществляется с соблюдением основных статей уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих назначение, производство и процессуальное значение экспертиз. Выступая как один из видов доказательства, заключение эксперта по одорологическому исследованию оценивается наряду с другими доказательствами. И, несмотря на бесспорный успех данного вида криминалистической экспертизы, она довольно редко используется на практике. Это связано с недооценкой этого вида экспертизы и ею возможностей, слабой научно – технической базой, слабым отражением в научной литературе данных, касающихся указанной экспертизы.

Значение одорологических следов в оперативно-розыскной деятельности трудно переоценить. Запах человека, по мнению специалистов, является его химической "подписью", он глубоко индивидуален. Индивидуальный человеческий запах легко проникает в одежду, обувь и долго удерживается (практика свидетельствует, что запах, взятый с места происшествия, сохраняется в течение нескольких лет). Использование информации, содержащейся в запахах, в ряде случаев позволяет успешно раскрывать сложные преступления, совершаемые, как правило, без свидетелей.

В связи с этим актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения и внедрения мировой практики использования одорологической экспертизы при расследовании преступлений.

Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что современная одорологическая экспертиза ещё не пополнилась детальным научным анализом проблем правового, организационного и тактического применения такого вида экспертизы. Изучению отдельных аспектов такой деятельности были посвящены научные исследования таких учёных как Безруков В. В., Майоров М. Г., Тодоров Р. М. [1], Винберг А. И. [2, 3], Грошеникова О.О. [4], Кисин М. В., Петранек Г., Сулимов К.Т. [5], однако одорологическая экспертиза, её содержание и сущность раскрыта в недостаточной мере.

Первоначальное появление одорологической экспертизы на территории Российской Федерации связано с наблюдательностью человека при работе с собаками, которая выражалась в природной способности собак выслеживать свою жертву. Отшлифованные до уникальности на протяжении тысячелетней эволюции, сохранённые и развитые в процессе последующего приручения и длительной селекционной работы, обонятельные способности собаки постепенно стали использоваться человеком в борьбе с преступностью. И уже в 1908 году в журнале "Вестник полиции" в связи с учреждением в Петербурге "Российского общества поощрения собак в полиции и сторожевой службе" была помещена статья, в которой говорилось следующее: "...а теперь никакой грим, никакое переодевание не спасут преступника, так как полицейская собака будет распознавать его не по наружному виду, а по запаху, отличительные свойства которого доступны лишь изощрённому исключительному обонянию собаки..." [6]. В то же время постепенно служебно-розыскных собак стали готовить и как внелaborаторных собак-детекторов, способных разыскивать по следам запаха на местности человека или другие вещественные источники информации.

Криминалистическая одорология представляет собой систему знаний о запахах и запахоносителях и научно обоснованных приёмов, технических средств, рекомендаций по обнаружению, анализу, изъятию и хранению запаховых следов с целью последующего их использования в уголовном судопроизводстве.

В зависимости от способов изъятия, анализа и регистрации запахов криминалистическую одорологию разделяют на кинологическую и инструментальную - ольфактроник (от лат. *olfactus* - запах). В кинологической одорологии в качестве анализатора пахучих веществ используется орган обоняния специально подготовленной служебной собаки. В инструментальной криминалистике используются технические детекторы запаховых веществ – приборы, исследующие газообразные вещества. Так, отечественными учёными создан прибор "Трупоскатель" для отыскания трупов по газообразным продуктам их разложения. Используется в практике ГИБДД газовый анализатор, позволяющий определить количество алкоголя в выдыхаемом человеком воздухе. Усилия учёных направлены на создание высокочувствительных анализаторов, действующих по принципу органов обоняния живых существ (нейрокомпьютеров). Однако, полностью адекватного или хотя бы существенно приближенного к уровню чувствительности обонятельного аппарата животных, пока

не создано. В отличие от человеческого, мозг собаки "настроен" на обработку запаховой, а не визуальной информации, что делает его чрезвычайно сложным для нашего понимания. По остроте обоняния собака настолько превосходит человека, что мы вряд ли можем даже попытаться оценить по достоинству его необычайную способность различать тысячи различных запахов, и не только чётко различать, но и делать это при чрезвычайно низких их концентрациях. Мозг собаки по размеру в 10 раз меньше человеческого, при этом участок мозга, ведающий обонянием, у неё в 40 раз больше обонятельной доли нашего мозга, а способность к идентификации запахов выше в 1000-10000 раз. Кроме того, в отличие от человека во время поиска собак реагирует лишь на 100 % идентичный запах искомому. Обоняние собак позволяет легко различать однояйцевых близнецов, в которых запутается даже ДНК-анализ.

Особое значение в криминалистике имеет запах человека. Индивидуальность запаха человека как результат жизнедеятельности организма и работы выделительных систем генетически обусловлена и позволяет идентифицировать его путём применения биодетектора запаха - собаки, имеющей от природы высокоразвитый обонятельный анализатор и прошедшей специальную тренировку в одорологической лаборатории.

Человек, как источник запаха, оставляет запаховые следы на предметах, с которыми физически контактирует длительное время – головных уборах, одежде, обуви, обивке сидений, предметах личного пользования (бритва, расческа, очки, кошелек, сумки и т.п.); на предметах, с которыми имеет относительно кратковременный контакт – орудиях преступления, предметах материальной обстановки места его пребывания, транспортном средстве, почве, снегу и т.д. Все эти предметы являются носителями запаха человека, ибо удерживают на себе пахучие выделения его пота. Информацию о запахе человека несут и его кровь, волосы, частицы ногтей. Не подвергшиеся гнилостным изменениям пятна высохшей крови, волосы, ногти могут хранить запах несколько десятков лет. При благоприятных условиях длительно носившиеся предметы одежды, окурки сигарет сохраняют запах несколько месяцев; предметы, находившиеся в контакте с телом человека не менее получаса, – до 60 часов, следы ног – от 10 до 24 часов. Поэтому запаховые следы человека могут быть использованы как при раскрытии преступления по "горячим следам", так и спустя длительное время после его совершения. Сам человек адаптирован к собственному запаху и не ощущает его, что затрудняет умышленное уничтожение запаховых следов [7].

На сохранность запаховых следов влияет целый ряд факторов, которые следует учитывать в ходе их обнаружения и изъятия, осуществляемого в рамках отдельных следственных действий (осмотра, обыска, выемки и др.) с соблюдением соответствующих процессуальных требований. Высокая температура воздуха, низкая влажность, перемещение воздушных потоков (ветер, сквозняк) способствуют быстрому улетучиванию запаховых веществ. Следовательно, приступая к осмотру места происшествия или другим следственным действиям, должен принять меры по сохранению запаховых следов, по возможности устранив или ослабив воздействие негативных факторов, и полностью исключить неоправданное прикосновение к предметам-носителям запаховых следов до их изъятия. В силу своеобразия

свойств запаха его следы имеют приоритет в последовательности изъятия, при этом должны соблюдаться меры по предупреждению повреждения предмета-носителя запахового следа, так как он (например, след обуви) может быть объектом других экспертных исследований. Изъятие запаховых следов имеет свою специфическую технологию. Как показала практика, метод отбора запаховых проб из воздуха шприцами и другими всасывающими ёмкостями оказался малоэффективным в связи с быстрым рассеиванием и низкой концентрацией пахучих веществ в образующихся на месте пребывания человека следах - "шлейфах". Более надёжным является способ сбора запаха через специальный адсорбент, приводимый в непосредственный контакт с предметом – носителем запахового следа. Необходимыми элементами средств сбора запаховых следов являются: адсорбент (лоскут хлопчатобумажной ткани типа фланели, размером не менее 10 x 15 см; стеклянная банка с плотно прилегающей крышкой (стеклянной, металлической), а также предметы, которые исключают "загрязнение" запаха в следе другими, посторонними запахами, в том числе лиц, работающих со следом на месте его обнаружения (пинцет, резиновые перчатки, фольга и др.). Все средства для сбора запаха должны быть чистыми и дезодорированными [9; стр 234].

Для сбора запаха и его последующей консервации лоскут адсорбента, извлечённый из банки, приводят в контакт с тем местом на поверхности предмета-носителя, где предполагается наличие запахового следа, сверху располагают кусок фольги и слегка прижимают. Через час фольгу удаляют, а адсорбент помещают в банку, которую плотно закрывают и опечатывают. Операции производятся в резиновых перчатках, с использованием пинцета для захвата адсорбента. Изъятый таким образом след упаковывается по общим правилам обращения с вещественными доказательствами. На прикрепляемой этикетке указывается, когда и где изъят след, по какому делу, а также указывается материал предмета-носителя, время (продолжительность) адсорбции. Аналогичным образом изымается так называемый фоновый запах с участков предмета-носителя, где предполагается отсутствие запаха человека, который играет роль контрольного объекта в дальнейшем исследовании. При производстве следственных действий не всегда возможно изъять запаховый след с предметов, которые несут на себе одновременно и другие следы, подлежащие экспертным исследованиям (биологическим, трассологическим и др.). В таком случае изъятие запахового следа производится специалистом в лабораторных условиях с использованием особых методов, в том числе и бесконтактных. Например, в отношении извлечения запаха из следов крови разработана методика, не разрушающая её элементов и позволяющая производить дальнейшие сложные серологические исследования. При отборе образцов запаха для сравнительного исследования у проверяемых лиц все операции должны производиться лицом (следователем, специалистом), не работавшим с запаховым следом на месте происшествия, чтобы не произошло загрязнения проб [7]. После получения данного следа он направляется в лаборатория для дальнейшего исследования.

Следовательно, каждый человек имеет строго индивидуальный запах. И в этом смысле необходимость внедрения одорологической экспертизы представляется вполне корректной. Основной спор, главным образом,

процессуального порядка, возник из-за участия в процессе идентификации по запаху биодетектора-собаки, поведение которой не всегда может быть интерпретировано однозначно.

Таким образом, при анализе запаховых следов решаются такие важнейшие задачи как обнаружение лиц, совершивших преступления; выявление индивидуального запаха одного и того же человека в запаховых следах, изъятых с разных мест происшествия; установление принадлежности преступнику предметов, что существенно ускорит и увеличит объективность процесса расследования преступлений на территории Республики Крым. На сегодняшний день в Российской Федерации действуют 8 Экспертно-криминалистических центров МВД России, которые проводят данный вид экспертизы (Экспертно-криминалистический центр МВД Республики Татарстан, Экспертно-криминалистический центр ГУВД Волгоградской области, Приморского края, Ярославля и другие) [8; стр. 3]. Сейчас на практике все больше случаев назначения подобного рода исследований. Их проведение осуществляется с соблюдением основных положений уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующих назначение, производство и процессуальное значение экспертиз. Выступая как один из видов доказательства, заключение эксперта по одорологическому исследованию оценивается наряду с другими доказательствами. Исходя из вышеперечисленного одорологическая экспертиза это необходимый шаг вперёд в расследовании преступлений.

Литература: 1. Безруков В. В., Винберг А. И., Майоров М. Г., Тодоров Р. М. Новое в криминалистике // Соц. законность. – М., 1965. – 132 с.; 2. Винберг А. И. Криминалистическая одорология // Криминалистика на службе следствия. – Вильнюс, 1967. – С.8; 3. Винберг А. И. Научные и правовые основания криминалистической одорологии // Труды ВНИИСЭ. – Вып.5. – М., 1973; 4. Грошенкова О. Одорологическая экспертиза. – Саратов: Саратовская гос. академия права, 2007. – 12. 5. Кисин М. В., Петранек Г., Сулимов К.Т., Шмидт Р., Дерда В. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений: Учебник. – М. – Берлин, 1983. – С. 6–10; 6. Гельвиг А. Современная криминалистика. – М.: Сов. законодательство, 1925. – С. 94; 7. Яблоков Н.П. учебник "Криминалистика" Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва 2011. – С. 611; 8. Федоров Г.В. Одорология: запаховые следы в криминалистике - Минск, 2000. - С. 3; 9. Топорков А.А. Одорологические объекты как носители криминалистически значимой информации // Криминалистика. - М.: Юрист, 1997. - С. 249; 10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 ФЗ (с изм. и доп. от 20 сентября 2014 г.); 11. Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ" от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ // Российская газета от 4 июня 2001 г.

Поддубняк А. А.

*Медицинская академия имени С. И. Георгиевского
Крымского федерального университета имени
В. И. Вернадского (Симферополь, Республика Крым)*

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАЩИТНИКА-АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения

[1]. В соответствии со ст. 49 УПК РФ под защитником подразумевается лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Также в данной статье предусмотрено, что в качестве защитников допускаются адвокаты [2]. Согласно федеральному закону РФ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность. Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам [3].

Ч. 1 ст. 16 УПК РФ предусматривает следующее: "подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя" [2]. Понятие права на защиту комплексное, в него входит и право на судебную защиту нарушенных прав и интересов, и система установленных законодательством возможностей для эффективной защиты от предъявленного обвинения (подозрения) в уголовном процессе [5, с. 28].

Для надлежащей защиты прав и законных интересов своего доверителя, адвокат-защитник должен обладать достаточным объемом прав. Исходя из нормы ст. 53 УПК РФ, закрепляющей полномочия защитника, думается, что адвокаты действительно обладают широким кругом полномочий для осуществления эффективной защиты подозреваемого, обвиняемого. Вместе с тем реализация некоторых прав защитника вызывает спорные вопросы. Рассмотрим право защитника, предусмотренное ч. 1, п.2 ст.53 УПК РФ: собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи. Являясь одним из основных его прав, адвокат не вправе принимать процессуальное решение о признании каких-либо сведений доказательствами по уголовному делу. Сведения, обнаруженные и представленные защитником, могут быть облачены в необходимую процессуальную форму только органом уголовного преследования (в досудебном производстве) или судом на основании соответствующего ходатайства защитника [6, с. 101].

Названное право защитника осуществляется путём получения предметов, документов, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и организаций. В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 6 Федерального закона № 63-ФЗ от 31.05.2002 г. "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", указанные органы и организации в порядке, установленном законодательством, обязаны выдать адвокату запрошенные им документы или их заверенные копии не позднее чем в месячный срок со дня получения запроса адвоката. Кроме того, существуют сведения, составляющих ту или иную тайну, охраняемую законами, в которых регламентирован порядок предоставления таких сведений. Например, есть понятие врачебной тайны, которую медицинские учреждения обязаны соблюдать. Данное понятие раскрывается в ст. 13 Федерального закона РФ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"

21.11.2011 N 323-ФЗ, где сказано, что сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. В свою очередь, достаточно часто адвокаты отправляют запросы о предоставлении информации о состоянии здоровья лица, о факте обращения за медицинской помощью, о сроках нахождения в медицинском учреждении и т.п., ссылаясь, как правило, на нормы Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". Однако Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан определяют круг субъектов, которым могут быть предоставлены сведения, составляющие врачебную тайну, без согласия пациента или его законного представителя, защитник (адвокат) не назван. Согласно ст. 13, ч.4, п.3 Основ такие сведения могут быть предоставлены только по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осуждённого, осуждённого, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобождённого условно-досрочно [4]. Следовательно, у лечебно-профилактических учреждений есть полное и законное право отказать адвокатам в предоставлении запрашиваемых ими сведений. Поэтому адвокатам следует обращаться с ходатайством к органам следствия, суду об истребовании ими соответствующих данных от учреждений здравоохранения. И целесообразнее делать это сразу, причём в максимально короткие сроки, так как порой от наличия соответствующих сведений зависит построение определённой линии защиты.

Литература: 1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) //Собрание законодательства РФ. - 03.03.2014. - N 9. - Ст. 851. 2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // Собрание Законодательства Российской Федерации. - 24.12.2001. - N 52. 3. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013) "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации". 4. Федеральный закон РФ от 21.11.2011 N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" //Собрание законодательства РФ. - 28.11.2011. - N 48 - ст. 6724. 5. Богдановская В.А. "Конституционное право на защиту: проблемы реализации"// Адвокат. 2005. №2 С.28-37. 6. Бургер Б., Семенов В. Процессуальное положение адвоката в уголовном процессе // Уголовное право. 2009. № 4. С. 101 – 104.

Потудинский В. П.

*Ставропольский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
(Ставрополь)*

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ И ПОДПИСЕЙ, ВЫПОЛНЕННЫХ НА УКРАИНСКОМ И КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ НА ОСНОВЕ КИРИЛЛИЦЫ

Изучение судебной, следственной и экспертной практики по России показывает, что при осуществле-

нии оперативно-разыскной и следственной деятельности, направленной на выявление, пресечение, раскрытие и расследование различных видов преступлений (экстремизм, терроризм, торговля оружием и наркотиками, мошенничество и т.п.), а также при расследовании преступлений, связанных с избирательной кампанией, в качестве одного из источников информации об обстоятельствах совершения преступления нередко фигурируют рукописные записи и подписи, выполненные как на русском, а в Республике Крым - и на украинском и крымско-татарском языках, являющихся, согласно ст. 10 ч. 1. Конституции Республики Крым, государственными языками [1].

Далее рассмотрим современные украинский и крымско-татарский алфавиты.

Украинский алфавит, как и русский, содержит 33 буквы, незначительно отличается от него (в нем отсутствуют четыре буквы "ё", "ь", "ы" и "э"), но зато имеются буквы, имеющие иное графическое начертание:

- "Г г" (гэ) соответствует русскому "г";
- Є є (йэ) соответствует русскому "е" и (э) после мягкого согласного (јэ);
- І і (и) соответствует русскому "и", но несколько мягче;
- Ї ї (йи) соответствует русскому "й".

В алфавите употребляется апостроф (надстрочный знак в виде запятой) в значении разделительного знака, т.е. для отделения букв, следующих за согласными "ј" (йотированными) [3, с. 4-5; 4, с. 107].

Крымско-татарский алфавит также построен на основе русской графики (кириллицы), состоит из 33-х букв и 4-х буквосочетаний (комбинаций), которые используются для обозначения специфических звуков. В связи с этим следует подробно остановиться на вопросах их произношения:

- "Гъ гъ" (гэ) – шумный звонкий глубокорасщепленный фриктивный (звук, образуемый трением воздуха в узком проходе между сближенными органами речи – щелевой) согласный. Обозначает звук, напоминающий русский "г", но произносится гортанно и не имеет соответствия в русском языке;

- "Къ къ" (кы) - шумный глухой глубокорасщепленный (фарингальный звук, образующийся в результате сближения корня языка с задней стенкой зева) взрывной согласный. Обозначает звук, напоминающий русский "к", но произносится твердо и не имеет соответствия в русском языке;

- "Нъ нъ" (энь) – сонорный (звук, образующийся с преобладанием голоса над шумом) заднеязычный согласный, близок к звуку "нг", но произносится не как буква "н", а гортанно и не имеет соответствия в русском языке;

- "Дж дж" (джэ) – шумная звонкая переднеязычная аффриката (звук, состоящий из взрывного (смычного) и фриктивного (щелевого) элементов), произносится как русские буквы "д" и "ж", но только слитно, быстро и резко, как один звук и не имеет соответствия в русском языке.

Исследование записей и подписей, выполненных на украинском и крымско-татарском языках, с целью установления их исполнителей не отличается от исследования таких же объектов, выполненных на русском языке (кириллице), так как абсолютное большинство букв украинского и крымско-татарского алфавитов аналогичны по графике русской письменности, поэто-

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

му, как и при исследовании рукописей и подписей, выполненных на языках народов России на основе кириллицы, "вполне применима действующая методика производства почерковедческих экспертиз рукописей, выполненных на русском языке..." [2, с. 37]. В то же время изучение рукописных текстов и подписей, выполненных на вышеуказанных языках, позволяет выявить дополнительные признаки письменной речи и почерка, обусловленные особенностями украинского и крымско-татарского языков, наличием специфических букв украинского алфавита и буквосочетаний (комбинаций) букв, состоящих из 2-х знаков, выражающих специфические фонетические особенности крымско-татарского языка, неизвестные русскому языку.

В действующей же методике производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, отсутствуют приложения и дополнения с учётом вышеописанных букв и буквосочетаний украинского и крымско-татарского алфавита. Таким образом, если, например, запись или подпись выполнены по транскрипции в основном только специфическими буквами или буквосочетаниями, а идентификационная значимость признаков, обусловленных написанием этих букв и их сочетаний, не исследовалась и не вошла в вышеуказанную методику производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, то в данном случае результаты исследований рукописей и подписей, подвергшиеся сомнению, необходимо считать неполными и недостоверными.

Таким образом, из изложенного можно сделать вывод о том, что одним из выходов в данной ситуации будет являться разработка новой методики производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на украинском и крымско-татарском языках, либо разработка приложений или дополнений к существующей методике производства почерковедческих экспертиз рукописей и подписей, выполненных на русском языке, с учётом специфических букв и комбинаций отдельных букв, не имеющих аналогов в русской письменности.

Литература: 1. Конституция Республики Крым. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rada.crimea.ua/content/uploads/files/Constituciya.pdf> – (Дата обращения 02.03.2015); 2. Владимиров, В.Ю., Фролова, Ж.В. Некоторые аспекты исследования рукописных текстов, выполненных на языках народов Дагестана /В.Ю. Владимиров, Ж.В. Фролова //Вестник Московского государственного областного университета. - М.: Изд-во МГОУ, 2010, № 3; 3. Клименко, Н.И. Особенности исследования рукописей, выполненных на украинском языке /Н.И. Клименко //Криминалистическое исследование рукописей, выполненных на некоторых языках народов СССР: справочник следователя и эксперта /Под ред. Пинхасова Б.И. – М.: "Юрид. лит.", 1973; 4. Сохранич, Т.В. Об особенностях методики исследования почерков учащихся украинской и русской школ, обучающихся в современных условиях /Т.В. Сохранич //Криминалистика и судебная экспертиза: Межведомственный научно-методический сборник. Вып. 50 /Отв. ред. Б.С. Стычинский. – К.: Министерство юстиции Украины, 2001.

В последние годы видные учёные-криминалисты отмечают, что криминалистика и, особенно, её раздел "криминалистическая тактика" находится в кризисном состоянии. Одновременно учёные отмечают неразвитость у современного следователя криминалистического мышления, а если он не способен, по их мнению, использовать богатый тактический арсенал, то он превращается в лучшем случае лишь в грамотного писаря [6].

Почему же криминалистика потеряла свою былую значимость, когда её рекомендации так живо и с интересом воспринимались практикой? Одной из причин этого является становление реального состязательного процесса. Действительно, многие традиционные тактические приёмы криминалистов вряд ли будут столь же эффективными, когда многие следственные действия велись в отсутствии адвоката. Не удивительно, что в настоящее время все чаще следователи обращаются к универсальным тактическим приёмам и пытаются договориться с адвокатами - не реагировать на выявленные нарушения закона при производстве следственных действий. И результаты подобных действий налицо - работа наших правоохранителей все чаще становится объектом рассмотрения заседаний Европейского суда по правам человека [4].

Итак, кто он – современный процессуальный оппонент следователя? Активный субъект противодействия расследованию преступления или настоящий защитник законных прав граждан? Следует признать, что адвокаты-защитники в большинстве своём не стали ещё истинными защитниками прав простых граждан. Больше их активность проявляется разве лишь при участии по соглашению и, прежде всего, по делам, где задействованы "большие" деньги. Так, проведённое на кафедре уголовного процесса и криминалистики КФУ изучение правовых позиций адвоката-защитника и подсудимого по изученным 195 уголовным делам [6] в отношении 220 лиц показало: правовую позицию о признании себя виновным избрали 171 подсудимый (77,7% от общего количества подсудимых); о частичном признании себя виновным – 37 подсудимых (16,8%); о непризнании себя виновным – 12 подсудимых (5,4%). При этом 165 подсудимых были признаны судом виновными, а в отношении 55 подсудимых прекратили уголовные дела в связи с примирением сторон. Но нет ни одного оправданного! Вряд ли они могли появиться при крайне низкой активности защитников: ими было осуществлено по 195 делам 10 жалоб (6 – кассационных, 2 – надзорных, 2 – в порядке ст. 125 УПК РФ); 12 ходатайств. Причём, почти все жалобы и ходатайства заявили адвокаты, участвовавшие по соглашению. Хотя по соглашению адвокаты участвовали по 27 делам (13%), в 158 делах (81%) участвовали адвокаты по назначению [9]. Такая пассивность адвокатов-защитников никак не свидетельствует о полноценной защите прав и свобод граждан в уголовном процессе.

Представляется, нельзя утверждать, что ситуация за столь короткий срок (2007-20015 г.г.) серьёзно изменилась. Однако следователю уже опасно уповать на "единоначалие" в уголовном процессе при пассивности адвоката-защитника. Сегодня можно говорить об активно формирующейся современной тактике профессиональной защиты от государственного обвинения (тактики защиты [3]). При этом стало очевидным, что доказательства собираются и формируются не только судом, но и иными должностными лицами, а также адвокатом (ст. 74, 86 УПК РФ). Не является монополией государственных органов и оценка доказательств.

В условиях реального состязательного процесса адвокат-защитник пытается чаще и активнее использовать криминалистические средства и методы. Так, адвокату-защитнику предлагается проводить по каждому уголовному делу мысленное ретроспективное моделирование. Оно необходимо ему в целях: исследования имеющейся в деле информации, использования ею для выработки стилей защиты; "внедрения" в версию следствия (!). По мнению авторов рекомендаций, защитник в определённых ситуациях становится на позицию следователя, стремясь при этом предугадать или логически обосновать его возможные действия; проецируя на себя каждое следственное действие, при этом ощущая, каким образом оно отражается на подзащитном; прогнозируя поведение подзащитного в различных следственных ситуациях [5]. Таким образом, следователь должен знать, что в уголовном процессе применение метода рефлексии уже не является его монополией, а он сам является объектом при реализации данного метода адвокатом.

Созданы модели процессуального поведения адвокатов. Первая модель (исключительная) процессуального поведения защитника: момент допуска – фактическое задержание лица, подозреваемого в совершении преступления (ч.3 ст.49 УПК РФ, п.15 ст.5 УПК РФ). Вторая модель (первоначальная): момент возникновения подозрения и фигуры подозреваемого (ч.1 ст. 49). Третья модель: момент начала осуществления иного уголовно-процессуального принуждения. Четвертая модель: момент вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого или вынесения постановления о назначении судебного заседания. Пятая модель: момент ознакомления по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела [8]. Адвокатам настоятельно рекомендуется заводить по каждому уголовному делу "Адвокатское производство". Приводятся примеры из недавнего прошлого, когда на каждый ордер должно было быть представлено производство и это проверялось [2].

Конечно, требование о пересмотре тактического арсенала следователя связано не только с появлением фигуры защитника. В последние два десятилетия новейшей истории объектом специального изучения стали проблемы противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Однако рассмотрение теории противодействия расследованию и его преодоления немислимо без обращения к другой криминалистической теории – теории следственной ситуации. О взаимосвязи этих двух криминалистических теорий неоднократно отмечалось в юридической литературе.

При этом противодействие можно рассматривать как составной элемент следственной ситуации (фактор, оказывающий существенное влияние на её формиро-

вание). Следственную ситуацию можно представить как систему межличностных отношений, позиций, взглядов. Поэтому можно говорить, что это информационная модель противодействия [10]. Ближе эти понятия становятся при изучении противодействия расследованию и одного из видов следственной ситуации – конфликтной. На наш взгляд, их объединяет понятие "конфликт".

Конфликты (как "кирпичики", первооснова конфликтной ситуации и противодействия расследованию) в той или иной степени сопровождают весь цикл деятельности следователя по расследованию преступлений сначала на стадии предварительного расследования, а затем следователь может быть втянут в конфликт и при осуществлении судебного производства. Тщательный анализ всех конфликтов, возникающих в ходе расследования, позволит соответствующим образом оценить следственную ситуацию, определить степень её конфликтности.

Конфликт разрешается успешнее, если обе стороны заинтересованы в достижении некоторого общего результата, побуждающего их к сотрудничеству. Отсутствие желания обсуждать какие-либо вопросы конфликта не идёт на пользу ни одной из сторон. Например, отказываясь от участия в отдельных следственных действиях, обвиняемый лишается возможности полноценно защищаться.

В условиях действия УПК РФ, когда стремительно набирает обороты реальный состязательный процесс, сторона защиты все активнее позиционируется законодателем в её праве быть равной стороне обвинения. Одновременно усилилось противодействие расследованию преступлений. Однако, противостояние сторон в уголовном процессе имеет определённые пределы. В условиях активной реализации конституционного правила "о свидетельском иммунитете", состязательных основ в уголовном судопроизводстве, а также широкого доступа к персональной информации о личности назрел вопрос и о возможности сближения процессуальных позиций обвинения и защиты. Результатом этого сближения все чаще становится принятие компромиссного решения. Представляется, если законодатель категорически отмежевался от принципа объективной истины, речь может идти здесь о стремлении сторон к установлению "состязательного консенсуса [11]" по уголовному делу.

В рамках данной статьи остановимся на теоретической модели "состязательного консенсуса". Суть этой модели заключается в следующем: защитник должен стремиться к устранению всех противоречий на стадии предварительного расследования, а следователь (согласно ст. 159 УПК РФ) разрешить все обоснованные ходатайства и жалобы стороны защиты. Иначе действия сторон приобретают характер настоящего противоборства. Например, сторона защиты прибегает к некоторым доказательствам до суда, хотя они могли быть рассмотрены на стадии предварительного следствия.

Примечательны следующие примеры из адвокатской практики. Адвокат, приступив к защите на стадии судебного следствия, обнаружил существенные нарушения прав своих клиентов на стадии предварительного следствия. В частности, был нарушен порядок производства опознания, что позволило заявить о недопустимости данного источника доказательств: внешние признаки опознаваемых существенно отлича-

лись, а при производстве другого опознания – имело место повторное опознание, что запрещено законом. В дальнейшем эти обстоятельства в совокупности с другими фактами позволили обосновать последовательную правовую позицию адвоката о непричастности гр. М. к инкриминируемому ему составом преступления - по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ и по ч. 1 ст. 285 УК РФ и гр. Н. – по ст. 163 и 285 УК РФ [11].

"Гладкое" предварительное расследование при пассивной роли адвоката-защитника привели к необоснованным процессуальным решениям со стороны следователя, а в итоге – к оправданию подсудимых. Здесь можно говорить о таком понятии, как "конфликтная некомпетентность" следователя и защитника, когда ими не исследовалось развитие стадий конфликта в определённой последовательности (предконфликтная ситуация; инцидент; эскалация; кульминация и др.) [7]. Кульминация конфликта привела обе стороны к действиям, нанёсшим серьёзный ущерб в целом расследованию по делу.

Безусловно, стремление сторон к установлению "состязательного консенсуса" ведёт к упреждению возникновения таких сложных ситуаций. Например, самого пристального внимания требует правовое регулирование перекрёстного допроса, когда свидетели дают свои показания не в форме связного, последовательного рассказа, а в форме кратких ответов на следующий один за другим вопросы. Это позволит получить от свидетеля наиболее благоприятные для вызвавшей стороны ответы путём умело поставленных вопросов. Нормативное закрепление этого вида допроса отвечает духу состязательности.

В современном состязательном процессе традиционные приёмы на допросе подозреваемого или обвиняемого, как: "вызов", "внезапность", "отвлечение внимания", "создание напряжённости", "допущение легенды" сегодня уже весьма сложно применить следователю при допросе, проводимом при участии защитника. Вместе с тем, указанное обстоятельство не свидетельствует о снижении значимости различных тактических приёмов, разработанных криминалистикой, во всех ситуациях. Например, отдельные указанные тактические приёмы целесообразно применять сотрудникам правоохранительных органов при вооружённом задержании лиц, причастных к совершению особо тяжких преступлений (терактов, преступлений в сфере наркобизнеса и др.). Действительно, зачастую важную информацию о преступлении и преступниках мы можем получить в первые минуты силового задержания, особенно при вооружённом сопротивлении, остальное от лукавого – ведь оправившись после первого шока при задержании, преступник с помощью адвоката способен выстроить нужную систему защиты от обвинения.

Сегодня можно бесконечно дискутировать на тему: что лучше – участие понятых при производстве следственных действий или применение средств видеозаписи? В зависимости от ситуации расследования следователь должен исходить, как от отрицательных сторон участия понятых, так и отрицательных сторон применения только технических средств [7].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что необходимо разработать несколько иную "шкалу" тактических приёмов, применимых сторонами в условиях состязательности, чтобы обеспечить установление объ-

ективной истины. В целом же может быть создана криминалистическая модель "единства" и "дифференциации" тактических приёмов при производстве следственных действий на субъектном, ситуационном, реализационном и вариативном уровнях.

Литература: 1. Бойко Ю. Л., Егосин В. В. Участие понятых или применение технических средств при осмотре места происшествия: проблемы выбора // Допрос: процессуальные и криминалистические проблемы (памяти профессора Н.И.Порубова): Сб. матер. 55-х криминалистических чтений: В 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2014. Ч.1. – С. 76-81; 2. Борисова А.Ю. Проблемы реализации принципа состязательности сторон при осуществлении правосудия // Правосудие в Татарстане: Материалы научно-практич. конф. 2005. №3 (24) С. 56; 3. Волчекская Т.С. Криминалистическая тактика: анализ современных тенденций // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. Ч. 2. – М., 2004. – С. 50; 4. espch.ru // (сайт Европейского суда по правам человека); 5. Игнатов Д.С. Криминалистические основы деятельности адвоката-защитника по сбору доказательств и представлению их суду: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 42–45; 6. Криминалистика: учеб. / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. – М.: Велби, Изд-во Проспект, 2007. – с. 172; 7. Конфликтология : учебник / под ред. А.С. Кармина. 2-е изд., испр. СПб., 2001. С. 48–57; 8. Муратова Н.Д. Правореализационная модель процессуальных актов адвоката в уголовном судопроизводстве: Монография. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. С. 113-121; 9. Муратова Н.Д. Правореализационная модель процессуальных актов адвоката в уголовном судопроизводстве: Монография. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2010. С. 127-130; 10. Рахматуллин Р.Р. Методы выявления конфликтных ситуаций и преодоления противодействия расследованию преступлений в различных условиях: Монография /Р.Р. Рахматуллин: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). – Уфа, 2011. С. 8-10; 11. Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1988. – С. 245; 12. Уголовное дело № 31298 И другие // Архив Верховного Суда РТ за 2011г.; 13. Центров Е.Е. Особенности использования положений следственной тактики в правоприменительной деятельности //Криминалистика в системе правоприменения. – М., 2008. – С. 25 и др.

Рябинина Т. К., Козявин А. А.

*Юго-Западный государственный университет
(Курск)*

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ИЗ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

Введение в отечественный уголовный процесс особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве по замыслу законодателя должно создать систему уголовно-правовых и уголовно-процессуальных стимулов для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [1, 2], не только признать вину в совершении инкриминируемых им преступлений, но и согласиться оказать должное содействие органам расследования в изобличении соучастников преступления, в розыске имущества, полученного преступным путём, в раскрытии ещё не известных преступлений, которые без сотрудничества с данными лицами раскрыть и расследовать невозможно или чрезвычайно затруднительно.

Специфика участия адвоката в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве предопределяется тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве не типично по сравнению с традиционными для других отраслей права договорами и соглашениями, ибо не предполагает возможности полноценного апеллирования к судебной защите в случае его нарушения стороной об-

винения (например, отказа прокурора внести представление о рассмотрении дела в особом порядке, отказе применить меры безопасности, выделить в отдельное производство уголовное дело). Поэтому согласие на его использование при защите интересов обвиняемого должно быть крайне аккуратным и взвешенным.

Другая конструктивная процессуальная особенность данного порядка состоит в том, что он представляет собой совокупность особых процессуальных черт как предварительного расследования, так и судебного разбирательства, обусловленных в том числе и особенностью предмета соглашения между сторонами обвинения и защиты.

На досудебных стадиях эти особенности включают не известные иным процессуальным порядкам полномочия следователя, руководителя следственного органа и прокурора, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, отдельные права подозреваемого и обвиняемого, а также процессуальные действия, осуществляемые указанными участниками, в их отношении или при их участии (ст. 317¹ – 317⁵ УПК). Именно контроль за соблюдением своевременности, правомерности и обоснованности применения процессуальных норм о заключении досудебного соглашения следователем и прокурором, а также проверка полноты, реальности и исполнимости обязательств сторон, включаемых в досудебное соглашение, является важнейшей задачей адвоката-защитника на данном этапе.

Судебное разбирательство согласно ст. 317⁷ УПК проводится в особом порядке, предусмотренном ст. 316 УПК, и содержит практически ту же систему процессуальных особенностей. Основания и условия применения особого порядка при заключении досудебного соглашения чётко истолкованы Пленумом Верховного Суда России [3], среди которых особенно выделяется готовность подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в составе группы лиц оказывать реальное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению его соучастников, раскрытию ранее не известных преступлений, розыску полученного преступным путём имущества и т.д.

Адвокату-защитнику в целях реализации задач по обеспечению прав подзащитного следует помнить, что предмет досудебного соглашения о сотрудничестве обеспечивает следующее сочетание изъятия процессуальных гарантий прав подсудимого в обмен на процессуальные выгоды.

1) В отношении наказания не действует правило об ограничении его размера 2/3 максимального размера, а применяются нормы, устанавливающие ещё более льготный режим уголовно-правового воздействия (ч. 5 ст. 317⁵ УПК): об ограничении размера наказания 1/2 его максимального размера и другие льготы, в том числе предусмотренные ст. 64, ст. 66, 73, 80¹ УК, причём положения ст. 64 УК – даже при наличии отягчающих обстоятельств.

2) Законодатель ориентирует правоприменителя применять к обвиняемому, подозреваемому, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, а также их близким родственникам, родственникам и близким лицам меры личной безопасности (ст. 317⁹ УПК). Поэтому включение в предмет досудебного соглашения обязательств выделить уголовное дело в отношении обвиняемого в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК), хранить документы, оформляющие до-

судебное соглашение о сотрудничестве, в материалах дела в опечатанном конверте в условиях, исключающих к нему доступ, рассмотреть уголовное дело в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК), применить меры государственной защиты, предусмотренные Федеральным законом от 20.08.2004 "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства", вполне оправдано.

3) На рассмотрение дела в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве никак не влияет позиция потерпевшего, гражданского истца и их представителей, они не являются стороной соглашения.

Досудебное соглашение о сотрудничестве имеет предметом условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК). Однако необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, обязательства подозреваемого, обвиняемого сильно предопределены нормами права, а не вырабатываются сторонами. Так, согласно п. 6, 7 ч. 2 ст. 317³ УПК, в досудебном соглашении о сотрудничестве указываются действия, которые подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении им обязательств по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Данные положения, изложенные в законе, применительно к конкретным обстоятельствам уголовного дела конкретизируются, насколько это возможно, в досудебном соглашении. Прокурорская практика требует включать в досудебное соглашение следующие обязательства обвиняемого, подозреваемого: а) добровольно участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбуждённому в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам; б) добровольно участвовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершенного преступления; в) сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имуществе, добытом преступным путём, о структуре преступной организации, её руководителях [4].

Адвокат-защитник должен следить, чтобы обязательства подзащитного были сформулированы как реально исполнимые, без неконкретных и оценочных категорий, чтобы в соглашение не включались положения, выходящие в силу своей неконкретности явно за рамки цели соглашения – содействия следствию в раскрытии преступлений и изобличении виновных. Например, следует оспаривать требование содействовать в выявлении и раскрытии всех преступлений, аналогичных тому, в совершении которого подозревается или обвиняется подзащитный, в течение неопределённого времени, оспаривать обязательство осуществлять действия, требующие применения специальных профессиональных навыков, которыми подзащитный не обладает.

В частности, обязательства по признанию гражданского иска и возмещению вреда, причинённого преступлением, в него могут включаться только с учётом солидарного характера ответственности соучастников преступления.

Так, в 2011 году приговором суда, постановленным в особом порядке в связи с заключением соглашения, К. был осуждён по ст. 162 ч.4 п. п. "а, б" УК РФ. Приговором был в полном объёме удовлетворён иск потерпевшей стороны о возмещении материального ущерба, причинённого преступлением. Суд кассационной инстанции приговор в указанной части отменил и направил исковые требования на новое рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. В кассационном определении суд указал, что решение суда о взыскании всей суммы ущерба с К. при наличии вступившего в законную силу приговора в отношении других соучастников преступления, где взыскание той же суммы присуждено в солидарном порядке, не может быть признано законным и обоснованным [5].

Также излишними являются обязательства участвовать в оперативно-розыскных мероприятиях, которые связаны с риском для жизни или здоровья.

Примером формулирования обязательств обвиняемого в досудебном соглашении может служить уголовное дело по обвинению П. в совершении преступлений, предусмотренных п. "б" ч. 4 ст. 158 ч. 4, ч. 2 ст. 272, ч. 3 ст. 183 УК РФ. В досудебном соглашении, заключённом по делу, обвиняемый обязался: 1) дать подробные и правдивые показания: по всем известным ему обстоятельствам совершенных преступлений; сообщить следствию сведения о количестве лиц, участвовавших в совершении вменённых ему преступлений, и активно содействовать персонификации этих лиц (сообщить следствию номера мобильных телефонов этих лиц, города, в которых проживают эти лица и (или) их родственники); 2) выдать следствию денежные средства, составляющие переданную ему долю похищенного имущества, сверх имущества, на которое в ходе следствия наложен арест; 3) совершить необходимые формальные действия, направленные на досудебное возмещение имущественного ущерба, включающее передачу банку "R...", признанному потерпевшим по делу, всего арестованного по делу имущества; 4) дополнительно передать в счёт возмещения причинённого имущественного ущерба банку "R..." 250 000 (двести пятьдесят тысяч) евро и 50 000 (пятьдесят тысяч) долларов США; 5) сообщить следствию известную ему информацию о лицах, занимающихся "обналичиваем" денежных средств с банковских счетов; 6) в случае необходимости осуществлять консультирование по вопросам компьютерно-информационной безопасности, в том числе в сфере оказания банковских услуг.

Во-вторых, адвокату нужно понимать и разъяснить подзащитному, что обязательства, которые берет на себя сторона обвинения, состоят не более, чем в представлении суду положительного заключения о полноте и добросовестности исполнения обвиняемым его обязательств согласно досудебному соглашению. Суд при этом, не являясь стороной соглашения, будет независимо исследовать характер и пределы содействия обвиняемого следствию (п. 1 ч. 4 ст. 317⁷ УПК) и определять меру наказания в рамках, предписанных ч. 2 или 4 ст. 62 при отсутствииотягчающих обстоятельств и, возможно, ст. 64, 73 и 801 УК.

Как показывает судебная практика, суды, установив соблюдение всех условий досудебного соглашения, очень часто применяют положения ст. 64 УК, хотя в большинстве случаев рассмотрения особо тяжких преступлений это не освобождает обвиняемого, заклю-

чившего досудебное соглашение о сотрудничестве, от реального лишения свободы, на что впоследствии жалуются осуждённые [6, 7, 8]. Защитнику следует разъяснять, что назначение существенно более мягкого наказания в силу тяжести преступления не предполагает назначения наказания, не связанного с лишением свободы.

По этой причине в досудебное соглашение не могут быть включены обязательства об исключении эпизодов преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, о более мягкой квалификации деяния, о конкретном размере наказания, об обязательном применении норм об освобождении от наказания, об изменении категории преступления на основании ч. 6 ст. 15 УК. Однако ничто не мешает адвокату-защитнику ставить вопросы, связанные с применением наказания, ссылаясь на добросовестное выполнение подзащитным обязательств, указанных в досудебном соглашении.

Литература: 1. Астафьев, Ю.В. Компромисс или сделка? (практические проблемы заключения досудебных соглашений о сотрудничестве) [Текст] / Ю. В. Астафьев // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): материалы научно-практической конференции (Воронеж, 21-22 декабря 2009 года). - Сер.: Юбилей, конференции, форумы. - Вып. 6. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. - С.20-28; 2. Рябинина Т. К. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: проблемы нормативной регламентации [Текст] / Т. К. Рябинина, А. А. Козьявин // Материалы международной научно-практической конференции "Государство и право: вызовы 21 века (Кутафинские чтения)": сборник тезисов. - М.: ООО "Изд-во "Элит", 2009. - С. 562-567; 3. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]: пост. пленума Верховного Суда России [принят 28.06.2012] // Рос. газ. 2012. 11 июля; 4. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам [Электр. ресурс]: приказ Генерального прокурора от 15 марта 2010 г. № 107 // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257288> (дата обращения: 01.03.2015); 5. Обобщение по результатам изучения практики применения судами Московской области норм главы 401 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве за 2010 год и первое полугодие 2011 года [Электр. ресурс] // URL: http://www.mosobljud.ru/ss_detale.php?id=143377 (дата обращения: 01.03.2015); 6. Определение Верховного Суда России от 22.03.2011 № 11-О11-25 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. "Гарант". Дата обновления: 01.03.2015; 7. Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2010 № 66-О09-228 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. "Гарант". Дата обновления: 01.03.2015; 8. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2011 № 11-О11-13 [Электр. ресурс] // Доступ из справ.-прав. сист. "Гарант". Дата обновления: 01.03.2015.

Смирнова И.Г., Коломинов В.В.

Байкальский государственный университет экономики и права (Иркутск)

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ*

Расследование преступлений, совершенных в киберпространстве, не только имеет особую важность,

* Материал подготовлен в рамках выполнения проекта "Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности" в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014-2015 годы (договор № 14.З56.14.2691-МД).

поскольку представляет повышенную опасность национальным интересам государства, но и сопряжено с особыми сложностями процессуального и тактического характера ввиду трудностей определения места совершения преступления, недостаточности процессуальных средств для изъятия следов преступления.

В этой связи, нельзя обойти вниманием такое следственное действие как *осмотр места происшествия*, особенности производства которого также следует учитывать при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации. В ходе осмотра места происшествия следователь устанавливает, исследует и фиксирует обстановку места происшествия, следы преступления, преступника и иные фактические данные, позволяющие в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме преступления.

По уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации осмотр места происшествия производится с целью выявления:

- компьютерных следов, а также их объектов – носителей (например, компьютера или системного блока, флеш-накопителей и т.п.);

- традиционных (например, трасологических) следов присутствия конкретного лица на месте происшествия;

- особенностей доступа, организации, функционирования и устройства различных видов сетей, используя которые было совершено мошенничество;

- устройств регистрации и видео фиксации, осуществляемых на территории юридического лица, либо прилегающей территории к месту совершения преступления и т.п.

Вместе с тем, учёные и практические работники давно ведут дискуссию о тактических приёмах, которые необходимо применять и использовать при производстве данного следственного действия, в случае если осмотру подвергаются компьютерно-технические средства. Не вступая в дискуссию по данному поводу, остановимся на особенностях такого осмотра, с учётом проведённого анализа уголовных дел, материалов изученной следственной и судебной практики, а также опроса сотрудников правоохранительных органов, принимавших участие в расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Данные особенности, в основном, связаны с выявлением следов, указывающих на действия мошенников, направленных на изменение свойств компьютерной информации, т.е. на её копирование, блокирование, модификацию и т.п.

Так, обязательно подвергается осмотру компьютерно-техническое средство и содержимое хранящихся в нём файлов, который следует осуществлять в рамках детального осмотра программных средств, находящихся на конкретном машинном носителе информации. При этом М.Ш. Махтеев предлагает обязательное закрепление всех основных характеристик файла (каталога), включая его физическое размещение на машинном носителе, а также фрагмента или всего содержимого файла путём распечатки этих данных и приобщения к протоколу осмотра [4, с.103]. Представляется, что такие действия только затянут время осмотра и не принесут желаемого результата, поскольку следователь без специальных исследований практически не в состоянии обнаружить файлы, содержащие интересующую его криминалистическую информацию. Кроме того, в ходе осмотра может возникнуть необходимость исследова-

ния не одного компьютерно-технического средства, а значительного их количества.

Именно на это обстоятельство указывает С.В. Пропастин, отмечая, что в ситуации, когда требуется обнаружить, изъять и использовать в доказывании компьютерную информацию, находящуюся на электронном носителе практика, как минимум, использует возможности как осмотра, так и судебной экспертизы. Однако, согласно наблюдениям, автор указывает, что производство судебной компьютерной экспертизы все-таки является преимущественным способом обнаружения обозначенной информации. В связи с этим, актуальной видится проблема разграничения возможностей осмотра и судебной экспертизы, используемых для обнаружения и исследования компьютерной информации [7, с.129-132]. Выражая своё согласие с высказыванием автора заметим, что решение такого вопроса действительно позволит следователю добиться экономии времени и затраченных усилий (при выборе осмотра как допустимого способа обнаружения и исследования компьютерной информации), либо избежать потерь и обнаружить важные сведения (при производстве судебной экспертизы в случае недопустимости проведения осмотра).

Кроме этого, в целях сокрытия следов преступления, преступниками может использоваться различное программное обеспечение и средства, которые, в случае попыток обнаружения или изъятия соответствующих файлов или программных продуктов, влекут уничтожение информации.

При принятии решения о производстве осмотра места происшествия можно рекомендовать произвести осмотр обнаруженных компьютерно-технических средств, которые, по мнению следователя, использовались в качестве орудий и средств совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, установление их целостности и последующее изъятие. Впоследствии необходимо их тщательно осмотреть в более комфортных условиях (например, в кабинете следователя) с обязательным привлечением специалиста в области компьютерных технологий и после чего направить на исследование.

Особую ценность может представлять информация, находящаяся в памяти не только компьютерно-технического средства, но и иного технически сложного устройства (смартфона, планшета и т.п.).

В этой связи, К.Е. Демин и А.А. Васильев обращают внимание, что по ЧИП-карте "личного" электронного устройства, возможно установить информацию и идентифицировать её держателя, а его исследование позволит выявить сведения, содержащиеся в памяти микропроцессора, найти попытки несанкционированного изменения информации и др. Авторы также указывают, что для системы GPRS/UMTS в случаях работы с системами мобильных платежей и проведёнными транзакциями может быть установлен MSISDN (Международный ISDN номер подвижного абонента), его PIN-код, проведённые транзакции и т.д. [2, с.444].

К изложенному добавим, что в памяти технически сложного устройства, как правило, имеет место хранение телефонных номеров, смс-сообщений. В журнале вызовов можно обнаружить контакты, с которыми связывался абонент с указанием времени и продолжительности связи. Кроме того, данные устройства хранят информацию о соединении с глобальной сетью Интер-

нет, в т.ч. через оператора мобильной связи, а также в результате доступа через Wi-Fi.

Подобные суждения высказывают А.М. Багмет и С.Ю. Скобелин, которые пишут, что использование электронных устройств (сотовых телефонов, смартфонов, планшетных компьютеров, портативных устройств GPS и пр.) в приговоре, совершении преступлений, сокрытии его следов потребовало от криминалистов пересмотра современных возможностей по сбору доказательственной информации. Авторы считают актуальным вопрос, связанный с изъятием, фиксацией и исследованием информации, содержащейся в таких средствах, отмечая, очевидную ценность такой информации для выявления, раскрытия и расследования преступлений [1, с.22-27].

Действительно, в настоящее время с ее помощью следователь помимо ознакомления с журналом звонков, содержанием смс-сообщений и переписок в чатах, голосовых сообщений, может также определить местонахождение интересующих следствие лиц в определенное время. Такую возможность предоставляют операторы мобильной связи и непосредственное исследование технически сложного устройства.

О нередком использовании при совершении преступлений, в т.ч. для переговоров соучастников средств сотовых систем подвижной связи, а именно пользовательского оборудования указывает в своей работе В.А. Козинкин [3, с.34]. Представляется, что информацию, изымаемую из указанных источников, следует достаточно активно использовать при производстве вербальных следственных действий. Данное положение подтверждает высказанную позицию о необходимости изъятия всех объектов, имеющих компьютерно-техническую природу, поскольку современные технические возможности в совокупности со следственными действиями позволяют получить значительный объем информации не только о конкретных лицах, в т.ч. причастных к исследуемому мошенничеству, но и месте их нахождения в конкретный промежуток времени.

Следователь обязан помнить о том, что на компьютерах могут быть установлены специальные защитные программы, которые без получения в определенный момент специального кода сами приступают к уничтожению информации, что возможен пароль доступа к компьютеру или к отдельным программам. При этом даже специалисту могут встретиться незнакомые, новые программно-технические средства. Целесообразно в таких ситуациях получить доступ к таким паролям и, по возможности, чтобы они были выданы добровольно. В этом случае следует определить содержание компьютерной информации, осуществить копирование документов, имеющих отношение к расследуемому мошенничеству.

Учитывая, что в соответствии с действующим законодательством изъятию подлежит только та информация, которая имеет отношение к расследуемому виду мошенничества, следователь должен определить ее содержание, а также скопировать имеющие отношение к расследуемому событию документы. Однако при отсутствии в распоряжение следователей необходимых к ее доступу паролей, или как отмечают отдельные учёные, в связи со значительным объемом такой информации и невозможностью сразу определить, что касается расследуемого события, а что нет, следует изъять либо целиком компьютер, либо системный блок [5, с.49].

В этой связи справедливо замечание А.А. Протасевича и Л.П. Зверянской о том, что очень важно соблюсти целостность компьютерной информации, т.е. сохранить ее в полном и неизменном виде. Авторами отмечается, что данное требование можно выполнить за счёт привлечения специалиста, а также применения специальных программных средств, гарантирующих сохранение компьютерной информации [8, с.274].

В ходе опроса практических работников 75% респондентов указали на то, что в ходе осмотра по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации они сталкивались тем, что на компьютерах и технически сложных устройствах обнаруживали специальные защитные программы и пароли. Анализ материалов уголовных дел исследуемой категории свидетельствует о том, что субъекты преступной деятельности, совершавшие преступления в составе группы лиц, в том числе организованных групп, для сокрытия следов преступной деятельности использовали в 97% случаях пароли и защитные программы.

Анализ различных подходов к разработке тактических рекомендаций указывает на необходимость упрощения процедуры такого следственного действия, как осмотр места происшествия.

Относительно того, в каком объеме следует вести работу на месте происшествия по исследуемым преступлениям, в тактическом отношении целесообразно использовать субъективный метод осмотра, который характеризуется тем, что следователь ограничивает свою деятельность исследованием той площади места происшествия, где выражены следы действий преступника. Это особенно актуально, если осмотр производится в помещении или на территории юридического лица, где сосредоточено, как правило, большое количество компьютерно-технических средств и их изъятие в полном объеме нецелесообразно и необоснованно. В данном случае следователю необходимо выявить и отразить в протоколе осмотра всю объективную картину организации и функционирования системы компьютерно-технических средств предприятия (учреждения, организации), а изъять те из них, которые, по его мнению, могли быть использованы при совершении преступления. Остальные устройства необходимо описать и передать на ответственное хранение представителю данного предприятия. Во всех случаях целесообразность изъятия компьютерно-технических средств должна определяться с учётом характера преступных действий, а также необходимости осуществления дальнейшей организационно-хозяйственной деятельности юридического лица.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость, в случае отсутствия ориентирующей информации перед производством осмотра получить ее при опросе представителей юридического лица. В ходе подготовки к производству осмотра, в том числе и беседы с представителями предприятия, учреждения, организации необходимо получить первичную информацию о системах организации процесса функционирования компьютерно-технических средств, а также установить те, которые могли быть использованы в результате совершения мошенничества.

На данное обстоятельство прямо указывают отдельные учёные, которые отмечают, что обязательно следует выявить администратора системы и провести его опрос. При опросе необходимо выяснить: какие опера-

ционные системы установлены на каждом из компьютеров; какое программное обеспечение используется; какие программы защиты и шифрования используются; где хранятся общие файлы данных и резервные копии; пароли супервизора и администраторов системы; имена и пароли пользователей [6, с.47].

Во всех случаях совершения преступлений в сфере компьютерной информации при производстве осмотра места происшествия, необходимо учитывать текущее состояние компьютерно-технических средств и время, прошедшее с момента совершения преступления до момента осмотра. Такое положение обусловлено тем, что в большинстве случаев, с момента совершения преступного деяния до производства следственных действий проходит определённый (как правило, значительный) промежуток времени. В этот период может производиться: неоднократное включение и выключение компьютерно-технического средства; осуществление различных операций, в том числе, идентичных преступным действиям; использование компьютерно-технических средств значительным количеством сотрудников юридического лица и т.п. Все это ведёт к потере как традиционных, так и "компьютерных" следов преступных действий мошенников.

Представляется, что в таком случае необходимость тщательного изучения содержимого компьютера на месте производства осмотра отпадает. В связи с этим компьютерно-технические средства после осуществления их фиксации можно безболезненно изъять. Однако следует предполагать, что программное обеспечение, использовавшееся для совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, вряд ли будет находиться в легкодоступных файлах, программах компьютера или сетях, а их обнаружение и выявление возможно только в ходе тщательного исследования специалистами в области компьютерных технологий.

Таким образом, осмотр места происшествия по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации в значительной степени направлен на выявление криминалистически значимой информации, свидетельствующей о механизме преступления, возможности совершения мошенничества конкретным способом, последовательности определённых действий субъектами преступной деятельности, об установлении соответствия уже полученной информации выдвинутым версиям. Кроме того, с помощью осмотра выявляются и фиксируются следы, указывающие на причастность к совершенному деянию конкретного лица, изымаются компьютерно-технические средства, имеющие отношение к компьютерным преступлениям. Это предопределяет выбор следователем способа, метода и содержания осмотра места происшествия.

Таким образом, производство следственных и иных процессуальных действий, по уголовным делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации имеет определённые особенности, которые в полной мере обусловлены механизмом преступной деятельности, а также субъектами его совершившими. Для достижения положительного результата и цели производимого следственного действия следователю необходимо тщательно готовиться к его производству, используя многообразные тактические приёмы и помощь специалистов.

Литература: 1. Багмет А.М., Скобелин С.Ю. Извлечение данных из электронных устройств как самостоятельное следственное

действие // Право и кибербезопасность. – 2013. – № 2; 2. Демин К.К., Васильев А.А. Проблемы производства осмотра информационно-телекоммуникационных систем // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Сб. матер. 50-х Крим. чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 2.; 3. Козинкин В.А. Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи: монография. – М.: Издательство "Юрлитинформ", 2010; 4. Махтеев М.П. Методика расследования компьютерных преступлений: Учебное пособие. – М.: РосНОУ, 2007; 5. Методика расследования налоговых преступлений: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. А.А. Кузнецова. – М.: ЦОКР МВД России, 2007; 6. Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: Учеб. пособие / Под ред. Ю.В. Гаврилина. – М.: ЮИ МВД РФ, 2003; 7. Пропастин С.В. Осмотр или судебная экспертиза: выбор в пограничных ситуациях (на примере обнаружения и исследования компьютерной информации) // Современное право. – 2013. – № 6; 8. Протасевич А.А., Зверьянская Л.П. Проблемы собирания и оценки компьютерной информации как доказательства // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина): Сб. матер. 53-х крим. чтений: в 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 3.

Титов А. Н.

*Донбасская юридическая академия
(Донецк)*

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

7 апреля 2014 года в ответ на произведённый в Киеве государственный переворот, незаконный захват власти, массовые нарушения норм международного права и законодательства Украины Съезд представителей административно-территориальных образований Донецкой области, исходя из положений Устава Организации Объединённых Наций и целого ряда других международных документов, закрепляющих право народов на самоопределение, провозгласил Декларацию о суверенитете Донецкой Народной Республики. В тот же день Донецкий областной совет принял Акт о провозглашении государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики. 11 мая 2014 г. был проведён референдум, на котором около 90% жителей Донецкой области поддержали Акт о провозглашении государственной самостоятельности ДНР. Были сформированы органы законодательной и исполнительной власти, началось государственное строительство. 14 мая 2014 г. Народный Совет ДНР принял Конституцию Донецкой Народной Республики. В условиях войны, развязанной лицами, совершившими государственный переворот на Украине, встал вопрос о действии законодательства на территории ДНР. В связи с отсутствием законодательной базы на территории ДНР и необходимостью постоянного регулирования отношений между субъектами права 2 июня 2014 г. Совет Министров ДНР принял постановление № 9-1 "О применении законов на территории ДНР в переходный период". Этим документом установлено, что до принятия Законов ДНР, регулирующих отношения между субъектами права, Министрствам и ведомствам ДНР надлежит применять Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР. Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой

Народной Республики, Конституции ДНР подлежат утверждению Советом Министров ДНР. Кроме того, был введён в действие на переходный период на территории ДНР УПК УССР от 28 декабря 1960 г. с изменениями до 2012г. в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР [1]. Учитывая, что представители государственной власти Донецкой области получили из Киева приказ бежать из Донецкой области и вывозить государственное имущество и документы, работа судов на территории ДНР оказалась заблокирована. Соответственно, оказалось невозможным применение норм уголовно-процессуального законодательства, связанных с осуществлением судами функции судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Генеральной прокуратурой ДНР было принято решение о применении на территории ДНР до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса УПК УССР 1960 г. по состоянию до проведения т.н. "малой судебной реформы", т.е. на 12 июня 2001 г., когда суды ещё не имели функции судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

В соответствии со ст. 21 действующего на территории ДНР УПК, подозреваемому, обвиняемому и подсудимому обеспечивается право на защиту. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, судья и суд обязаны до первого допроса подозреваемого, обвиняемого и подсудимого разъяснять им право иметь защитника и составить об этом протокол, а также предоставить подозреваемому, обвиняемому и подсудимому возможность защищаться установленными законом средствами от предъявленного обвинения и обеспечить охрану их личных и имущественных прав [2].

Исходя из ст. 44 УПК ДНР, защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения меры пресечения в виде заключения под стражу – с момента объявления ему протокола о задержании или постановления о применении пресечения, но не позднее двадцати четырёх часов с момента задержания. По делам об общественно опасных деяниях, совершенных лицами в состоянии невменяемости, а также о преступлениях лиц, заболевших душевной болезнью после совершения преступления, защитник допускается к участию в деле с момента получения доказательств о душевном заболевании человека. В случае, если дознание или предварительное следствие не проводилось, защитник допускается к участию в деле после предания обвиняемого суду. По делам об общественно опасных деяниях, совершенных несовершеннолетними, не достигшими возраста, с которого возможна уголовная ответственность, защитник допускается к участию в деле с момента ознакомления несовершеннолетнего и его родителей или лиц, их заменяющих, с постановлением о прекращении дела и с материалами дела, а в случае помещения несовершеннолетнего в приёмник-распределитель – не позднее двадцати четырёх часов с момента помещения [2].

Здесь следует отметить, что данным законом не установлен круг лиц, которые могут быть защитниками по уголовным делам. Дело в том, что норма ч. 1 ст. 44 УПК УССР 1960 года, которая гласила: "В качестве защитников подозреваемых, обвиняемых и подсудимых допускаются лица, имеющие свидетельство на право занятия адвокатской деятельностью. С согласия подсу-

димого допускаются близкие родственники, опекуны или попечители" [3], была признана неконституционной и утратила свою силу [4]. Мы полагаем, что Конституционный Суд Украины в решении по делу о свободном выборе защитника презрел подавляющее большинство международных принципов, которыми руководствуются защитники по уголовным делам (и на которые, кстати, сам Суд ссылался): наличие профессиональной подготовки, государственные гарантии осуществления защиты (соблюдение профессиональной тайны, иммунитеты), соблюдение норм профессиональной этики, дисциплинарное производство за допущенные правонарушения, в т.ч. ненадлежащее осуществление защиты. Кроме того, было заблокировано участие защитников в делах по назначению. Решение по делу о свободном выборе защитника не толковало Конституцию, а, по сути, вопреки закону, породило новую норму в угоду определённой группе людей, что привело к затруднениям при применении закона на практике и уж никак не улучшило качество предоставляемой защиты [5].

Кроме того, было заблокировано участие защитников в делах по назначению, т.к. механизм назначения защитника в законе не прописан.

Порядок, по которому на территории ДНР применяются законы Украины, не соответствует общей теории права. Так, как отмечалось выше, в соответствии с п. 2 постановления Совета Министров ДНР от 2 июня 2014 г. № 9-1 "О применении законов на территории ДНР в переходный период" Законы Украины или Законы других государств в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, Конституции ДНР подлежат утверждению Советом Министров ДНР [1], т.е. органом исполнительной власти, не имеющим полномочий на принятие законов. В настоящее время подготовлен законопроект "О государственном устройстве и управлении в переходный период", которым будет установлен порядок действия на территории ДНР законов, нормативных правовых актов органов власти и органов местного самоуправления Украины, принятых до провозглашения Донецкой Народной Республики как независимого суверенного государства.

Закон ДНР "О прокуратуре" был принят Верховным Советом Донецкой Народной Республики 15 июля 2014 г., а вот закон, регламентирующий деятельность адвокатуры в ДНР, принят не был. Не был утверждён Советом Министров ДНР ни один из законов Украины об адвокатуре. Таким образом, оказалось, что отсутствует закон, регламентирующий деятельность адвокатов на территории ДНР. Это дало повод органам, ведущим уголовный процесс, отказывать адвокатам в участии в уголовном процессе, причём это касалось даже дел, в которых участие защитника является обязательным. При этом Генеральная прокуратура ДНР такую позицию поддержала. Несмотря на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 41 Конституции Донецкой Народной Республики каждый задержанный, заключённый под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [6], реализация такого права оказалась невозможной.

С целью обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридиче-

ских лиц, а так же становления и развития института адвокатуры на территории Донецкой Народной Республики Министерством юстиции ДНР 16 января 2015 г. приказом № 16 было утверждено Временное Положение об адвокатуре, которое определяет правовые основы организации и функционирования адвокатуры и адвокатской деятельности на территории ДНР, в т.ч. права, обязанности адвоката, гарантии адвокатской деятельности. Пункт 29 этого Положения устанавливает, что лица, проживающие на территории Донецкой Народной Республики и имеющие статус адвоката, в соответствии с законодательством Украины по состоянию на дату вступления в силу данного Положения, для осуществления адвокатской деятельности на территории ДНР обязаны зарегистрироваться в Реестре адвокатов Донецкой Народной Республики. Министерство юстиции Донецкой Народной Республики после проведения регистрации адвоката в Реестре адвокатов Донецкой Народной Республики, в течении пяти дней выдаёт свидетельство о праве осуществления адвокатской деятельности [7]. Тем не менее, проблему допуска адвокатов к участию в уголовном процессе это Положение не разрешило. 13 марта 2015 г. проект закона ДНР "Об адвокатуре и адвокатской деятельности" принят Народным Советом Донецкой Народной Республики принят в первом чтении. В ближайшее время после доработки закон планируется принять в целом. Следует акцентировать внимание на необходимости незамедлительного принятия закона, регламентирующего участие защитника в уголовном процессе по назначению, что является особенно актуальным в настоящее время, когда вследствие боевых действий и экономической блокады со стороны незаконных властей Украины многие граждане не имеют возможности оплатить юридическую помощь.

Проектом УПК ДНР предусмотрено, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и/или законного представителя (ч. 1 ст. 28). В качестве защитников допускаются адвокаты, имеющие свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью (ч. 2 ст. 63). Защитник допускается к участию в деле: 1) с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; 2) с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица; 3) с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления; 4) с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы; 5) с момента начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления; 6) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом (ч. 4 ст. 63) [8].

Полагаем, что целесообразным было бы уточнить, что право на защиту имеют также подсудимый, осуждённый и оправданный, а возможность допуска защитника к участию в деле определить с момента получения лицом статуса подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осуждённого, оправданного. Что касается доследственной проверки, то стоит говорить не о защите, а об

оказании юридической помощи, порядок которой также следует предусмотреть в УПК наряду с регламентацией участия в уголовном процессе адвоката свидетеля. Кроме того, учитывая, что проект УПК ДНР содержит норму, позволяющую стороне обвинения назначать судебную экспертизу, исследования, принимать участие в их производстве и получать заключения экспертизы и специалиста в разумный срок (п. 4 ч. 4 ст. 148) [8], следует предусмотреть возможность лица, в отношении которого проводится проверка, реализовать свои права при назначении экспертизы, в том числе относительно участия при этом адвоката. И ещё раз подчеркнём, что необходимо незамедлительно разработать и принять закон, регламентирующий механизм назначения защитника и порядок предоставления юридической помощи бесплатно.

Литература: 1. О применении законов на территории ДНР в переходный период : постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 2 июня 2014 года № 9-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dnr-online.ru/doc/dokumenty-sovetaministrov/postanovlenie-9-1-ot-02-06-2014g-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perexodnyj-period/>; 2. Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 12 червня 2001 року) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20010612/print1415398918971953>; 3. Кримінально-процесуальний кодекс України, затверджений Законом від 28 грудня 1960 року (за станом на 24 жовтня 2000 року) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1001-05/ed20001024/print1415398918971953>; 4. Решение Конституционного Суда Украины по делу о конституционном обращении гражданина Солдатова Геннадия Ивановича относительно официального толкования положений статьи 59 Конституции Украины, статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Украины, статей 268, 271 Кодекса Украины об административных правонарушениях от 16 ноября 2000 года № 13-рп/2000 // Юридическая практика. – 2000. – 30 ноября; 5. См., напр.: Титов А. Н. Право свободного выбора защитника на Украине / А. Н. Титов // Судебное правоприменение : проблемы теории и практики / ред. В. М. Сырых. – М.: РАП, 2007. – С. 375-383; Титов А. Н. Соблюдается ли в Украине право на свободный выбор защитника? / А. Н. Титов // Європейські стандарти захисту прав та свобод людини у кримінальному судочинстві : матеріали науково-практичної конференції (м. Харків, 13 грудня 2013 р.). – Х.: Право, 2013. – С. 117-120; 6. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr>; 7. Временное Положение об адвокатуре : утверждено приказом и.о. Министра юстиции Донецкой Народной Республики от 16 января 2015 года № 16 ; зарегистрировано в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики 16 января 2015 года, регистрационный № 11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vk.com/minjustdnr>; 8. Проект Уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://supcourt-dnr.su/content/proekt-ugolovno-processualnogo-kodeksa-doneckoy-narodnoy-respubliki>.

Тихомирова Т. О.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД
России
(г. Симферополь)*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛЕДОВАТЕЛЯ

1. Успешное рассмотрение уголовного дела в суде зависит от многих факторов. Это и профессионализм судьи, независимость судебной власти, надлежащее материальное и организационное обеспечение, высокое качество законодательного обеспечения и т.п.. История развития уголовного процесса наглядно продемонстрировала, что в ряду всех факторов самым важным является первоначальный этап уголовного судопроизводства

ва. Это относится и к оперативности реагирования на преступления, производству неотложных следственных действий, задержанию подозреваемых. Осуществить все это непосредственно в судебном разбирательстве невозможно, но и подготовить дело к рассмотрению в суде крайне важно. Причём выполнение действий на предварительном расследовании должно также осуществляться субъектом, процессуальная независимость и самостоятельность которого приближается к судебной. В том числе и этими причинами было обусловлено появление в середине XIX века в российском уголовном процессе института предварительного следствия. Производство предварительного следствия было возложено на судебного следователя, который принадлежал к судебному ведомству. Принадлежность к судебной власти определяло и соответствующий статус как уголовно-процессуальный, так и общеправовой.

2. Законодательное регламентирование предварительного следствия проходило в различных формах. Предварительное следствие в разное время осуществлялась и чинами судебной власти – судебными и народными следователями, следователями прокуратуры, следователями органов внутренних дел и органов безопасности, следователями следственного комитета. В зависимости от ведомственной принадлежности обособывали и процессуальные функции следователя. Это было и осуществление предварительного расследования, то есть деятельность которая не является ни обвинительной, ни защитой. В период подчинения следственного аппарата прокуратуре аргументировался вывод об обвинительной природе деятельности следователя, и именно это положение нашло отражение в уголовно-процессуальном законодательстве современной России. Несмотря на одинаковый процессуальный статус и единые задачи уголовно-процессуальной деятельности "среди равных" выделялись следователи прокуратуры, которые расследовали уголовные дела о наиболее тяжких преступлениях, а также о должностных преступлениях. В настоящее время это в полной мере относится к следователям следственного комитета. Преступления против основ государственной безопасности расследовались следователями органов государственной безопасности. Значительную часть уголовных дел о преступлениях против личности, против собственности расследовались следователями органов внутренних дел, конкуренцию которым составляло расследование в форме дознания.

3. Институт предварительного следствия едва ли не самый реформируемый институт уголовно-процессуального права в Российской Федерации со времени принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Поручение Президента Российской Федерации В. В. Путина о изучении предложений по созданию института следственных судей вызвало отклик как среди практических работников, так и в научной среде. Одним из аргументов введения данного института называется необходимость судебного контроля за предварительным следствием. Как отмечает Т. Морщакова: "Главный смысл этой фигуры в том, что это будет судья по контролю за следствием"¹. И как уже это было

не один раз, усиление дискуссии о предварительном следствии является предвестником существенного изменения уголовно-процессуального законодательства и аргументацией будут необходимость расширения процессуальной самостоятельности и независимости следователя и внедрение состязательности на досудебные стадии.

4. В процессуальной литературе процессуальная самостоятельность следователя раскрывается в целом единообразно, с незначительными вариациями, и означает возможность следователя самостоятельно принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий и нести полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Процессуальная независимость следователя характеризуется объёмом полномочий прокурорского надзора и ведомственного и судебного контроля по даче обязательных указаний следователя во время производства предварительного следствия. Обеспечение процессуальной самостоятельности и независимости следователя должно способствовать проведению объективного, всестороннего и полного расследования обстоятельств совершения преступления, собирания всех необходимых доказательств для обеспечения быстрого и справедливого рассмотрения уголовного дела в суде. В этом контексте полагаем возможным рассматривать вопрос в контексте расширения прав следователя и необходимости введения института следственных судей. Здесь необходимо сделать оговорку. В процессуальной литературе нередко применяются термины следственный судья и судебный следователь, как тождественные понятия. Критикуя данный подход Н. Н. Ковтун правильно отмечает, что "не определившись изначально в терминах, сути и предмете спора, направлениях возможных новаций, законодателю соответственно предлагают то ввести в уголовное судопроизводство России судебного следователя, то следственного судью, но отчего то с аналогичными функциями и полномочиями в процессе. В итоге порой невозможно понять: посредством введения означенных выше субъектов нам предлагают реформировать органы предварительного следствия в соответствии с (неоднократно озвученной) идеей создания единого автономного федерального органа расследований (в том числе, по аналогии реформ 1860-1864 гг. XIX века, о введении фигуры «...следователя при суде»)? Или речь все же идёт о модернизации оперативного судебного контроля в уголовном процессе России (ст. 108, 125, 165 УПК РФ), в принципе не оправдавшего тех целей и задач, которые ставились перед ним авторами Концепции судебной реформы 1991 года?"².

5. Опыт УПК Украины 2012 года, в соответствии с которым в уголовное производство был введён новый участник - следственный судья, позволяет выявить положительные и негативные аспекты. В соот. с п. 18 ч. 1 ст. 3 УПК Украины 2012 года "следственный судья - судья суда первой инстанции, к полномочиям которого относится осуществление в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном произ-

¹ Главный по арестам. Следственные судьи защитят от незаконных дел // Российская газета [Эл.текст] <http://www.rg.ru/2015/03/12/sledstvie.html> (дата обращения 12.04.2015)

² Ковтун Н.Н. Судебный следователь и следственный судья – разные субъекты правовых отношений [Эл.текст] // <http://www.iaaj.net/node/486> (дата обращения 12.04.2015)

водстве, и в случае, предусмотренном статьёй 247 настоящего Кодекса, председатель или по его указанию иной судья Апелляционного суда Автономной Республики Крым, апелляционного суда области, городов Киева и Севастополя. Следственный судья (следственные судьи) в суде первой инстанции избирается собранием судей из состава судей этого суда". Таким образом, следственный судья в уголовном процессе Украины – это оперативный судебный контроль за досудебным следствием. То есть фактически дополнительный орган, который осуществляет контроль за досудебным следствием, а значит и существенно снижает процессуальную самостоятельность и независимость следователя. Учитывая, что все основные решения о проведении следственных действий (обыск, осмотр места происшествия в жилище, выемка) принимались следственным судьёй, на следователя возлагалась лишь ответственность за досудебное следствие, при фактически полном отсутствии самостоятельности. И возникала парадоксальная ситуация, следователь лишённый процессуальной самостоятельности отвечал за качество досудебного следствия. Этот опыт уголовно-процессуального права не должен воплотиться в законодательстве России. Введение института следственного судьи для принятия процессуальных решений на досудебном следствии одновременно ограничивает самостоятельность следователя. Вовлечение большого круга участников при проведении судебного разбирательства по получению разрешения на обыск влечёт риск разглашения тайны предварительного следствия и не способствует своевременному реагированию на необходимость получения доказательств.

6. Второй аспект проблемы введения института судебных следователей в целом также не является чем-то новым и оригинальным, а своеобразная форма решения вопроса о единстве следственного аппарата и его ведомственной принадлежности. Наделение судебного следователя полномочиями по производству следственных действий и фактически производства в полном объёме предварительного следствия ни что иное, как решение вопроса о ведомственной принадлежности. Нельзя не признать правильным подход, при котором следственный аппарат выведен из прокуратуры. В тоже время не должен быть следственный аппарат сосредоточен и в одном ведомстве. Как минимум уголовные дела о преступлениях самих следователей, не должны расследоваться следователями того же ведомства. Но при этом приемлемой является структура, при которой на отдельный следственный орган возлагается обязанность расследовать уголовные дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, и о должностных преступлениях. Вероятно именно такой подход, введение института судебного следователя, то есть "следователя при суде", в большей мере будет способствовать качеству предварительного расследования. Аргументировать можем это следующим: а) отнесение следователя в состав судебной власти будет означать не механическое перенесение следственного комитета под руководство Верховным Судом РФ, а существенное уравнивание правового статуса, не только уголовно-процессуального, со стороны обвинения. Речь идёт о социально-бытовых гарантиях деятельности, о пенсионном обеспечении и т.п.; б) очевидным шагом будет и исключение следователя из стороны обвинения, что должно способствовать объективности расследования;

в) вхождение в состав судебной власти позволит следователю самостоятельно и оперативно принимать решения о производстве неотложных следственных действий, избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, и в случае незаконного принятия решения – нести соответствующую ответственность.

7. Полагаем, что решить проблемы предварительно-го следствия путём введения дополнительного оперативного контроля, пусть и судебного, является не самым эффективным путём. Эффективность и качество расследования будет улучшаться только при наделении следователя соответствующим процессуальным, и самое главное общеправовым статусом. А будет ли это в составе одного ведомства или разных, не окажет решающего значения.

Чумаков А. В.
Боровских Р. Н.

*Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета
(Новосибирск)*

ТИПИЧНЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

Федеральный закон РФ от 29.12.2006г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [,с.19] определяет материнский (семейный) капитал (маткапитал) как средства федерального бюджета, передаваемые в Пенсионный фонд РФ на реализацию дополнительных мер государственной поддержки, установленных настоящим Федеральным законом.

За восемь лет реализации данного закона помощь от государства в виде сертификатов на материнский капитал получили более пяти миллионов граждан РФ [], при этом с каждым годом растёт размер соответствующей выплаты (изначально – 250 тыс. руб., в настоящее время – 453 026 руб.

Значительность размер суммы маткапитала обуславливает высокие риски совершения мошеннических посягательств. По данным статистических отчётов МВД России в 2013 году в производстве находилось 9874 уголовных дел, возбуждённых по признакам преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ. В суд направлено уголовных дел по 5849 эпизодам преступной деятельности.

В судах состоялись обвинительные приговоры в отношении 1138 лиц, из них 68 % осуждены условно, 24 % лиц был назначен штраф, 4 % получили различные сроки лишения свободы [].

Приведённые данные свидетельствуют об актуальности задачи совершенствования правовых, криминалистических и иных средств противодействия мошенничеству при получении средств маткапитала. В части криминалистического обеспечения, очевидна необходимость формирования научно-обоснованных положений методики расследования данного вида мошеннических посягательств.

В рамках данной статьи для целей формирования вышеуказанной методики будут охарактеризованы ти-

пичные способы совершения мошеннических посягательств, направленных на незаконное получение средств маткапитала.

В процессе изучения судебной практики по делам о мошенничестве при получении средств маткапитала было установлено, что одним из наиболее распространённых способов совершения данного преступления является получение предоставления в Пенсионный фонд РФ документов, содержащих заведомо ложные сведения, на основании которых производится выплата.

В соответствии с требованиями действующего законодательства, для получения средств маткапитала заявителю, по общему правилу, необходимо предоставить:

- 1) заявление о выдаче сертификата на материнский (семейный) капитал;
- 2) документ, удостоверяющий личность;
- 3) документы, подтверждающие рождение ребёнка;
- 4) документы, подтверждающие российское гражданство ребёнка.

В данном отношении следует отметить, что в большинстве случаев преступные посягательства осуществляются путём подделки заявления о выдаче сертификата на получение материнского капитала.

К числу наиболее распространённых способов совершения рассматриваемого вида мошенничества также относится так называемое «обналичивание» средств маткапитала. Практике известны несколько разновидностей данного способа совершения мошенничества, на описании которых следует остановиться подробнее.

Один из видов – заключение фиктивных договоров купли-продажи жилого помещения. Приведём характерный пример.

О. и Р. осуждены по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ за совершение преступления при следующих обстоятельствах.

О., имея право на дополнительные меры государственной поддержки, в связи с рождением ею второго ребёнка получила государственный сертификат на маткапитал на сумму 276 250 рублей. В дальнейшем, О. действуя по предварительному сговору со своим супругом Р., зная о государственной материальной поддержке в виде денежных средств по сертификату на маткапитал, а также, о том, что перечень способов реализации средств маткапитала является исчерпывающим, обратились в управление Пенсионного фонда РФ, со сведениями о направлении средств маткапитала на улучшение своих жилищных условий. Так, О. совместно с Р. предоставили работникам Пенсионного фонда РФ документы, подтверждающие оформление на имя Р. документов для приобретения недвижимости, оформления в Сбербанке России кредитного договора на сумму 400 000 рублей, и фиктивного предварительного договора купли-продажи. Получив средства маткапитала по указанным подложным документам, О. и Р. распорядились ими по своему усмотрению. Ущерб составил 276 250 руб..

Другая разновидность "обналичивания" представляет собой совершение фиктивных сделок с недвижимостью, непригодной для проживания.

В настоящее время существует множество «агентств недвижимости», которые являют собой фирмы-однодневки, предлагающие заключить фиктивный договор займа на покупку жилья. В ходе таких сделок преступники предоставляют в Пенсионный фонд РФ документы на приобретение жилья за счёт средств материнского капитала, в которых указана ложная ин-

формация о его стоимости. При проверке, оказывается, что указанная недвижимость фактически не пригодна для проживания. Так, в качестве примера можно привести уголовное дело, возбуждённое по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ в отношении членов организованной преступной группы И., Д., Ш. и других лиц, которые занимались хищением бюджетных денежных средств, выделяемых в качестве материнского капитала, путём заключения фиктивных договоров займов на приобретение жилья между кредитным потребительским кооперативом «Первый инвестиционный» и обладателями сертификатов. При этом обладатели сертификатов достоверно знали о том, что фактически денежные средства кооперативом не предоставляются, приобретаемое жилье для проживания не пригодно. В рамках расследования установлено 38 эпизодов преступной деятельности, И., Д., Ш. и предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159.2 УК РФ. К уголовной ответственности также привлечены риелторы и владельцы сертификатов на материнский капитал.

Ещё одна разновидность «обналички» - приобретение жилья у родственников (как правило, лица с другой фамилией). После регистрации сделки деньги перечисляются «продавцу», который, в свою очередь, возвращает эту сумму уже бывшему владельцу сертификата.

Оспорить подобную сделку довольно сложно при том, что законодательство содержит следующие требования

- 1) купить жилье можно у близких родственников – матери, отца, сестры, брата, бабушки (существует запрет на приобретение недвижимости у супруга);
- 2) родственники обязаны выписаться из продаваемого жилья;
- 3) семья должна оформить недвижимость в общую совместную собственность всех членов семьи.

С учётом этого, следует иметь в виду, что при приобретении жилья у родственников за счёт средств маткапитала, в отдельных случаях имеют место реальные сделки, не связанные с хищением [, с.14].

Ещё одна известная «схема обналичивания» средств маткапитала связана с противоправными действиями с ипотекой: держатель сертификата на маткапитал оформляет ипотечный кредит в банке на покупку жилья, далее риелторская фирма заключает фиктивный договор купли-продажи, согласно которому держатель сертификата якобы приобретает у фирмы квартиру, затем все необходимые документы направляются в Пенсионный фонд РФ, после чего осуществляется выплата средств маткапитала, из которых держатель получает в лучшем случае половину причитающихся ей денег, а остальные средства идут на оплату «услуг» банка и риелтерской фирмы.

Распространена «схема», когда обладательница сертификата на маткапитал приобретает жилье по стоимости, которая отличается от той, что указана в договоре[].

Подводя итоги, можно заключить, что на сегодняшний день уже выявлены такие способы совершения мошенничества при получении материнского капитала, как "обналичивание" денежных средств и нецелевое расходование социально ориентированных денежных средств, совершение фиктивных сделок с недвижимостью. Представляется что этот перечень в будущем может расширяться и мы будем иметь дело с качест-

венно новыми механизмами совершения мошенничества. В этой связи, представляется возможным сделать вывод о том, что заявление о выдаче сертификата на получение материнского капитала, как основного документа позволяющего лицам получить средства государственной социальной помощи, наиболее часто подвергается подделке и может содержать ложные сведения о получателе.

Обращаясь к вопросу о круге лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование по делам о мошенничестве при получении средств материнского капитала, можно сделать следующий вывод: сравнительно небольшое количество лиц подвергается уголовному преследованию, что говорит о необходимости реформирования существующей системы борьбы с преступлениями экономической направленности и мошенническими посягательствами в частности. Именно формирование научно-обоснованных методик противодействия и разработка механизма предупреждения мошеннических посягательств должны являться первоочередной задачей законодателя, правоприменителей и членов научного сообщества.

Литература: 1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29.12.2006г. № 256-ФЗ (с изм. от 27.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1. – Ст.19; 2. Более пяти миллионов российских семей получили сертификат на материнский капитал // Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. Режим доступа: http://www.pfrf.ru/family_cap_recieving. (Дата обращения: 01.09.2014); 3. Официальный сайт МВД РФ. Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>. (Дата обращения 07.09.2014); 4. Приговор Московского районного суда Краснодарского края по делу № 1-179/2013 от 08.08.2013г. [Электронный ресурс] // Сайт «РосПравосудие». Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-mostovskoj-rajonnyj-sud-krasnodarskij-kraj-s/act-431905266>. (Дата обращения 01.09.2014); 5. Мун О. Махинации с материнским капиталом // Жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 14; 6. Об этом см. решение Горномарийского районного суда Республики Марий Эл от 6.06.2012 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/vBZ1qWSFj3YT/> (дата обращения 8.09.2014);

Шамонова Т. Н.

Международный университет в Москве, юридический факультет (Москва)

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Если обратиться к истории исследуемой стадии уголовного процесса России, то можно увидеть, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не отражали стадию возбуждения уголовного дела и проверку сообщений о преступлении до начала уголовного производства (предварительного расследования). Эта начальная стадия появилась в уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г., юристы ею определяли как процессуальную гарантию защиты граждан [1, с.193-210].

Ст.109 УПК 1960г. предусматривала обязательность приёма заявлений и сообщений о преступлениях, принятия по ним решений в срок не более 3-х суток (исключение: не более 10 суток). При этом могли быть истребованы необходимые материалы и получены объяснения, но "без производства следственных действий, предусмотренных настоящим кодексом", но осмотр

места происшествия (следственное действие) был возможен до возбуждения дела в случаях, не терпящих отлагательства (ч.2 ст.178 УПК 1960г.).

Действующий УПК России 2001г., по сути, продублировал положения данной начальной стадии, но исключил получение объяснений. Это считаем неким недоразумением, оплошностью конструирования ст.144: объяснения являлись (и являются) основным средством проверки информации о преступлении. Вместе с тем, начиная с 2003г., в ст.144 УПК "Порядок рассмотрения сообщения о преступлении" законодатель вносил дополнения неоднократно (в 2007, 2008, 2010 гг.) [2]. Таким образом, п. а ч.1 ст.144 стал представлять следующее: "При проверке... дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов". Помимо осмотра места происшествия здесь допускались и следственные действия: осмотр трупа и освидетельствование (ст.178-179УПК РФ).

Регламентирование в законе исследований документов, предметов, трупов по существу закрепило давно сложившуюся практику производства так называемых предварительных исследований с участием специалистов для проверки обоснованности поступивших сообщений о преступлении. Составляемые при этом справки, акты служили основанием для возбуждения уголовного дела при решении вопросов о причинении вреда здоровью в ДТП и хулиганстве, и т.д.; о сбыте и приобретении наркотиков, о подлоге в документах и проч. деяниях. Соответственно, ревизии проводили по фактам хищений, взяточничества и др. правонарушений в экономической сфере.

Все указанное свидетельствовало, на наш взгляд, о стремлении законодателя придать осуществлявшимся на практике в "доследственной" проверке действиям процессуальный статус. Так, исследования документов в любом виде затрагивали, так или иначе, права определённых лиц в деятельности при их использовании. Однако такое следственное действие как выемка документов в проверке заявлений новый УПК РФ не предусмотрел.

Как следствие их истребовало на практике? Разрешалось это таким путём: проверяемому или его руководителю предлагалось добровольно выдать документы, а если это не делалось, то применялись либо оперативные действия, либо проводился осмотр места происшествия, где документы, как и другие объекты, можно было изъять, несмотря на несоответствие подобных действий задачам осмотра. Притом на данной стадии документы и предметы зачастую изымались и с помощью составления неких протоколов или актов изъятия, хотя указанное не могло быть признано источниками доказательств, но нередко это все же практиковали. Полагаем, что игнорирование законодателем следственного действия "выемка документов, предметов" не соответствует установленным требованиям закона о производстве названных выше исследований на данной начальной стадии уголовного процесса.

Работа с участниками проверяемого события заключалась и в получении объяснений от предполагаемых в будущем подозреваемых, потерпевших и от возможных очевидцев. Так, некоторые авторы, исследуя этот во-

прос, утверждают, что в структуре документов, составляемых при проверке сообщений о преступлении, объяснения от лиц разных категорий составляют 89,6% случаев [3, с.99-102]. По мнению других, в этой проверке "заложено главное противоречие между заявленными целями и реальным положением вещей. В силу того, что уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок отображения объяснений у различных лиц, а правовой статус не определён, они не могут защищать себя и свои законные интересы. Нередко отображение объяснений производится неоднократно" [4, с.128,223].

Вряд ли, да и невозможно, на наш взгляд, урегулирование в законе порядка и деталей всех действий в ходе проверки, в том числе при получении объяснений, справок, проведении исследований, иных проверочных процедур Их много, а законодатель не в состоянии все перечислить и тем более урегулировать (эта попытка в ст.144 УПК, как считаем, не во всем удачна).

Значительные изменения рассматриваемой стадии произошли в связи с принятием 4 марта 2013г. очередного Федерального закона [5]. Так, в новой редакции ч.1 ст.144 УПК нашли отражение существенные дополнения. Субъекты проверки были "вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в её производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование...". Было также указано: "давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий".

Как видим, многие предложения учёных и практиков по совершенствованию начальной стадии законодателем уже реализованы. В частности, закреплено производство судебной экспертизы в ходе проверки, чего большинство экспертного сообщества добивалось долгие годы. При этом в ст.144 УПК повторялось и прежнее требование о проведении исследований специалистом, а их перечень оставлен без изменений. Исследования, на наш взгляд, не стоит считать излишними, хотя бы потому, что в определённых случаях невозможно производство экспертизы, например, по материалам, имеющим признаки экономических преступлений. Как правило, назначение этих экспертиз требует длительной проверки: производства ревизий, инвентаризаций и т.п. Невозможна в начальной стадии и судебно-психиатрическая экспертиза. Это обусловлено тем, что участники проверки заявлений о преступлении ещё не имеют процессуального статуса.

Представляется значимым дополнение ч 1.2 ст.144 УПК: "Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 настоящего Кодекса". Поэтому разделяем мнение о том, что изменение сути проверочных мероприятий свидетельствует о стремлении законодателя увеличить возможности доказательственной деятельности лиц в доследственной проверке, и тем самым обеспечить большую достоверность информации о наличии признаков преступления. Но Е.А.Зайцева полагает, что новеллы закона 2013г. "способны породить значительные проблемы правоприменения в виду их непродуманности, противоречивости и поспешности", отмечая

то, что детально не регламентированы случаи, когда в этой стадии требуется судебная экспертиза (не любые экспертизы), хотя объективно необходимость существует. И считает невозможным получение любых образцов у любых лиц без оговорок о мере возможного принуждения и добровольности дачи образцов, без указания их вида [6, с.73-79].

На наш взгляд, подобная регламентация в ст.144 и не требуется, УПК в досудебном производстве называет обязательными лишь некоторые экспертизы (ст.196), а в остальном субъекты расследования самостоятельны и исходят из интересов следствия и потребности в том или ином экспертном исследовании. С учётом практического опыта выше нами указан ряд случаев невозможности проведения отдельных экспертиз до возбуждения дела, а в УПК все ситуации предусмотреть нереально. Чаще всего необходимость в экспертизе возникает по фактам незаконного оборота наркотиков, иных веществ, причём, когда они изъяты в микроколичествах. Их исследование в ходе доследственной проверки приводило к израсходованию вещества, что делало невозможным проведение экспертизы в уголовном деле.

Для таких, например, случаев и им подобных с учётом изменений закона и с целью эффективности результатов следствия криминалисты и разрабатывают соответствующие рекомендации. Не нужна в УПК РФ, как полагаем, и детализация процедуры получения образцов в рассматриваемой проверке, т.к. в тексте ст.144 даются ссылки: "в порядке, установленном настоящим Кодексом", т.е. имеется в виду ст.202 УПК. Конкретные же действия уполномоченных лиц о мере принуждения или добровольности в получении образцов выработаны на практике с учётом норм уголовно-процессуального закона и рекомендаций криминалистики.

Заслуживает внимания мнение А.А. Рытькова, что начальную стадию уголовного процесса следовало бы именовать стадией рассмотрения сообщения о происшествии (преступлении) и принятия по нему решения. Название начальной стадии процесса в уголовно-процессуальном праве нельзя признать точным и соответствующим его сущности, поскольку здесь может быть принято решение и об отказе в возбуждении уголовного дела. В этом случае стадия будет не начальной, а единственной [7, с.240-243].

Заметим, что новые дополнения хотя и существенны для следственно-экспертной практики, но при этом складывается впечатление, как отмечают многие юристы, что такое наполнение содержания проверки заявлений о преступлении процессуальными и следственными действиями постепенно и все дальше размывает границы между собственно проверкой и самим предварительным расследованием. Означает ли это необходимость такой стадии вообще? Возражения против стадии возбуждения уголовного дела в основном сводятся к позиции разработчиков Концепции судебной реформы 1991г., исходивших из положений Устава уголовного судопроизводства 1864г. (ст.303) о том, что "жалобы почитаются достаточным поводом к начатию следствия. Ни судебный следователь, ни прокурор не могут отказать в том лицу, потерпевшему от преступления или проступка" [8].

О ссылках на Устав 1864г., другие акты О.В. Хитрова верно замечала: они "предназначены для регулирования правоотношений в иных исторических, социаль-

ных, экономических, политических условиях...", их простое копирование неуместно. Близка нам его позиция и в том, что "деятельность, "связанная" с преступлением, должна регламентироваться исключительно уголовно-процессуальным законом. При наличии юридического факта - сообщения о преступлении, возникает уголовно-процессуальные отношения: иной их правовая природа быть не может" [9, с. 393-404]. Ею разделяют и другие учёные: процессуальные отношения (ст.141-143УПК) формируются "ещё при приёме заявлений о преступлении. Постановление же о возбуждении дела и есть его начало, необходимость начать следствие, исследуя обстоятельства преступления" [10, с.59-65]. На этот счёт мы имеем и своё мнение, опираясь на практику и на собственный следственный опыт. Стадия возбуждения уголовного дела, самостоятельный институт уголовного процесса, пополнилась новыми процессуальными средствами, в том числе следственными действиями, для проверки заявлений о преступлении; к тому же стал более определённым и статус участников данной проверки. Названные выше действия, представляется, выбраны законодателем не случайно, а обоснованы условиями подготовки экспертизы. Для её производства требуется осуществить изъятие и осмотр объектов (в т.ч. следов); освидетельствование пострадавших или иных субъектов; получить ряд образцов как экспериментальных, контрольных, так и свободных (например, для почерковедческой экспертизы), а также провести иные процедуры, например, получить объяснения от заинтересованных лиц и т.д. Учитывая все это, в ст. 144 УПК увеличен срок проверки до 30 суток.

Увеличение времени для проверочных действий может положительно повлиять и на соблюдение следователями процессуальных сроков и всего

расследования. Не секрет, что для них и оперативных работников это имеет большое значение. Нередко на качество проверки сказывался именно недостаток времени, невозможность выполнения необходимых действий, в связи с чем нарушались установленные законом ею сроки, оформлялись "задним" числом следственные действия и др.

Подобные изменения начальной стадии, считаем, могут способствовать качеству "доследственной" проверки, принятию обоснованных решений для начала предварительного расследования или отказа в возбуждении уголовного дела. В результате же незаконного решения о его возбуждении или отказе возможно нарушение прав и интересов отдельных лиц, и общества в целом. Оттого обсуждать ненужность начальной стадии уголовного процесса в настоящее время, полагаем, вряд ли своевременно. По поводу многих возникших вопросов и сомнений, как надеемся, появятся соответствующие разъяснения Верховного суда РФ, хотя, как показывает практика, ожидаемое может произойти не очень скоро.

Несмотря на неясность ряда положений, и упущениях в новеллах УПК, нуждающихся в дополнении и уточнении: в обеспечении реализации прав пострадавших от преступлений лиц, доведения внутрироссийского законодательства до уровня мировых стандартов в части защиты их прав и интересов[11], исследуемые изменения сущности проверки заявлений о преступлении свидетельствуют, на наш взгляд, о попытке законодателя решить наболевшие вопросы, возникающие у

практических (и научных) работников о её содержательной стороне и правах участников действий на стадии возбуждения дела. К исследуемым вопросам, на наш взгляд, следует вновь вернуться после апробирования на практике нового содержания доследственной проверки. Отрицательные результаты правоприменения новелл и соответствующее мнение практических работников, а не только представителей науки, возможно, и приведёт законодателя к решению об отказе от проверочных мероприятий и введения иного порядка возбуждения уголовных дел по сообщениям о совершенных и готовящихся преступлениях.

Литература: 1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР/под ред. А.М. Рекунова и А.К. Орлова. – М.: Юрид. лит., 1985; 2. Федеральный закон РФ от 4 июля 2003г. №92-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 05.06.2007 №87-ФЗ; от 02.12.2008 №226-ФЗ; от 29.12.2010 №433-ФЗ); Федеральный закон от 9 марта 2010г. №21-ФЗ; 3. Попов А.А. Стадия возбуждения уголовного дела: получение объяснений или допрос? Вестник Калинингр. фил. СПб Ун-та МВД России, 2014.№3; 4. Володина Л.М. Цели и задачи уголовного процесса //Государство право. 1994. №11; Проблемы уголовного процесса. - М., 2006; 5. Федеральный закон РФ от 4 марта 2013г. №23-ФЗ "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации".//СЗ РФ.2013.№9.Ст.875; 6. Зайцева Е.А. Арсенал средств доказывания в стадии возбуждения уголовного дела в контексте Федерального закона от 4 марта 2013г. №23-ФЗ //Проблемы отправления правосудия по уголов. делам в соврем. России: теория и практика: Сб. У-й Межд. науч.-практ.конф.04.2013. – Курск: ЮЗГУ, 2013. 7. Рытков А.А. Деятельность следователя на этапе реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Вестник Калининград. фил. СПб ун-та МВД России, 2014.№3; 8. Устав уголовного судопроизводства 1864г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (съем информ.3.02.2014); 9. Хитрова О.В. О целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела: за и против //Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: Сб. Всерос. науч.-практ. конф. В 3-х ч. – М.: Акад. упр. МВД России, 2011.Ч.1; 10. Зинатуллин З.З., Туров С.Ю. Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам: Матер. Межд. науч.-практ. конф. – Уфа, 2012; 11. Ширяева Т.И. К вопросу о необходимости реформирования российского уголовно-процессуального законодательства в свете реализации права на доступ к правосудию лиц, потерпевших от преступлений. – Ижевск, 2012.

Юрченко Л. В.

*Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Республика Крым)*

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУД КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

С 1 января 2013 года стадия кассационного производства приобрела принципиально новую сущность с вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ, который дополнил Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК) новой главой 47.1. Данная глава предусматривает порядок обжалования судебных решений, вступивших в законную силу, круг лиц, имеющих на это право, процедуру и сроки рассмотрения, порядок принятия судом кассационной инстанции решения.

Данной главой было установлено ограничение, что судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного года со дня его вступления в законную силу (ч. 3 ст. 401.2 УПК РФ - право на обращение в суд кассационной инстанции).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём постановлении от 28 января 2014 г. № 2 "О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции" высказался, что производство в суде кассационной инстанции, являясь важной гарантией законности судебных решений по уголовным делам и реализации конституционного права граждан на судебную защиту, предназначено для выявления и устранения допущенных органами предварительного расследования или судом в ходе предшествующего разбирательства дела существенных нарушений уголовного закона (неправильного его применения) и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявших на исход дела, и нарушений, искажающих саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

В пункте 7 Постановления содержится разъяснение о том, что в годичный срок кассационного обжалования не включается время производства по кассационным жалобе, представлению у судьи суда кассационной инстанции, включая время на истребование уголовного дела.

Данное разъяснение рассчитано главным образом на ситуации, когда стороны обращаются с жалобой, представлением до истечения годичного срока, но этот срок истекает в период производства по жалобе, представлению в первом звене кассационной инстанции (президиуме соответствующего суда), что фактически ограничивает стороны вправе обжаловать судебное решение в Верховный Суд РФ.

Закон допускает возможность восстановления срока кассационного обжалования при наличии к тому уважительных причин по правилам восстановления срока апелляционного обжалования (ст. 389.5 УПК РФ).

Пленум воздержался от разъяснения процессуального порядка восстановления срока на кассационное обжалование. И только в пункте 9 Постановления разъяснил судам, что предусмотренный ст. 401.6 УПК РФ годичный срок, в течение которого прокурор, потерпевший, его законный представитель и представитель вправе ставить в кассационном представлении, жалобе вопрос о пересмотре судебного решения, влекущем поворот к худшему, является по своей правовой природе пресекательным и восстановлению не подлежит ни при каких обстоятельствах. Если этот срок истёк на момент обращения в суд кассационной инстанции либо во время производства по жалобе (представлению) у судьи, то ходатайство о восстановлении пропущенного срока вместе с кассационной жалобой (представлением) возвращается заявителю без рассмотрения. Если к моменту вынесения решения судом кассационной инстанции истёк установленный ст. 401.6 УПК РФ срок, то суд кассационной инстанции своим постановлением (определением) оставляет кассационные жалобу, представление без удовлетворения.

Такое положение привело к тому, что за два года действия положений норм ч.3 ст. 401.2 и ст. 401.6 УПК РФ в судах кассационной инстанции накопилось большое количество не рассмотренных дел.

В пояснительной записке к проекту ФЗ N 518-ФЗ "О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений зако-

нодательных актов Российской Федерации" указано, что действующее сейчас ограничение срока обжалования в пользу осуждённого незаконного приговора не согласуется с укреплением режима законности, не обеспечивает исправление допущенных судебных ошибок, препятствует "устранению и пресечению очевидной несправедливости, неоправданной жестокости". А перенесение же положения о восстановлении пропущенного годичного срока обжалования в ст. 401.6 в целях расширения возможностей ухудшить положение этих лиц, по существу, парализует действие запрета такого поворота к худшему, не соответствует ответственности государственных органов обвинения в уголовном судопроизводстве и не может не вызывать критику как противоречащее принципу правовой определённости в судебной практике.

Таким образом Федеральным законом от 31.12.2014 N 518-ФЗ был исключён из ст. 401.2 "Право на обращение в суд кассационной инстанции" п.3, гласящий, что "Судебное решение может быть обжаловано в суд кассационной инстанции в течение одного года со дня его вступления в законную силу. Пропущенный по уважительной причине срок может быть восстановлен в порядке, предусмотренном статьёй 389.5 настоящего Кодекса".

Надо отметить, что порядок обжалования судебных решений по уголовным делам в кассационную инстанцию, круг лиц, имеющих на это право, достаточно полно урегулированы нормами УПК РФ. Однако многие статьи в УПК РФ являются отсылочными, что в свою очередь затрудняет их понимание участниками уголовного судопроизводства, что, безусловно, создаёт на практике не только определённые неудобства, но и влечёт судебные ошибки.

Когда положения уголовно-процессуального законодательства вызывают вопросы в правоприменении их на практике, то их разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своём постановлении. На наш взгляд, более логичным будет введение в УПК РФ конкретной нормы о сроках, в течение которых можно будет реализовать право на обращение в суд кассационной инстанции с учётом следующих положений:

- право на обжалование судебных решений в кассационную инстанцию по основаниям, влекущим улучшение положение осуждённого (по мотивам невиновности осуждённого, в связи с необходимостью применения закона о менее тяжком преступлении, за суровостью наказания) или иного лица (например, отмена принудительных мер медицинского воздействия и т.д.), сроками не ограничена;

- подача кассационных жалобы или представления стороны обвинения о пересмотре судебного решения по мотивам ухудшения положения осуждённого (оправданного) или иных лиц (например, в отношении которых вынесено решение об отказе в применении принудительных мер медицинского воздействия) допускается в течение одного года с момента вступления такого решения в законную силу. Указанный срок, в случае его пропуска, восстановлению не подлежит. Действия суда кассационной инстанции по подготовке дела к рассмотрению в судебном заседании на основании поданных в годичный срок кассационных жалоб, представлений, их рассмотрение и принятие самого решения, ухудшающего положение осуждённого или иного лица, в этот срок не включаются.

Яковлева С. В.

*Институт Психологии имени Л. С. Выготского,
Российского государственного гуманитарного
университета
(Москва)*

Психологическая экспертиза деструктивного воздействия на личность в деятельности религиозных и общественных объединений

На современном этапе развития общества особо актуальной проблемой стала необходимость разработки чётких критериев для определения деструктивного воздействия на личность со стороны различных культов.

С активизацией деятельности организаций деструктивной направленности многие зарубежные страны столкнулись на существенно раньше России. Уже в начале 90-х годов 20 века в работе К. Толберта и Е. Пэмэна приводятся адреса 729 зарубежных научных центров и отдельных учёных, исследующих социально-психологические аспекты различных культов (Tolbert K., Pemen E., 1993). Труды Т.Робинсона, М. Лангоуни, М.Росса, М.Шамса и П.Джексона, Р.Зимбардо и С.Андерсона, С. Хассэна, П. Мартина и других посвящены психологическому исследованию различных аспектов деятельности деструктивных культов. R.J. Lifton первым описал 8 элементов, применяемых для тоталитарного воздействия на личность, которые при одновременном и систематическом их использовании приводят к "катастрофическому изменению самосознания".

Самой серьёзной проблемой является то, что следствием воздействия деструктивных культов на сознание адептов является разрушение личности, семейных и родственных отношений, нанесение вреда физическому и психическому здоровью людей. Отличительной особенностью деструктивных культов является использование манипулятивных приёмов при формировании контроля над личностью адепта, приносящие вред как самим адептам. Так и их семьям, и обществу в целом.

Цель воздействия - формирование новых самосознания, ценностей, убеждений и образцов поведения как совокупности стереотипов. Отказ от собственной человеческой уникальности и права на свободу.

В перечне основных понятий, использованных при разработке закона "О свободе совести и религиозных объединениях", указано: "деструктивная религиозная организация" — жёстко структурированная религиозная организация, практикующая скрытое психическое насилие, разрушительная к гармоничному духовному и физическому состоянию личности, а также к созидательным традициям, культуре, социальным структурам и нормам, сложившимся в обществе.

Чемберс и др. рассматривают культы как "группы, которые часто эксплуатируют своих членов психологически и/или финансово, как правило делая их полностью подчинёнными требованиям руководства при помощи определённых видов психологической манипуляции, популярно называемой "контроль сознания", и через внедрение глубоко затаённой тревожной зависимости от группы и её лидеров" [С. 132].

Хассен установил, что есть 4 основных вида культов: религиозные, политические, психотерапевтические и коммерческие [5, с. 16].

- Религиозные культы сосредоточены на религиозной догме.

- Политические культы организованы вокруг определённой политической догмы.

- Психотерапевтические культы предлагают прохождение семинаров и тренингов с целью достижения особого уровня развития личности. Эти культы используют многие основные методики контроля сознания, заставляя записываться на более дорогие курсы совершенствования.

- Коммерческие культы используют стремление личности к успеху в обществе, достижение высокого материального уровня. В данных культах предлагают принадлежность к особому кругу соратников, особого товара и пр. В данных культах манипулируют сознанием людей с целью формирования у них готовности на передачу денежных средств либо на работу в данной организации.

Успех личности в данных организациях измеряется количеством завербованных новых адептов, которые, в свою очередь, рекрутируют других.

При оценке характера группы исследуются:

- Наличие лидера и особенности реализации лидерства;

- Особенности доктрины;

- Особенности вербовки. Важно определить, какими методами человека затягивают в группу и удерживают в ней.

- образ жизни членов группы необходимо анализировать, принятые в группе правила взаимодействия в группе и особенности обмена информацией с внешним миром

- существует ли свобода выхода из группы.

Осуществление контроля над личностью — это не стихийная акция, а целенаправленный процесс воздействия. Вербовка — это не стихийная акция, а целенаправленный процесс воздействия. Каждый этап чётко спланирован. Во время вербовки навязывается система ценностей группы. В процессе вербовки собирается информация о вербуемом: его мечты и страхи, успехи и значимое социальное окружение. Нагнетается атмосфера необыкновенной заинтересованности и внимания, безусловного принятия, высокой ценности адепта для культовой группы, что часто существенно контрастирует с социальными контактами вне культа. Цель воздействия - формирование новых самосознания, ценностей, убеждений и образцов поведения как совокупности стереотипов. Отказ от собственной человеческой уникальности и права на свободу.

При анализе деятельности деструктивного культа особая роль отводится формам реализации психического насилия. Существует большое число определений насилия, и практически во всех этих определениях под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям и/или жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного.

Психическое насилие М.М. Коченов понимал как применение средств психологического воздействия, направленных на принуждение человека к совершению нежелательных для него поступков путём воздействия на интеллектуальные, эмоциональные и мотивационно-волевые процессы, существенно ограничивающих "свободу воли" человека в выборе сознательного целенаправленного действия.

Под насилием понимают применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже потенциально возможного. Угроза возможного насилия также является насилием. В качестве основных потребностей рассматриваются: а) потребность выживания (отрицанием данной потребности является смерть, смертность); б) потребность благополучия (отрицанием является нищета, болезни); в) потребность в идентичности (отрицание этой потребности — отчуждение); г) потребность свободы (отрицание — репрессии) [4, с. 190].

Шкала группового психологического насилия, предложенная У.Чамберсом, М. Лангоуни и П.Малиноски, содержит следующие параметры [6, с. 132-133]:

- Достижение прочного (плотного) контроля над временем индивидуума и содержанием мыслей, обычно посредством завоевания контроля над главными элементами социальной и физической окружающей среды личности.

- Систематическое создание чувства бессилия у личности.

- Управление системой наград, наказаний и переживаний (событий) таким образом, чтобы подавить внешне проявляемое поведение, которое отражает ценности и сложившуюся организацию жизни индивидуума, демонстрировавшиеся до контакта с группой.

- Поддержание закрытой системы логики и авторитарной структуры в организации.

- Поддержание неинформированного состояния, возникающего у субъекта...

При анализе психотехнологий современных деструктивных религиозных культов выделяют три этапа воздействия на психику:

- 1) первичное подчинение личности путём повышения уровня внушаемости с формированием раппорта, использование трансовых техник с целью фиксации первичной идеи;

- 2) период "обращения" адепта в члены культа — осуществление воздействия с целью выработки психической зависимости;

- 3) последующее систематическое отслеживание эффективности привитой человеку психической программы.

Основными критериями при определении наличия и/или степени деструктивного влияния на личность со стороны религиозного культа являются:

1. Утверждение принадлежности учения к особым, истинным знаниям.

2. Утверждение особой миссии: сохранение жизни на земле, формирование единственно правильного образа жизни.

3. Чёткое отграничение от людей других религиозных взглядов, деление на основе религиозного признака на "Мы и Другие", "Добро и Зло" соответственно.

4. Отделение от окружающего мира другой одеждой, особым режимом питания, ритуальным поведением, особым языком.

5. Запрет на критику со стороны представителей категории "Другие" и собственного критического отношения к идеям учения.

6. Наличие Лидера, за которым признается обладание особыми способностями и особым знанием. Он может решать, где им жить, чем заниматься, как распо-

ряжаться своим имуществом, с кем и в какие отношения вступать.

Воздействие деструктивного религиозного культа является единым комплексом психологического влияния, направленного на поэтапную трансформацию личности читателя. В результате наступают нарушения адаптации личности — разрушаются принятие индивидом своей социальной роли и способности приспособления к окружающей среде, согласование самооценок личности с его возможностями и реальностью окружающей действительности. Сочетание отмеченных изменений лишает личность способности критического осмысления происходящих изменений, ведёт к нарушению способности собственного независимого волеизъявления, в том числе и права на свободу вероопределения.

В задачи экспертизы деятельности культа входят: установление особенностей воздействия как насилия; особенностей эмоционального состояния, сформированного в результате воздействия, и влияния данного состояния на принятие решения личностью при социальных контактах и в отношении самого себя; на способность субъекта сохранять критичность, видеть альтернативы навязанным принципам жизни. В связи с данными задачами используется понятие здоровья, которое включает в том числе психическое и психологическое здоровье.

Психическое здоровье, как медицинское понятие, нормирует критерии со-знания, познавательной, эмоциональной, волевой сфер психической деятельности человека, констатирует отсутствие психических заболеваний.

Психологическое здоровье личности представляет собой интегрированную систему интра- и интерперсональных характеристик, обеспечивающих единство и целостность взаимосвязи внутреннего и внешнего мира, установок самопознания, самоактуализации и самореализации личности, её духовно-нравственного потенциала. Основу нравственного компонента здоровья человека составляет система ценностей и мотивов его деятельности, а также понимание высших человеческих ценностей — добра, любви, счастья, что и определяет в значительной мере духовность человека.

Под причинением вреда здоровью граждан вследствие деятельности деструктивного культа понимается возникновение, обострение физических и (или) психических расстройств, вызванных неблагоприятным воздействием деятельности данного культа на организм и психику человека. Т.е. в результате участия лица в деятельности культа у него сформировались: стойкое расстройство сна; апатия к жизни; поведение, неадекватное ситуации; ранее не существовавшее нежелание продолжать учёбу, работать; тенденция к разрыву социальных связей, семейно-родственных отношений; некритическое восприятие действительности; склонность к суициду.

Литература: 1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения — повседневное использование и злоупотребление. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002; 2. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. — СПб.: Изд-во "Питер", 2000; 3. Проблема религиозных культовых новообразований ("сект") в психолого-психиатрическом аспекте. — М.: Гос. научн. центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, 2000. — 100 с.; 4. Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сборник статей под редакцией проф. М.М.Решетникова. — СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004; 5. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. — С-Пб: прайм-

ЕВРОЗНАК, 2001; 6. Чамберс У. В., Лангоуни М. Д., Малиноски П. Шкала группового психологического насилия // Журнал практического психолога. 2000. № 1-2, с. 130-147; 7. Экспертиза в современном

мире: от знания к деятельности/ Под. Ред. Г.В.Иванченко, Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

Алымов Д. В. Применение знаний в области криминалистической виктимологии в деятельности по противодействию терроризму	3
Банников А. М., Бочарова О. С., Водолазов А. В., Мазур О. В., Ревинский В. В. Статистический подход для обработки массивов антропометрических данных с целью получения словесного портрета в автоматическом режиме	5
Батов А. Т. Некоторые проблемы правового регулирования процедуры передачи лица, осуждённого к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.....	7
Бекетов А. О. Процессуальные отношения руководителя следственного органа и прокурора	9
Белкин А. Р. Процессуальные проблемы обыска и выемки	10
Боровских Р. Н. Некоторые особенности выявления и расследования мошенничества в сфере страхования	13
Бородин В. С. Криминалистическая сложность расследования преступлений	14
Бурмагин С. В. Защита публичных и частных интересов при прекращении уголовного дела за примирением сторон.....	16
Быков В. М. Проблемы суда первой инстанции.....	18
Гаджихамедов Ф. В., Макаров П. А. Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Крымском федеральном округе в новых правовых реалиях	20
Гармаев Ю. П., Михайлов М. А. Правовое просвещение в Крымском федеральном округе: антикриминальный аспект	23
Губанова Е. В. Уголовная политика России в отношении защиты прав несовершеннолетних	26
Даровских С. М. К вопросу о восстановлении института следственных судей в уголовном процессе России.....	28
Дмитриева А. А. Законные интересы потерпевшего как объект правовой защиты	30
Захаров Д. А. Активность суда при исследовании обстоятельств дела как элемент состязательности в уголовном судопроизводстве	31
Иванченко Е. Д., Соколова И. Ф., Ботенко В. Н., Олейник Е. Ю., Морозов И. С. Компетентность судебно-медицинского эксперта при производстве комиссионных экспертиз по профессиональным правонарушениям медицинских работников в отделе сложных экспертиз ГБУЗ РК "КР БСМЭ"	33
Кириллова Н. П. Некоторые вопросы поддержания государственного обвинения по отдельным категориям дел.....	34
Кокорин Д. Л., Хамидуллин Р. С. Некоторые особенности расследования преступлений связанных с незаконным оборотом наркотиков при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	36
Кушниренко С. П. Особенности проведения доследственной проверки сообщения о корпоративном захвате.....	39
Лифанова Л. Г., Гонтарь С. Н. Демократизация норм уголовно-процессуального законодательства России, предусматривающих участие несовершеннолетних	41
Ласточкина Р. Н. Некоторые итоги судебной реформы в Российской Федерации	43
Лодыженская И. И. Предмет судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ и правовые позиции Конституционного Суда РФ	47
Майорова Л. В. Обоснованность подозрения в российском уголовном процессе	48
Макаров А. П. Проблемы правового регулирования использования результатов ОРД по делам о взяточничестве на современном этапе.....	51

Михайлов М. А. Необходимость учёта крымского опыта при решении вопроса о создании института следственных судей в Российской Федерации	54
Муратов К. Д. Вещественные доказательства по УПК Франции	56
Новиков С. А. Опасная тенденция абсолютизации собственного признания вины в современной России: уроки забыты?	57
Омельченко Т. В. Бесплатная юридическая помощь в переходный период в Республике Крым	59
Парамонова Л. Ф. Проблемные вопросы законодательства, регламентирующего судебно-экспертную деятельность в Казахстане	62
Пархоменко Л. В. Характеристика методов доказывания касательно полученных результатов одорологического исследования	64
Поддубняк А. А. Процессуальное положение защитника-адвоката в уголовном процессе	66
Потудинский В. П. Проблемы исследования рукописей и подписей, выполненных на украинском и крымско-татарском языках на основе кириллицы	67
Рахматуллин Р. Р. О некоторых проблемах использования криминалистической тактики при раскрытии преступлений	68
Рябинина Т. К., Козявин А. А. Особенности предмета досудебного соглашения о сотрудничестве: некоторые рекомендации из адвокатской практики	70
Смирнова И. Г., Коломинов В.В. Тактические особенности производства осмотра по делам о мошенничестве в сфере компьютерной информации	72
Титов А. Н. Участие защитника в уголовном процессе Донецкой Народной Республики	75
Тихомирова Т. О. Совершенствование правового статуса следователя	77
Чумаков А. В., Боровских Р. Н. Типичные способы совершения мошенничества при получении средств материнского (семейного) капитала	79
Шамонова Т. Н. Особенности следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела	81
Юрченко Л. В. Обжалование судебных решений по уголовным делам в суд кассационной инстанции	83
Яковлева С. В. Психологическая экспертиза деструктивного воздействия на личность в деятельности религиозных и общественных объединений	85

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

МАТЕРИАЛЫ
ТРЕТЬЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(посвящённая 10-летию кафедры уголовного процесса и криминалистики)

(24-25 апреля 2015 года)
г. Симферополь-Алушта

Ответственные редактора: М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко

Ответственный за выпуск: *Т. В. Омельченко*
Компьютерная верстка: *Т. В. Омельченко*

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 10,46. Тираж 300 экз. Заказ. №15008/1714.

Отпечатано с готового оригинал-макета в полиграфцентре «КУБ» (ИП Зуева Т.Н.)
295000, г. Симферополь, ул. Тренева, 1. Тел. (978) 772 40 21

